

НОВЫЕ СКАЗОЧНЫЕ ПОВЕСТИ

САМОУВАР

АНДРЕЙ
САЛОМАТОВ

ТАЙНА ЗЕЛЁНОЙ ПЛАНЕТЫ

АНДРЕЙ САЛОМАТОВ

ТАЙНА ЗЕЛЁНОЙ ПЛАНЕТЫ

ХУДОЖНИК
ГЕННАДИЙ СОКОЛОВ

САМОУАР

Дорогому Андрюшке
Tantum possumus, quantum scimus
(«Мы можем столько, сколько мы знаем»)
Латинская поговорка

ГЛАВА 1

Хотя каникулы ещё не закончились, Алёшу решено было отправить домой. Всё, что можно было посмотреть на планете Тимиук, он посмотрел, с местными жителями вволю пообщался и даже неплохо изучил тимиукский животный мир. До сих пор ни один член межпланетной биологической экспедиции не забирался так далеко в глубь неизведанной страны, как Алёша. И чтобы подобное случайно не повторилось, Алексей Александрович сказал своё веское слово:

— Домой, домой и только домой, мой дорогой сын. Маме о своих приключениях ни в коем случае не рассказывай, чтобы понапрасну не расстраивать её. Скажешь, что тебе здесь не понравилось, захотелось на дачу.

— Ты сам учил меня, что врать нехорошо, — низко опустив голову, пробурчал Алёша.

— Совершенно верно. Но если ты скажешь правду, будет ещё хуже. А уж если она узнает подробности, тебе придётся всё лето сидеть дома: мама будет бояться отпустить тебя даже в булочную или за мороженым. Так что давай не будем пугать маму и портить тебе каникулы.

— Давай, — согласился Алёша и шмыгнул носом. — А на чём я полечу?

— Завтра прибудет наш корабль «Виктория», привезёт продукты и кое-какую технику, — ответил Алексей Александрович. — Кстати, Цицерон полётит с тобой.

— Мы полетим с Цицероном? — обрадовался Алёша.

— Да. Тимиуки немного попортили этому оратору голову. Так что ему нужен основательный ремонт. А вместо него прилетит новый грузовой робот. Надеюсь, работающий и не такой болтливый. Хотя, честно говоря, сам иногда люблю побеседовать с нашим железным другом.

— А можно, мы с ним вместе полетим на Землю? — с надеждой в голосе спросил Алёша.

— Нет. Ремонтные мастерские находятся на промежуточной планете. А тебя Эдуард Вачаганович, капитан корабля, отвезёт на Землю.

— Жалко. — Алёша снова сник. — Мы бы вместе поехали на дачу. Я бы научил его ловить в речке рыбу и ходить за грибами.

— Представляю Цицерона с удочкой в манипуляторе, — усмехнулся Алексей Александрович. — Да от одного его вида вся рыба повывпрыгивает на противоположный берег.

— Разве это плохо? — сказал Алёша. — Он будет на одном берегу сидеть с удочкой, а я на другом собирать рыбу.

— В общем, готовь свои вещи, завтра отправление. — Алексей Александрович отвернулся к окну и добавил: — А чтобы тебе на даче не было скучно, можешь пригласить с собой своих новых друзей-мимикров Фуго и его тётушку Даринду.

— Можно с Фуго?! — радостно выкрикнул Алёша.

— Можно! Думаю, что наши космические путешественники не откажутся погостить на Земле. Они же хотели отдохнуть на какой-нибудь спокойной планете.

Собрался Алёша как всегда быстро, всего за полчаса. Он очень жалел, что нельзя увезти с собой на Землю тимиукскую

катапульту и воинские доспехи, чтобы потом рассказывать ребятам во дворе о своих инопланетных приключениях. При виде этой допотопной военной машины никто не посмел бы ему сказать, что он просто заливает. Правда, у него был тимукский кинжал, подарок Фуго, который Алёша бережно уложил в сумку.

Когда Фуго с тётушкой Дариндой узнали о приглашении посетить Землю, оба очень обрадовались. Весь вечер Алексей Александрович с Алёшей рассказывали им, какая это прекрасная планета и как здорово живётся у них на даче. Особенно мимикрам понравилось то, что земляне давно не воюют, что там не надо ни от кого прятаться и даже ночью можно спокойно сидеть на лавочке перед своим домом, смотреть на звёзды и не бояться, что тебя кто-нибудь съест или посадит в клетку. Тётушка аж всплакнула от умиления, а Фуго задумчиво проговорил:

— Только сейчас я понял, что имел в виду мой папа за два часа до того, как его съел бронедэг. Мы сидели на камне, грелись на солнышке, и он мне сказал: «Фуго, мальчик мой, если хочешь долго прожить, научись выбирать друзей». Теперь, когда у меня появились вы, я знаю, что он хотел этим сказать.

— Да,— сочувственно проговорил Алёша,— наверное, у тебя было тяжёлое детство.

— Не то что бы тяжёлое,— печально ответил Фуго,— но как жив остался, до сих пор не понимаю.

Утром следующего дня все поднялись рано, к прилёту космического корабля. Цицерон, у которого что-то произошло с блоком памяти, ходил по посадочной площадке и каждые две минуты спрашивал у Алёшиного папы:

— Алексей Александрович, вы меня что, в металлолом, что ли, определяете?

— Успокойся, дружище,— каждый раз терпеливо объяснял ему Алёшин папа.— Заменят тебе пару микросхем, шарниры, и станешь как новенький. А следующим летом снова возьму тебя с собой в экспедицию.

— А ты, Фуго, куда намылился? — снова спросил робот.

— Слушай, железный, я тебе уже говорил: мы с тётушкой летим в гости к Алёше. Если у тебя что-то с головой, нажми на свою красную кнопку и лежи отдыхай.

— Опять грубишь, мимикр, — спокойно сказал Цицерон.

— Я грублю?! — возмутился Фуго. — Вы слышали, я грублю! Всё утро я ему долдоню, что лечу в гости...

— Фуго, — попытался остановить его Алёша, — ты же знаешь, Цицерона несколько раз ударили камнем по голове. Ему нужен ремонт, а ты на него злишься.

— Видно, мало ударили. Мне, может, тоже нужен ремонт, — продолжал нервничать мимикр. — Мною даже стреляли из катапульты, но я же не спрашиваю у него в десятый раз, чего он здесь ходит, пыль поднимает.

Назревающая ссора была прервана появлением космического корабля. Члены экспедиции обсуждали, какие лакомства им привезли на этот раз. Алексей Александрович прижал к себе Алёшу и давал ему последние наставления:

— Смотрите, не сломайте с Цицероном корабль и не мешайте команде работать. И вообще на время полёта робота лучше отключить, а то он забудет, что летит в космическом корабле и уйдёт читать тимиукам лекции по межпланетной навигации. А ты, мой дорогой сын, пореже выходи из каюты, и тогда с тобой ничего не случится. Договорились?

— Договорились, — пожав плечами, неуверенно пообещал Алёша.

— Смотри, командир «Виктории» человек суровый, бывший капитан военно-космического флота. Его только недавно перевели в грузовой.

— А за что его перевели? — поинтересовался Алёша.

— На какой-то планете с молодой цивилизацией освободил страну от захватчиков. А этого делать нельзя.

— Освобождать от захватчиков нельзя? — удивился Алёша.

— Вмешиваться в историю нельзя, — ответил папа.

Друзей провожали все члены биологической экспедиции. Толстяк Туу-Пань подарил Алёше настоящий платиновый хронометр со своей планеты и пообещал навестить его на Земле и познакомить с девятью сыновьями. Ящероподобный Тулес где-то достал огромный зуб священного трубирана, продел через него верёвочку и повесил тяжёлый инопланетный талисман Алёше на шею. А воздушный разведчик Энир вручил мальчику на память целую пачку объёмных фотографий Главного города тимиуков, которые он наснимал с высоты птичьего полёта.

Корабль разгрузили. Новый грузовой робот — бессловесный гигант с мрачной физиономией и красными фотоэлементами — справился с работой за какие-нибудь пятнадцать минут. Цицерон ревниво наблюдал за тем, как новичок таскает ящики, и отпускал ядовитые замечания.

— Что, не могли найти кого-нибудь пострашнее? — обратился он к Алексею Александровичу.

— Нам здесь не красавец нужен, а хороший работник, — ответил Алёшин папа.

— Да вы посмотрите, у него же голова на чемодан похожа. А как он ящик несёт? И это профессионал?! Он же вам всю аппаратуру расколошматит вдребезги. Вот тогда-то вы и вспомните своего старого доброго трудягу Цицерона.

— Я и так тебя не забуду, мой скромный друг, — ответил Алексей Александрович.

Алёше очень не хотелось улетать. За неполный месяц пребывания здесь он успел полюбить эту планету с двумя солнцами, а потому мысленно пообещал себе, что когда вырастет и станет, как папа, биологом, обязательно сюда вернётся.

Первый день полёта прошёл спокойно. Алёша с Цицероном четыре часа играли в каюте одну партию в шахматы. Фуго с тётушкой Дариндой сидели рядом и смотрели на диковинную игру. Иногда Фуго с благоговением брал шахматную фигурку, со всех сторон её разглядывал и бормотал себе под нос:

— Это ж надо такое придумать!

Тётушка часто задрёмывала, а когда просыпалась от громких восклицаний Цицерона, испуганно всплёскивала чем-то отдалённо похожим на руки и спрашивала:

— Что, я опять уснула?

И только перед самым ужином с Фуго случилась маленькая неприятность. Будучи очень любопытным, он увязался за механиком Николаем посмотреть, как тот будет менять погнутый кронштейн в камбузе. Механик поставил ящик с инструментами на пол, достал гаечный ключ, а Фуго прикинулся точно таким же ящиком и пристроился рядом. Поранив себе палец, Николай в сердцах швырнул стальной ключ в ящик, но по ошибке не в тот. От боли Фуго закричал, заметался по камбузу и опрокинул на себя большую чашку с салатом. Вся команда моментально сбежалась. Над незадачливым мимикром подшучивали и долго потом вспоминали, как аппетитно Фуго выглядел в мелко нарезанной зелени, со стекающим по бокам майонезом.

На следующий день неожиданно забарахлил один из двигателей. Поломка, как сообщил Эдуард Вачаганович, была пустяковой, но до Земли можно было не долететь, и капитан принял решение посадить «Викторию» на одной из планет в созвездии Орион. Между собой учёные и космические навигаторы называли эту планету «Зелёной». Она очень похожа на Землю, имеет атмосферу, пригодную для жизни, а главное — на ней уже несколько лет работает научная станция, а значит, там можно получить помощь и даже встретить кого-нибудь из землян.

Посадка прошла нормально. Корабль приземлился в пяти километрах от научной станции, у самого подножия горы, посреди джунглей, на небольшой поляне. Эдуард Вачаганович тут же попытался связаться по радиии со станцией, но там никто не отвечал, и это всех страшно обеспокоило.

— Радист не имеет права уходить со своего поста, — встревоженно сказал капитан корабля, не выпуская изо рта потухшей трубки, с которой он никогда не расставался. — Неужели у них что-нибудь случилось?

— Может, их съели? — участливо подсказал мимикр, который больше не подходил к механику и всё время крутился около капитана.

— Они же не пироги с капустой, чтобы их есть! — оборвал мимикра Эдуард Вачаганович. — Там испытанные ребята, каждый стоит десятка сухопутных лопухов. Кроме того, на станции защита: ни одно животное проникнуть не сможет. А у разумных обитателей на этой планете нет такой техники, чтобы захватить станцию.

— Ну что, готовить катер, Эдуард Вачаганович? — спросил молодой штурман Вася — недавний выпускник лётного училища.

— Конечно, готовь, — ответил капитан. — И не забудь прихватить эти пневматические пукалки с набором ампул. Какое-никакое, а всё-таки оружие.

Алёша, который страшно радовался вынужденной посадке и возможности посмотреть ещё одну планету, всё время пытался попасться на глаза Эдуарду Вачагановичу, и когда тот всё же взглянул на него, умоляющим голосом попросил:

— Возьмите меня с собой. Я мешать не буду.

— Да ты что? — Капитан от возмущения разжал зубы, и трубка выпала у него изо рта. — Если с тобой что-то случится, мне твой отец отвернёт голову. Из корабля ни на шаг! Здесь зверь на звере сидит и зверем погоняет. Ядовитые змеи,

насекомые... нет, даже не проси. Иди в каюту, играй со своей железякой в шахматы.

— Я бы попросил...— обиженно откликнулся из угла Цицерон.

— Ладно, мне сейчас не до вас,— махнув рукой, раздражённо сказал Эдуард Вачаганович.— Катер должен быть готов через пять минут,— распорядился он.— Со мной поедут Василий и Николай. Остальным заниматься починкой корабля. Если через двадцать четыре часа мы не вернёмся, сообщите на ближайшую планету Анибур, пусть высылают специальную команду.

Алёша ушёл к себе в каюту. Он упал на койку и принялся рассматривать потолок. Судьба давала ему шанс познакомиться с новой планетой, а он вынужден сидеть в этой консервной банке, когда члены команды отправились на научную станцию спасать людей.

— И чего тебя туда тянет? — услышал Алёша голос Фуго.— Там же опасно.

— Поэтому и тянет,— печально ответил Алёша.

В этот момент за стеной слышались тяжёлые шаги Цицерона. Затем робот вошёл в каюту и, плотно прикрыв за собой дверь, тихо проговорил:

— Страдаешь, Алёша?

— Страдаю,— ответил он.

— А что, тряхнём стариной, попугаем местную живность? — предложил Цицерон.— Помнишь, как мы с тобой на Марсе бронтозавров дубинами гоняли?

— Это где водятся змеи толщиной с бочку? — не оборачиваясь, усмехнулся Алёша.

— Ну вот видишь, ты всё помнишь,— обрадовался робот.

— Это ты не со мной был,— вздохнул Алёша.

— Я его не пушу,— встревожился Фуго.— Если тебе хочется, иди один. Мне Алексей Александрович велел приглядывать за ним.

— А ты, несчастный ящик для инструментов, вообще молчи, когда старые естествоиспытатели разговаривают, — ответил Цицерон. — Мы с Алёшей половину Галактики облетели, смерти вот так, глаза в глаза, сотни раз смотрели...

— Хватит врать, Цицерон, — перебил его Алёша. — Мы с тобой познакомились меньше месяца назад.

Разговор прекратился сам собой. Плохое настроение Алёши как будто передалось его друзьям, и каждый из них решил не доводить дело до ссоры. Алёша, полежав немного, незаметно для себя уснул. Ему снился сон о том, как он путешествует по дикой планете, населённой гигантскими хищниками. Прожорливые звери гонялись за ним с ножами и вилами, клацали страшными зубами, и иногда Алёша вскрикивал во сне, а Цицерон тихонько успокаивал его:

— Тихо, тихо, Алёша. Если я в твоём сне есть, быстро лезь ко мне на плечи — испытанный способ.

Проснулся Алёша ближе к полднику. Повар ходил по жилому отсеку корабля и бил колотушкой в сковородку, собирая остатки команды и пассажиров на полдник.

За столом все обсуждали последние события, и Алёша скоро понял, что самое главное он проспал. Оказывается, через два часа после отъезда Эдуард Вачаганович сообщил по радию, что на научную станцию с гор обрушилась лавина камней и полностью погребла её под собой. Но, по счастливой случайности, все работники станции находились на улице и вовремя успели убежать в джунгли. На маленьком клочке бумаги, который штурман Вася случайно нашёл в близлежащем лесу, было написано: «Все живы, легко ранен радист. Вручную разобрать завал невозможно, поэтому уходим подальше в джунгли для постройки временного лагеря. Удалось захватить кое-какие столярные инструменты. Берём направление точно на юго-запад. Берегитесь зы...» Обрывок записки был сильно измят и подпорчен дождём или росой, но было заметно, что бумага недолго пролежала в траве.

Больше всего членам экипажа не понравилось то, что от записки кто-то оторвал кусок с текстом. Кто? Кругом один лес и горы.

Но самое странное произошло потом. Эдуард Вачаганович сказал, что учёные не должны были уйти далеко, поэтому спасотряд отправляется на поиски и надеется к вечеру следующего дня вернуться. В последний раз капитан связался с кораблём около часа назад: они одолели двадцать три километра, а сейчас собираются остановиться на привал и перекусить. Затем из радиации послышался странный шум, крики и через несколько секунд всё стихло. Сколько корабельный радист их ни вызывал, на связь больше никто не выходил. Капитан корабля, штурман Вася и механик Николай попали в какую-то передрагу, и скорее всего им срочно нужна помощь.

Перед ужином радист связался с планетой Анибур, и там пообещали послать специальный корабль, но только после того, как спасатели вернутся с задания.

Когда Алёша узнал все подробности, он бросил вилку на стол и громко воскликнул:

— Так что же мы сидим? Их же надо спасать!

— Шустрый какой, — недовольно проворчал помощник капитана Павел Васильевич. — Чтобы спасти, нужен нормальный вездеход или хотя бы боевое оружие, а у нас — одноместный прогулочный катерок, столовые ножи да вилки. Пешком не успеем на сто метров от корабля отойти, сожрут. Вот прилетят спасатели, тогда да — направление известно, прочедем все джунгли в радиусе ста километров.

— А если им помощь нужна сейчас? — не унимался Алёша. — Если потом будет поздно?

— Ты не кипятись, — поддержал Павла Васильевича повар Михаил. — Слушай, что старые космоплаватели говорят. Пойдём сейчас — и их не спасём, и сами погибнем. Ждать тоже нужно уметь.

— Ждать-то вы, я вижу, умеете, — вставая из-за стола, презрительно сказал Алёша.

— Ах ты сопляк! — разозлился повар. — Я, к твоему сведению, до того как стал поваром, работал разведчиком на самых опасных планетах.

— Да, — покидая столовую, проговорил Алёша, — шпионили за сосисками...

В общем, Алёша всерьёз поссорился с экипажем. После ужина Фуго с Цицероном пришли к нему в каюту и рассказали, что творилось в столовой после его ухода. Повар от злости запустил вилок в картину, но попал в Цицерона, который любил стоять у стены, когда в столовой собиралась вся команда. А помощник капитана вскочил из-за стола и рывкнул:

— Все по своим местам! Бросать корабль мы не имеем права! Точно так же поступил бы и командир корабля.

Некоторое время друзья сидели молча. Затем Алёша тихо, будто самому себе, сказал:

— Интересно, что означает «берегитесь зы...»?

— Наверное, писал неграмотный человек, — предположил робот.

— Это научная станция. — Алёша от возмущения даже постучал себе пальцем по лбу. — Там работают одни учёные: физики, химики и биологи.

— Ну и что? — сказал Цицерон. — Может, они по физике, химии и биологии учились хорошо, а по русскому у них были одни двойки.

Алёша посмотрел на робота как на сумасшедшего и вдруг решительно проговорил:

— Цицерон, Павел Васильевич сказал, что на корабле есть одноместный прогулочный катер. Пойдём спасать Эдуарда Вагачановича и членов команды. Может, мы ещё успеем. Ты же слышал, спасатели вылетят, только когда вернутся с задания.

— Цицерон, не соглашайся, — испуганно воскликнул Фуго. — Мы должны довести Алёшу до его дачи на Земле. Если его съедят, нас с тётушкой туда просто никто не пустит.

— С одной стороны, довезти мы, конечно, должны, — задумчиво проговорил Цицерон. — А с другой — со мной его никто не посмеет съесть. Тем более что он поедет в катере, а я пойду рядом.

— Молодец Цицерончик! — обрадовался Алёша.

— Тебя действительно сильно шарахнули по голове, — возмутился мимикр. — На Тимиуке ты не хотел отпустить его со мной, а здесь...

— С тобой — не хотел, — согласился робот. — А с собой отпущу.

Препирались друзья не меньше часа. Фуго всё это время нервно передвигался по каюте и в ужасе бормотал:

— Если помощник командира корабля узнает, меня выбросят в открытый космос. А что будет, если узнают Алёшины родители? Меня опять назовут космическим пиратом и тем более выбросят в открытый космос.

— Тебя никто никуда не будет выбрасывать, — попытался успокоить его Алёша. — Иди сейчас спать, а когда мы вернёмся, я скажу, что мы с Цицероном ничего тебе не говорили.

— Ты не сможешь этого сказать! — в отчаянии воскликнул мимикр. — Потому что тебя сожрут вместе с твоей одноместной прогулочной телегой и вот этим железным бродягой.

— От бродяги слышу, — откликнулся Цицерон.

— Нет! — Фуго с решительным видом остановился посреди каюты. — Видно, судьба у меня такая: всю жизнь болтаться по разным дрянным планетам. Пусть лучше меня слопают вместе с вами. Поехали. Там, где помещается один взрослый землянин, вполне поместимся мы вдвоём.

— Вот это другой разговор, — обрадовался Алёша.

— Я бы на твоём месте не радовался, Алёша, — проговорил робот. — Этот мимикр опять втянет нас в какую-нибудь дурацкую историю.

— Ты уже втянул нас в неё, — огрызнулся Фуго и патетически добавил: — Иди, железный человек, готовь своё одностороннее орудие убийства! Мы готовы!

ГЛАВА 3

Алёша, перед тем как пуститься в опасный путь, как заправский путешественник решил запастись продуктами. На камбузе, не включая света, набрал за пазуху всё, что сумел нащупать в темноте: две большие булки белого хлеба¹, банку селёдки пряного посола и огромный, как среднеазиатская дыня, сырой кабачок. С трудом удерживая всё это под курточкой, он прошмыгнул через ярко освещённую каюту и сразу отправился в транспортный отсек, где Цицерон должен был готовить вездеход к спуску.

Когда Алёша пробрался в нужный отсек, он увидел Цицерона, который сидел у вездехода, подперев голову манипулятором, и тихо напевал себе под нос:

Что-то с памятью моей стало,
Всё, что было не со мной, помню...

— Катер готов? — заговорщицким шёпотом прервал его пение Алёша.

— Какой катер? — удивился Цицерон.

— Вот этот, — ответил Алёша и постучал кулаком по металлической двери вездехода.

— А для чего он должен быть готов? — искренне не понимая, о чём его спрашивают, спросил робот.

— Всё понятно, — вздохнув, проговорил Алёша. — У тебя опять всё выскочило из головы.

— А-а-а! — воскликнул Цицерон. — Ну да, мы же едем спасать спасателей!

— Не кричи, — зашипел на него Алёша.

¹ Москвичи сказали бы «два батона» или «две буханки белого». Но здесь пусть будет так, как говорят в Питере.

— Молчу,— успокоил мальчика робот.— Сейчас всё сделаю. Один момент. Ты и глазом не успеешь моргнуть. Кстати, ты захватил автопереводчик? У меня-то он вмонтирован в голову, а вот тебе пригодится.

— Думаешь, он нам может здесь понадобиться? — растерянно спросил Алёша.

— А как же? Все языки созвездия Орион внесены в каталоги Международного Лингвистического¹ Центра. Так вот, представь, что я сломался в самой середине этого тропического леса, а тебя украли аборигены. Как ты им объяснишь, что ты несъедобный, а они дураки и дикари?

— А с чего ты взял, что они дураки и дикари? — спросил Алёша.

— Потому что умные и цивилизованные люди давно бы построили красивых железобетонных зданий, понаделали телевизоров, утюгов и роботов...

— Я с тобой не согласен,— перебил его Алёша.— Дураков и дикарей полно и в красивых железобетонных зданиях. А умные и цивилизованные не всегда окружают себя утюгами и роботами.

— Всё равно,— не унимался Цицерон.— Если я буду считать их дураками и ошибусь, мне будет приятно. А если я надеюсь на то, что они умные, а мозги у них набекрень, я разочаруюсь.

— Всё-таки лучше считать их просто разумными существами,— подумав, ответил Алёша.— Если человека заранее считать дураком, он обидится и поведёт себя как дурак.

Но всё же, вняв дельному совету, Алёша убежал в каюту за автопереводчиком, а Цицерон принялся что-то прикручивать и подмазывать в маленькой, похожей на жука машине.

Миниатюрный гусеничный вездеход съехал по трапу, уже имея на своём борту двух путешественников — Алёшу и микра. Двигатель вездехода работал тихо, и опасаться, что их

¹ Лингвистика — наука о языке, языковедение, языкознание.

кто-то услышит, было нечего. Поэтому Алёша сразу резко потянул на себя ручку акселератора, катер, словно кузнечик, прыгнул в роскошный, усыпанный цветами куст и остановился как вкопанный. Железная машина вспугнула то ли стайку мелких птичек, то ли крупных насекомых, и те с шумом разлетелись в разные стороны.

— Ай! — закричал Фуго, которого от резкого прыжка швырнуло за сиденье на продукты и коробку с инструментами. — Полегче!

— Извини, Фуго, — сказал Алёша. — Сейчас я научусь управлять этой штуковиной, и всё будет в порядке.

— Так ты ещё не умеешь на ней ездить? — возмутился мимикр.

— Нет, я умею, — ответил Алёша. — Просто ни разу пока не пробовал.

— Связался я с вами, — ворчал Фуго. — Соблазнили какой-то там дачей, которой, может быть, и не существует на свете, а сами завезли неизвестно куда и издеваетесь. — Неожиданно мимикр наткнулся на огромный кабачок, удивлённо осмотрел его и спросил: — Это что? Большая зелёная сосиска?

— Это наш земной кабачок, — ответил Алёша. — Мы же ели его вчера жареным. Не помнишь?

— Ну как же, — вспоминая, ответил Фуго. — Я думал, он так и растёт — колёсиками. А он оказывается вон какой.

В этот момент к вездеходу подошёл Цицерон. Он постукал манипулятором по крыше катера и попросил Алёшу открыть окно.

— Я пойду с этой стороны, чтобы можно было с вами разговаривать. А заодно буду отгонять от окна разных ядовитых тварей, — сказал он. — Итак, мы идём по маршруту Эдуарда Вачагановича — до научной станции, а там — прямо на юг.

— А может, сразу напрямик рванём? — предложил Фуго. — Чего зигзагами ходить?

— Напрямик нельзя, — ответил Цицерон. — Мы не знаем местности, а главное — не знаем, в каком месте пропали спасатели.

На этом обсуждение маршрута было закончено.

Путь до научной станции не был похож на асфальтовое шоссе. Слева возвышались угрюмые скалы, справа начинались первобытные джунгли, от одного вида которых у Фуго засосало под ложечкой. Но дорога хорошо была видна — незадолго перед ними здесь проехал тяжёлый вездеход капитана корабля, который проложил широкую колею в этом горном редколесье.

По дороге то и дело попадались мелкие зверушки, и Цицерон по-своему пытался описывать их:

— Так, вижу животное размером с карбюратор КГД-732. Похоже на... Похоже одновременно на ежа, кобру и... больше ни на что. Так, вот ещё одно, размером с ручной корабельный домкрат...

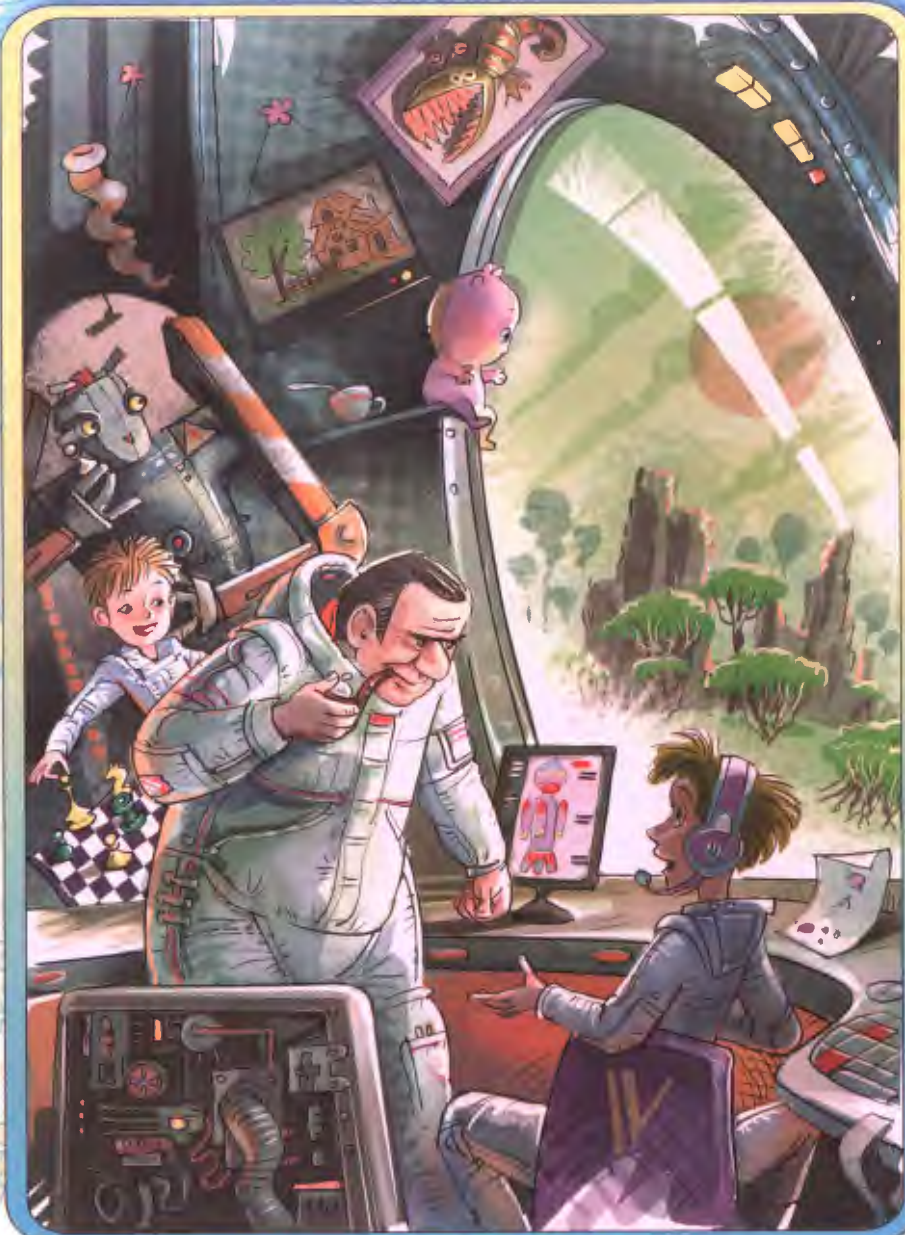
Вдруг дорогу им пересёк крупный зверь, напоминающий доисторического ящера. Чтобы рептилия случайно не приняла их за безобидных зверушек, Алёша нажал на сигнал и сам удивился его громкости. Сирена взвыла на весь лес, но ящер спокойно повернул к спасателям страшную шипастую голову, видимо, оценил размеры и силы противника и с шумом скрылся в кустах.

— Ого! — крикнул Алёша. — Видели, какой?

— Видели, видели, — ответил Цицерон. — Как такого не увидеть! Думаю, это не самый крупный экземпляр на планете. Но сиреной пользоваться я тебе не советую. Во-первых, нас могут услышать на корабле, а во-вторых, ты только привлекаешь хищных зверей. Можешь накликать на нас большие эти... как его?

— Неприятности, — подсказал Алёша.

— Вот-вот, — проговорил робот. — Именно неприятности.

— Радист не имеет права уходить со своего поста,— встревоженно сказал капитан корабля, не выпуская из рта потухшей трубки, с которой он никогда не расставался.— Неужели у них что-нибудь случилось?

Алёша резко потянул на себя ручку акселератора, катер, словно кузнечик, прыгнул в усыпанный цветами куст. Железная машина испугнула то ли стайку мелких птичек, то ли крупных насекомых, и те с шумом разлетелись в разные стороны.

Через час пути маленькая экспедиция добралась до того места, где ещё совсем недавно располагалась научная станция. О том, что здесь жили и работали люди, догадаться было чрезвычайно трудно. Лишь несколько торчащих каменных столбов да наполовину засыпанная железная крыша, на которой грелись похожие на ящериц зверьки.

— А я, если можно, выходить не буду,— извиняющимся тоном проговорил Фуго.— Меня что-то знобит.

— Это от страха,— сказал Цицерон.— Ладно, сиди, а мы с Алёшей поищем следы капитанского вездехода. Если к машине не подойдёт какой-нибудь крупный зверь, не дразни его, а то он тебя достанет отсюда и без консервного ножа.

Алёша с Цицероном поднялись по крутой насыпи до крыши, спугнули зверьков и сверху осмотрели местность. Прямо под ними начинался густой девственный лес. Где-то там, за сплошной стеной инопланетной растительности ждали помощи учёные, оставшиеся без жилья и защиты, и спасатели, исчезнувшие из эфира самым таинственным образом.

— На юг — туда,— показал Цицерон манипулятором в сторону видневшейся вдалеке небольшой прогалины.— А следы вездехода мы наверняка найдём внизу.

— Нам надо оставить записку для специального спасательного отряда,— сказал Алёша.— Чтобы не волновались. Они обязательно здесь появятся.

Алёша поднял камень с острыми краями, подошёл к железной крыше и старательно нацарапал: «Берём курс на юг. Все здоровы, техника работает исправно. Алёша».

— Техника — это я? — обиженно спросил робот.

— Нет,— ответил Алёша.— Техника — это вездеход. Честно говоря, Цицерон, я тебя давно не считаю машиной. Ты такой живой, такой какой-то... разумный.

— М-да,— засмутился Цицерон.— Compliments ты ещё не научился говорить, но всё равно спасибо.

— Нет, правда-правда,— горячился Алёша.— Мне иногда кажется, что кто-то меня разыгрывает, и внутри тебя сидит живой человек.

— А ты думаешь, что на самом деле внутри меня сидит мёртвый человек? — спросил Цицерон, подходя к вездеходу.— Эх, Алёша. Живой — не значит состоящий из костей и мышц. Здесь главное думалка.— Робот постучал манипулятором по голове, и от этого стука у него погас один фотоэлемент.

— Ой! — испугался Алёша.— Только больше не стучи себя по голове. А то ты ослепнешь, а без тебя мы не доберёмся до лагеря учёных.

— Я понимаю, что ты не о здоровье моём печёшься,— пробубнил Цицерон.— Тебе главное, чтоб я работал.— Он стукнул по голове с другой стороны, и фотоэлемент снова замерцал зеленоватым светом.

— Ну что ты, Цицерон,— сказал Алёша.— У тебя же железное здоровье. Но если погаснет второй фотоэлемент, придётся возвращаться на корабль.

— Ты лучше голос отключи, а глаз почини,— высунувшись из окна, вмешался в разговор Фуго.— Зачем тебе голос? Всё равно, кроме глупостей, от тебя ничего не услышишь.

— Алёша,— возмущённо проговорил робот,— давай оставим этого наглого мимикра здесь, в джунглях. А то он совершенно не умеет вести себя с цивилизованными людьми и роботами. Пусть вначале со зверями научится говорить.

— А говорил, что никого не можешь обидеть,— злорадно сказал Фуго.— Дай тебе волю, ты бы меня давно динозаврам скормил.

В этот момент Алёша заметил на опушке леса какое-то шевеление. Он внимательно взгляделся в заросли и увидел двух небольших зверьков с густым серым мехом. Зверьки смотрели на пришельцев огромными круглыми глазами и издавали тихие щебечущие звуки.

— Как мне надоели ваши ссоры! — заворожённо глядя на зверьков, сказал Алёша. — Лучше посмотрите вон туда. Видите? Похожи на наших земных лемурчиков. Вот бы увезти на Землю парочку таких зверей. В Московском зоопарке я не видел ничего подобного.

— На обратном пути я тебе наловлю хоть сто штук, — ответил Цицерон. — Могу даже какого-нибудь мирного бронтозавра поймать вот с этот вездеход. Запряжём его в тележку, будешь на даче за грибами и ягодами ездить.

— Хорошо бы, — вздохнув, сказал Алёша. — Только бронтозавра мама не разрешит держать. Она ничего крупнее болонки не признаёт за домашнее животное.

Алёша забрался в вездеход, нажал на акселератор, и экспедиция тронулась дальше.

ГЛАВА 4

Алёша снова вырулил на колею, проложенную вездеходом Эдуарда Вачагановича.

— Смотри, смотри, те же лемурчики, только с палками в руках! — возбуждённо сказал Алёша Цицерону. — Ты когда-нибудь видел животное с палкой в руке?

— У животных лапы, а не руки.

— Вот именно! — обрадовался Алёша. — А эти держат палку, как люди.

— Обезьяна может взять калькулятор или компьютер, но от этого она не станет человеком, — резонно заметил робот.

— Ну хорошо, — согласился Алёша. — Одна обезьяна случайно может взять палку, но три сразу...

Действительно, на опушке стояли на задних лапах три зверька с дубинками и смотрели на пришельцев широко раскрытыми глазами.

Алёша выскочил из машины и осторожно подошёл к зверькам.

— Добрый день, жители Зелёной планеты, — начал он. — Мы разыскиваем своих друзей...

— Не подходи слишком близко, они могут оказаться агрессивными, — предупредил Цицерон. Он на всякий случай встал рядом с Алёшей. — Сейчас как треснет тебя дубиной по голове, будешь знать.

— Они совсем не агрессивные, — возразил Алёша и с широкой улыбкой снова обратился к лесным жителям: — Вы случайно не видели таких, как мы? Вернее, таких, как я?

— Да уж, — пробурчал робот. — Таких, как я, они точно не видели.

— Куа, — вдруг сказала одно из существ.

Алёша вопросительно посмотрел на Цицерона, поправил автопереводчик и ответил зверьку:

— Куа.

— Куа ам-ам, — сказал симпатичный зверёк.

— Они хотят нас ам-ам, — догадался робот и обратился к лесному жителю: — Нас нельзя ам-ам, подавитесь.

— Наверное, у них «ам-ам» означает что-нибудь другое, — предположил Алёша.

— На всех языках Вселенной «ам-ам» означает одно и то же, — ответил Цицерон. — И если хочешь убедиться в этом, подойди к ним поближе.

— Не надо! — крикнул из вездехода проснувшийся Фуго. — Ты что, хочешь скормить ребёнка этим образинам? Я за него отвечаю. И вообще мы едем спасать спасателей, а вы снова ищите неприятностей.

— Как хорошо было, когда ты спал, — прогудел Цицерон. — Ладно, Алёша, нам, действительно, пора.

— Куа ам-ам-ам, — вдруг повторило существо.

— А почему автопереводчик не переводит то, что они говорят? — спросил Алёша.

— Потому что это, как я уже говорил, животные. Возможно, человекообразные, — ответил Цицерон. — В лучшем случае самые дикие дикари — местные питекантропы. Ты что, не изучаешь в школе эту... как её?

— Космическую антропологию¹ в школе не преподают, — с сожалением ответил Алёша.

— Вот-вот, и чему вас только учат в этих ваших школах? — проворчал робот.

В этот момент затрещали кусты и на поляну выскочил огромный хищник со сплюснутой головой и кривыми сильными лапами. Его синяя лоснящаяся шерсть стояла дыбом, жёлтые клыки торчали из пасти будто турецкие сабли, а зелёные глаза сверкали голодным яростным блеском.

Зверьки тут же с криками побросали дубинки и бросились к ближайшим деревьям. В одну секунду они вскарабкались на одно из них и, жалобно повизгивая, исчезли в густой листве.

Алёша прыгнул за Цицерона словно кузнечик.

— Скорее сюда! — закричал Фуго из вездехода. Он вскочил на Алёшино сиденье, судорожно вцепился в руль, до упора нажал на акселератор, и машина рванулась вперёд.

Алёша с Цицероном едва успели отскочить в сторону. Фуго пронёсся на вездеходе в нескольких сантиметрах от них, резко повернул к зверю, и вездеход, похожий на бронированного жука, как вкопанный встал перед хищником.

— Ну-ка бодни его, Фуго! — крикнул Цицерон.

Машина и синий зверь оказались почти одного размера, и хищник не очень испугался. Он лишь отпрянул назад. Но Фуго не дал зверю прийти в себя. Он включил сирену и снова нажал на газ. Вездеход с оглушительным воем пополз вперёд, а хищник вдруг начал пятиться. Он пытался остановить напористого противника ударом мощной лапы, но огромные когти не причиняли броне никакого вреда, и хищник наконец отступил. Он развернулся и рыча удалился восвояси.

¹ Антропология — наука о человеке, происхождении и эволюции рас.

— Здо́рово! — только и смог вымолвить Алёша, когда зверь исчез за деревьями. От пережитого страха у него сильно дрожали руки и колотилось сердце.

— Да, не ожидал, — одобрительно проговорил Цицерон. — Всё-таки этот мимикр не так плох, как я думал.

А Фуго подал вездеход назад, открыл дверцу и важно проговорил:

— Садитесь, горе-путешественники. Вдвоём с одной зверюшкой справиться не могли.

— Ну пошло-поехало, — недовольным тоном сказал Цицерон. — Теперь он всю жизнь будет хвастать, как спас грузового робота от металлоядного хищника.

— Я, в отличие от тебя, всю жизнь стараюсь говорить только правду, — огрызнулся Фуго.

— Опять вы спорите, — заняв водительское место в вездеходе, сказал Алёша. — Спасибо тебе, Фуго. Ты, действительно, очень вовремя подоспел.

— А кстати, где ты научился водить вездеход? — поинтересовался Цицерон у мимикра. — Насколько я понимаю, на твоей планете нет машин сложнее телеги.

— Да и телег у нас нет, — вздохнул Фуго. — Мы не развивались в эту сторону. Некогда было. У нас самое главное — умение спрятаться. А машину я водить не умею, но видел, как это делает Алёша. С испугу и вспомнил. А вот сейчас если опять сяду, ничего не получится.

Через несколько минут экспедиция тронулась дальше.

Приободрившись, Фуго принялся рассказывать о своей жизни. Цицерон некоторое время шёл молча, но потом не выдержал и сказал:

— Ты не мог бы рассказывать погромче? Мне почти ничего не слышно.

— Хорошо, — обрадовался Фуго. Ему явно польстило, что рассказ заинтересовал даже такого повидавшего космос

робота. — Семья у нас была большая: мама, папа и пять братьев и сестёр. Папа построил дом на высокой скале, чтобы туда не могли добраться подлые ажоры: эти прожорливые твари плохо лазают, хотя молодые хищники очень проворные — мимикров отлавливают за здорово живёшь.

Жили мы если и не счастливо, то по крайней мере терпимо. Выращивали овощи, с рассветом вставали, а с закатом ложились.

И всё было бы хорошо, если бы однажды к нашему дому не припёрся ажор невиданных размеров. Когда он тащился к нашей скале, от него разбегались даже его более мелкие сородичи. Ажоры вообще не разборчивы в еде: им лишь бы было живое, а там хоть свой, хоть чужой — всё едино.

Гигантский ажор поднялся к скале, встал на задние лапы, разинул пасть и долго ревел — это они так показывают, что хотят есть.

Всей семьёй мы тряслись от страха и надеялись только, что злодей не достанет до нашего дома. Но это был слишком большой ажор. Он лапой стал скрести стену, и очень скоро в стене образовалась дыра. Тут-то мой дорогой папочка и понял, что выбрал для постройки дома плохое место. Позади была отвесная скала, а впереди этот людоед. Нам ничего не оставалось, как взобраться на крышу.

Дом ходил под нами ходуном, крыша накренилась и должна была вот-вот рухнуть. Мы с братьями и сёстрами начали разбирать стену и бросать в ажора камни, но это не помогало — он очень хотел жрать и не собирался оставлять нас в покое.

Как говорят мимикры, беда никогда не приходит одна. Сверху на нас налетел другой страшный хищник — гаррум.

Это крылатое чудовище выбрало почему-то меня и, как потом оказалось, спасло мне жизнь. Гаррум схватил меня когтями и в считанные секунды поднял высоко в небо. С тех пор я больше не видел своих родных и уверен, что ажор съел их всех до одного.

А меня гаррум понёс куда-то за скалы. Я дёргался в его когтях как сумасшедший, бил его по лапам камнем, который не успел бросить в ажора. И в конце концов гаррум выпустил меня из когтей. Видно, мне ещё не пришло время избавиться от мучений. В общем, я остался жив: я плюхнулся в озеро, над которым он как раз пролетал.

Упав с такой высоты, я опустился на самое дно, даже воткнулся в ил, а когда начал подниматься на поверхность, то впереди увидел огромного зубастого кикирода. Я стал прощаться с жизнью, но, по счастливой случайности, наперерез этому кикироду бросился другой кикирод. Между ними завязалась страшная драка, а я стрелой вынырнул и в мгновение ока доплыл до берега.

Я едва успел отдышаться, когда позади себя услышал чью-то поступь. Немедленно обернувшись, я увидел другого ажора, более мелкого, но это было ещё хуже. На открытом пространстве этот подросток догнал бы меня в два счёта. Прыгать в воду к кикиродам или позволить ажору слопать меня здесь же, на берегу? Я решил попробовать обмануть людоеда. Встал у самой кромки воды, поднял хороший булыжник и со всей силы швырнул ажору в морду. Что там началось! Ажор заревел, рванулся вперёд, разбежался так, что вполне мог допрыгнуть до середины озера, а я просто вовремя отскочил в сторону.

Ажор, конечно же, влетел в воду, и это было его последнее купание. Два кикирода, видно, решили помириться ради такой крупной добычи и набросились на него с двух сторон.

Досматривать обед кикиродов я не стал. Но именно тогда мне впервые пришла в голову мысль, что надо искать другое место для нормальной жизни.

Нужно было только добраться до научной станции пришельцев, дожждаться корабля и, прикинувшись ящиком или рулоном, попасть внутрь судна.

Но вначале я решил отыскать кого-нибудь из своих родственников. Целый месяц я разыскивал мамину сестру и всё же

нашёл её — тетушку Даринду. Она тоже недавно лишилась всей семьи, и когда я рассказал ей о своём плане, она, не задумываясь, согласилась лететь со мной. Так начались наши скитания. — Всхлипнув, Фуго закончил рассказ.

Некоторое время все молчали, а затем Цицерон глухим голосом произнес:

— Да, тяжёлая у тебя судьба. — После этого он завёл манипулятор за спину, открыл шкафчик и достал оттуда моток медной проволоки. — На́, это подарок, — не глядя на мимикра, проговорил он. — Ещё у меня есть с собой старый гаечный ключ девять на двенадцать, но лучше, когда мы вернёмся, я подарю тебе набор хромированных гаечных ключей. Пригодится машину починить или так, похвастать перед кем-нибудь.

Фуго растерянно принял моток проволоки и дрогнувшим голосом проговорил:

— Спасибо, Цицерон.

— Не за что, — ответил робот. — Извини, если я тебя иногда обижал. Я постараюсь больше этого не делать.

— Да, конечно, — едва сдерживая слёзы, пролепетал мимикр. — Ты тоже меня прости. Я иногда называл тебя железякой. Это неправда. Ты не железяка, ты... ты...

— Деревяшка, что ли? — беззлобно усмехнулся робот.

— Ты — мой друг, — наконец выговорил Фуго. — Когда мы вернёмся, я тоже тебе что-нибудь подарю. Правда, у меня почти ничего нет, но, может быть, я найду что-нибудь на корабле.

— На корабле найти ничего невозможно. Там можно только украсть. Но всё равно спасибо, — расчувствовавшись, сказал Цицерон. — Считай, что я забыл, как ты всё время оскорблял меня.

— Но согласишься, ты тоже частенько обзывал меня воров и пройдохой и делал это гораздо чаще, — с укором ответил Фуго.

— Нет уж, позволь с тобой не согласиться, — более твёрдым голосом сказал Цицерон. — Ты всегда начинал первым.

— Ну это уже наглое враньё, — возмутился мимикр. — Кто меня с самой первой минуты знакомства обозвал жуликом?

— Но вначале ты обозвал меня железным болваном.

— Всё! — закричал Алёша. — Хватит ругаться, или я выйду из вездехода и пойду пешком.

— А я что? Я ничего, — пробормотал Фуго. — Ты своей железяке скажи.

— Вот видишь, — не на шутку обиделся Цицерон. — А ведь я пожалел его.

— Ну так найди в себе силы дожалеть до конца, — сказал Алёша.

ГЛАВА 5

Путешественники и не заметили, как на джунгли опустился вечер. Небо как-то разом погасло, появились крупные, как яблоки, звёзды и в разных концах небосвода — две яркие луны. Первобытный лес сделался серебристо-синим и с наступлением темноты наполнился рычанием хищников и жалобными воплями их жертв.

Алёша включил фары, и тут же в полукружье яркого света начали слетаться насекомые и птицы. Мелкие зверушки сбегались на свет, словно ища у пришельцев защиты от хищников. В кронах деревьев зашелестели невидимые обитатели, которые, вероятно, сопровождали катер, как будто боялись снова очутиться один на один с крошечной тьмой.

— Вообще-то пора остановиться на привал, — глядя в тёмное окошко, сказал Фуго. — Кто-то обещал испечь на костре вот это. — Он показал на кабачок.

— Сейчас найдём поляну и остановимся, — ответил Алёша. — Здесь в лесу опасно даже вылезать из вездехода.

— Может, тогда ты испечёшь кабачок, Цицерон, а мы с Алёшей посидим в вездеходе? — высказал Фуго здравую мысль.

— Это идея, — подумав, ответил робот. — Тогда стоп машина. Вы сидите, а я пошёл за хворостом.

Цицерон сошёл с просеки и уже через несколько шагов исчез за деревьями. Некоторое время ещё было слышно, как он продирается через заросли, а затем всё стихло.

Минут пятнадцать Алёша с Фуго молча ждали робота, а потом заволновались.

— Он что, к кораблю за топором пошёл? — спросил Фуго.

— Наверное, ищет сухое дерево, — пожал плечами Алёша.

— Небось стоит сейчас столбом у дерева и вспоминает, зачем пришёл в лес. А может, и вовсе решил бросить нас.

— Не говори так о Цицероне, — возмутился Алёша. — Он никогда не бросит друзей.

— Тогда где он? За это время можно было половину леса на дрова изрубить.

Алёша включил двигатель и направил вездеход в кусты, за которыми исчез Цицерон. Но уже через несколько метров машина забуксовала. Деревья здесь росли так часто и так густо были оплетены лианами, что маленький вездеход словно запутался в паутине.

— Кажется, мы влипли. Ни назад, ни вперёд, — расстроился Алёша.

— Почему же вы с Цицероном говорили, что это вездеход? — истерически выкрикнул Фуго. — Вездеход должен везде ходить, а этот стоит как вкопанный.

— Ты только не волнуйся, Фуго, — попытался успокоить его Алёша. — Даже если с Цицероном что-нибудь случилось, когда рассветёт, мы обязательно найдём его. А пока давай поужинаем. У нас есть хлеб и селёдка.

— Тогда напхни, что такое селёдка? — сразу заинтересовался мимикр.

— Это земная солёная рыба. Мы же ели её вчера на завтрак, — ответил Алёша. — Очень вкусная, особенно с жареной картошкой.

— Это кусочками такими,— вспомнил мимикр.— А я ещё подумал, как же это она плавает: ни головы, ни хвоста, ни плавников. А картошка — это что?

— Картошка — земной овощ, который растёт в земле.

— Ну, картошку я, наверное, тоже ел? — спросил мимикр.

— Нет, когда ты попал к нам в лагерь, она уже кончилась.

— Мне всю жизнь не везёт,— печально сказал Фуго.— Самое вкусное обязательно кончается перед моим приходом или появляется после моего ухода. Значит, у нас нет этого овоща?

— Нет,— согласился Алёша.— Зато на даче картошки сколько хочешь.

— То есть ты предлагаешь селёдку съесть здесь, а картошку, когда приедем на дачу? — спросил Фуго.

— Нет, я предлагаю поужинать тем, что есть,— ответил Алёша и достал селёдку.

А Фуго с сомнением посмотрел на банку, осторожно потрогал её и спросил:

— Это и есть земная рыба? Об неё же можно сломать все зубы. Она же железная!

— Да нет,— рассмеялся Алёша.— Селёдка находится внутри банки. Надо её открыть, вот только я не знаю чем.

— Хорошенькое дельце,— проворчал Фуго.

Алёша полез за сиденье в надежде найти какой-нибудь инструмент. Покопавшись несколько минут, он извлек гаечный ключ, отвёртку и молоток.

— Ну вот,— обрадовался Алёша.— Сейчас мы её расковыряем.

Фуго с сомнением взглянул на инструменты и спросил:

— Ты уверен, что молотком можно достать рыбу из железной коробки?

— Как говорит Цицерон: «Мы на Юпитере и не такое выделывали»,— примериваясь к банке, ответил Алёша. Он

положил банку на сиденье, приставил к ней отвёртку и ударил молотком по ручке. Вверх пахучим фонтанчиком брызнул рассол, и Фуго испуганно шарахнулся от него.

Алёша некоторое время пытался сделать отверстие побольше, но у него ничего не вышло. Тогда он достал хлеб, разломил булку пополам и один кусок протянул Фуго.

— Значит, будем есть хлеб с солёной водичкой. Ты же любишь соль.

— Люблю, — осторожно ответил мимикр. — Но я, пожалуй, обойдусь хлебом.

— Как хочешь. — Алёша полил булку рассолом и принялся с аппетитом уминать её.

Некоторое время Фуго с завистью смотрел на Алёшу, а потом всё же решился. Он попробовал каплю рассола, причмокнул и сказал:

— А ничего. Можно есть.

Через некоторое время в банке не осталось ни капли жидкости. Фуго вылил остатки рассола себе в рот, заел хлебом и одобрительно крякнул.

— Да, это было хорошо, — сказал мимикр. — Если картошка окажется такой же вкусной, мы с тётей поживём на даче подольше. А теперь дай-ка мне попить водички.

— Водички? — растерялся Алёша. Он вдруг понял, что они забыли взять с собой самое главное — воду. — У нас нет водички, Фуго.

— Нет воды?! — переспросил Фуго таким тоном, что Алёша почувствовал себя преступником.

— Нет. Но мы обязательно найдём какой-нибудь родник или ручей, — торопливо сказал Алёша.

— Заставили меня выпить целую банку жидкой соли и не взяли ни капли воды! Я — опытный путешественник, облетевший половину Галактики, пустился в путь с железной чуркой и несмышлёным мальчишкой. Это конец!

— Перестань, Фуго. Сейчас придёт Цицерон и принесёт тебе целое ведро воды,— сказал Алёша, понимая, что обманывает мимикра.

— Он не придёт,— жалобно простонал Фуго.

Остаток ночи Фуго почти не давал Алёше спать. Он ныл, вертелся, а когда ненадолго засыпал, то принимался храпеть. Пару раз он даже лягнул своего друга во сне, но Алёша не стал будить его, рассудив, что спящий мимикр сейчас лучше бодрствующего.

ГЛАВА 6

Алёша открыл дверцу вездехода и оглядевшись, нырнул в кусты. Какова же была его радость, когда в десяти метрах от вездехода он увидел своего железного друга. Как и говорил Фуго, Цицерон стоял у сухого дерева, уткнувшись красной кнопкой в сучок.

— Цицерон! — на весь лес завопил Алёша. — Выключился! Я так и знал! — Он подбежал к роботу и попытался отодвинуть его от дерева, чтобы освободить кнопку. Но даже пошевелить его не удалось.

Цицерон стоял как скала и смотрел потухшими фотоэлементами прямо перед собой.

Мощный звериный рык раздался совсем близко. Алёша со страхом посмотрел в ту сторону и в нескольких метрах от себя увидел приземистого пёстрого зверя размером с тигра, но с гораздо большей головой. Хищник яростно бил тяжёлым хвостом по земле. Похоже, незнакомый запах пришельца смущал его, и зверь никак не мог решиться напасть. Этим-то и воспользовался Алёша.

— Тихо, тихо, тихо,— бормотал он, обращаясь к зверю. Медленно, чтобы не злить хозяина джунглей, Алёша полез на плечо робота. — Извини, Цицерончик,— прошептал он. — Я только заберусь повыше, а то внизу на дереве нет сучьев.

Встав ногами на голову роботу, Алёша хотел было перепрыгнуть на дерево, упёрся ногой и сильно оттолкнулся. Но от толчка Цицерон повалился на спину, словно колода, и увлёк за собой Алёшу.

Робот упал с таким стуком, что зверь вздрогнул, подался назад и громко зарычал. Все его движения и поза говорили о том, что он вот-вот прыгнет. Он когтями рыл землю и мотал головой, как будто уговаривал себя не обращать внимания на неприятный запах металла и машинного масла.

Алёша, сильно ударившись плечом и коленкой, отлетел на добрых два метра, вскрикнул от боли и пополз к Цицерону. Когда осталось протянуть руку, чтобы достать до кнопки, зверь прыгнул. В метре от себя Алёша увидел оскаленную пасть хищника, он зажмурился от ужаса, но в последний момент всё же нашёл в себе силы, быстро ткнул кулаком в кнопку. Лохматая лапа с загнутыми когтями на какое-то мгновение зависла над ним, но тут поднялся манипулятор Цицерона, и железные крюки, словно наручники, сомкнулись на лапе хищника.

— Стоять, животное! — громким басом рявкнул Цицерон. — Ваши не пляшут. Мы, земляне, хотя народ и не злой, но бока намать можем любому млекопитающему.

Зверь попытался освободиться, но сдвинуть огромного робота оказалось не под силу даже ему. Упираясь тремя лапами в землю, он заревел на весь лес. Затем вцепился мощными зубами в манипулятор, но лишь сломал один клык и уже не зарычал, а жалобно, по-щенячьи заскулил.

— Алёша, ты цел? — спросил Цицерон.

— Цел, — ответил Алёша. — Только не отпускай его, пока я не сяду в вездеход.

— Я, кажется, отсутствовал какое-то время? — не обращая внимания на вопли хищника, проговорил робот. — Надеюсь, без меня здесь ничего страшного не произошло?

— Чуть было не произошло. — Алёша кивнул на пленника. — А Фуго сидит в вездеходе и умирает от жажды. Он вчера выпил весь селёдочный рассол.

— Не знаю, не пробовал, — ответил Цицерон. — Но пусть немножко помучается. А то в последнее время он что-то часто стал хамить.

— Ему очень плохо, — сказал Алёша. — Сходи, пожалуйста, за водой. Я тоже сильно хочу пить. Мы же позабыли взять с собой воду.

Пока Алёша добирался до вездехода, Цицерон держал хищника.

После того как зверь пулей унёсся в чащу, Цицерон освободил вездеход от пут, легко выволок его на просеку и достал канистру.

— Только больше не натыкайся выключателем на ветки, — попросил Алёша.

— Это случайно. Задумался, вот и налетел, — ответил робот. — Из машины не выходите, я сейчас вернусь.

На поиски воды у Цицерона ушло немного времени. Ему помогли глазастые лесные зверьки, которые оказались на редкость сообразительными и доверчивыми. Они бежали впереди робота и показывали ему дорогу. Зато на обратном пути даже решили проехаться на гиганте. Зверьки сидели у него на плечах, на голове, а один из них — самый шустрый — открыл на спине у Цицерона шкафчик и забрался туда.

— Весёлые ребята, — вернувшись к вездеходу, сказал Цицерон. — Но, по-моему, они всё же неразумные.

— Неразумные, потому что весёлые? — спросил Алёша.

— Нет, весёлые, потому что неразумные, — ответил робот. — В таком диком лесу я бы на их месте забился в дупло, нажал на кнопку и отключился.

— Ты воды принёс? — простонал Фуго.

Алёша с Цицероном едва успели отскочить в сторону. Фуго пронёсся на вездеходе в нескольких сантиметрах от них, резко повернул к зверю, и вездеход, похожий на бронированного жука, как вкопанный встал перед хищником.

*Вездеход остановился и начал быстро погружаться в песок.
— Пески! Зыбучие пески! Я же предупреждал! — восклицал
Эдуард Вацаганович.*

— Ах, ну да,— вспомнил Цицерон. Он просунул канистру мимикру в окно, и тот моментально припал к горловине.

— Ты не лопнешь? — смеясь, спросил Алёша.

— М-м-м,— промычал Фуго и покачал головой.

Когда мимикр раздулся от воды и стал похож на туго набитый мешок, он наконец оторвался от канистры.

— Корень твоих несчастий в том, что ты не знаешь меры,— проворчал Цицерон.— И селёдка здесь ни при чём.

Через какое-то время экспедиция двинулась дальше. Несколько весёлых зверьков похоже решили проводить пришельцев. Они носились вокруг вездехода, взбирались на идущего Цицерона и иногда устраивали свалку.

— Кстати, я услышал от них ещё одно слово: «ум»,— обратился робот к Алёше.— Как ты думаешь, что оно может означать?

Пока Алёша соображал, за него ответил Фуго:

— По-моему «ум» — это то, чего тебе не хватает.

— Опять! — с возмущением воскликнул Цицерон.— Вот она, благодарность! Я спас его, когда он умирал от жажды,— принёс воды...

— Действительно, Фуго,— сказал Алёша.

— Ладно, беру свои слова назад,— тут же ответил мимикр и похлопал себя по животу.— Что было, то было. Вот она, родимая, плещется.

Вездеход выехал из леса на каменистую площадку, которая плавно переходила в большую песчаную поляну.

— О, маленькие Каракумы,— сказал Алёша.— Не хватает только микроскопических верблюдов.

— Не нравятся мне эти Каракумы,— задумчиво проговорил Цицерон.— И нашим провожатым, кажется, тоже не нравятся.

Робот кивнул на зверьков, которые, разволновавшись, носились перед вездеходом и громко кричали:

— Ум-ум-ум...

— Отличный пляж, — весело ответил Алёша Цицерону. — Сейчас я его вмиг проскочу, а на той стороне сделаем привал и пожарим наконец кабачок. — Он нажал на акселератор, и маленький вездеход рванулся вперёд.

ГЛАВА 7

Эдуард Вачаганович сидел в командирском кресле вездехода и задумчиво курил трубку. Иногда после слишком сильного толчка или резкого поворота он ворчливо выговаривал Васе:

— Потихе, потихе. Куда ты гонишь? У меня от этих прыжков застревает дым в лёгких.

— А вы бы бросили курить, капитан, — обернувшись, весело сказал Вася.

— Ты за дорогой смотри, советчик, — проворчал Эдуард Вачаганович и более миролюбиво добавил: — Не могу уже. Ещё мальчишкой начал. Хотелось повыпендриваться перед сверстниками, вот, мол, какой я взрослый. Так и привык, а теперь сам мучаюсь.

Вездеход сильно тряхнуло. Неожиданно машина на большой скорости выскочила из редколесья и по инерции съехала с каменной площадки на обширную песчаную поляну. Васе понадобилось ещё какое-то время, чтобы сообразить, где они оказались. Он резко нажал на тормоз, но было уже поздно. Вездеход остановился метрах в двадцати от кромки песчаного озера и начал быстро погружаться в песок.

— А чтоб тебя! — откашливаясь дымом, словно простуженный дракон, закричал Эдуард Вачаганович.

— Зыбучие пески! — крикнул Вася и снова нажал на акселератор. Двигатель взревел, колёса вездехода яростно закрутились, но лишь ускорили погружение машины.

— Всем наверх! — не переставая кашлять, командовал капитан и, поднявшись, быстро распахнул люк.

Возле выхода на какое-то время образовалась потасовка. Более молодые Вася и Николай пытались вытолкнуть первым капитана, но старый космический волк не желал покидать машину первым, помня об основном правиле всех командиров кораблей: капитан покидает судно последним.

В конце концов Эдуарду Вачагановичу надоело бороться со своими подчинёнными, и он хрипло заорал:

— Молчать! Кто здесь старший!? Марш наверх! — И только после этого штурман с механиком наконец выскочили из вездехода.

Эдуарда Вачагановича Вася с Николаем вытаскивали за руки. Продолжая кашлять дымом и чертыхаться, командир выбрался из машины в самый последний момент. Держа его за руки, Вася с Николаем ползком потащили капитана по песку к спасительному каменному берегу, и со стороны в своём блестящем, серебристом комбинезоне, командир был похож на большую рыбу. Он широко открывал и закрывал рот и хрипло восклицал:

— Пески! Зыбучие пески, Альдебаран¹ им в глотку! Я же предупреждал!

На камни вся троица выбралась тяжело дыша. К тому времени вездеход уже скрылся под толщей песка, и ужасное озеро, в несколько секунд поглотившее многотонную машину, снова обрело безмятежный вид гигантской песочницы.

— Вот это да! — потрясённо покачал головой Вася. — Так быстро сожрать такую махину!

— Я тебе говорил — не гони? — сурово спросил Эдуард Вачаганович и, не дожидаясь ответа, рявкнул: — Десять нарядов вне очереди! Будешь драить камбуз и сортир до самой Угеры.

— Ладно, — и так убитый горем, ответил Вася.

— Я тебе говорил, что «зы» — это зыбучие пески? — не унимался капитан.

— Говорили, — пробурчал Вася.

— Ещё десять нарядов за невнимательность.

¹ Альдебаран — звезда в созвездии Тельца.

Вася с тоской посмотрел на Эдуарда Вачагановича, но промолчал.

— А я тебе говорил, что у меня дым застревает в лёгких от твоих прыжков? — ещё больше распалялся капитан. — Значит, ещё десять нарядов за покушение на здоровье командира. — Вася удивлённо посмотрел на космического волка. — Оставить нас без еды, без воды, без колёс в джунглях! — бушевал капитан. — Без оружия!..

— Вот, я взял. — Николай показал командиру винтовку, которую чудом успел прихватить из тонущей машины. — И комплект ампул, пятьдесят штук.

— Разве это оружие! — махнул рукой Эдуард Вачаганович, но затем посмотрел на Николая и одобрительно проворчал: — Хоть один нормальный человек нашёлся — ружьё забрал.

— А вы-то? — тихо сказал Вася.

— Что я? — не понял капитан.

— Себя-то вы нормальным разве не считаете? — спросил штурман.

— Ещё десять нарядов, — ответил Эдуард Вачаганович.

— Вы тогда сразу пожизненно назначьте меня сортирным работником, — вконец расстроился Вася.

— Всё, хватит болтать, — сказал командир корабля. — Идём дальше пешком. Надеюсь, больше половины пути мы уже проехали, и возвращаться обратно считаю форменным малодушием. В дороге питаться будем дичью.

— Как бы нам самим не стать дичью, — глядя на густые заросли, тихо проговорил Вася, а Николай поправил на плече ружьё и деловито сказал:

— Учёные со станции тоже шли пешком. А у них, насколько я понял, из оружия были только молоток и пила.

— Дошли они или нет, нам неизвестно, — вздохнул Вася. — Мы знаем только, что они из лагеря отправились на юг, а где они сейчас... Может, их давно съели.

— Ещё пять нарядов, — всматриваясь в лес, сказал Эдуард Вачаганович.

— За что? — почти выкрикнул Вася.

— За пессимизм, а значит, за попытку деморализовать членов спасательной экспедиции, — ответил капитан и, ни на кого не глядя, зашагал вперёд.

По каменной кромке песчаного озера идти было легко, но вскоре она кончилась, и спасателям пришлось войти в лес. Они шли медленно, постоянно озираясь, чтобы не проглядеть крупного хищника и не попасть к нему в лапы.

— Какой был вездеход! — пройдя с километр, с горечью проговорил Эдуард Вачаганович. — Сказка, а не машина.

— Да, — вздохнул Вася. — Там остался мой шлем. На заказ делал. Когда я ещё такой получу?

— А у меня там кинокамера осталась, — с сожалением проговорил Николай.

— Нашли о чём жалеть! — в сердцах воскликнул капитан. — Я там свою трубку обронил и то молчу. — Он хлопал себя по карманам комбинезона и добавил: — И табак тоже.

Внезапно Эдуард Вачаганович остановился и поднял руку, призывая спутников последовать его примеру.

— Пусть мне оттяпают ухо, если это не тропинка, — тихо проговорил он. — Кажется, мы подошли к границе обитаемых джунглей.

— Может, это звериная тропа? — всматриваясь в едва заметную дорожку, предположил Николай.

— Эх вы, следопыты, — проговорил командир корабля. — У мягколапых хищников не бывает звериной тропы, а травоядные оставляют столько следов, что с человеческой тропкой никак не спутаешь. Я старый охотник и толк в этом деле знаю.

— А нас случайно не слопают в конце этой тропинки? — спросил Вася. — Был такой учёный-этнограф¹ — Вадим Каплун,

¹ Этнография — наука, изучающая народы мира, их культуру и особенности быта.

его именем даже называли планету в созвездии Волосы Вероники, так вот я читал в его книжке о дикарях-людоедах.

— Значит, плохо читал, — бросил через плечо Эдуард Вачаганович. — Да здешний дикарь только увидит тебя, у него от страха зубы повыпадают.

— А если не повыпадают? — не отставал штурман.

— Ну ты-то уж точно от этого только выиграешь, — сказал Николай. — Тогда тебе не придётся два месяца чистить сортир.

— Разговорчики! — прикрикнул на ребят Эдуард Вачаганович. — Кстати, о еде: по-моему, нам не мешало бы подкрепиться. Николай, ты обеспечишь дичь, Василий — идёшь за водой, а я пока разожгу костёр.

Воду штурман так и не нашёл. Уходить без оружия далеко в джунгли он не решился, зато обнаружил несколько деревьев с большими синими плодами. Вася набрал их сколько смог унести, вернулся к своим и вывалил находку на землю.

Костёр уже пылал вовсю. Николай ошипывал большую лесную птицу размером поболее гуся, а Эдуард Вачаганович готовил из толстой ветки вертел.

— Что это за баклажаны? — спросил капитан, обстригивая ветку перочинным ножом.

— Фрукты, — ответил Вася.

— Сам вижу, что не пряники, — сказал Эдуард Вачаганович. — Кто тебе сказал, что их можно есть?

— А они птицами поклёваны — верная примета, — ответил штурман. — Я у Вадима Каплуна читал...

— Плохо читал, — перебил его командир корабля. — Каплун описывал земных птиц и земные фрукты, а мы с тобой находимся в сотне световых лет¹ от Земли.

— Так, значит, и дичь есть нельзя, — резонно заметил Вася.

— Да, — крикнул капитан. — Я об этом как-то не подумал. Ладно, фрукты принимаем. А вода где?

¹ Световой год — расстояние, которое проходит свет за один земной год со скоростью 300 000 километров в секунду.

— Колодца я не нашёл, — пожал плечами штурман. — Водопровода здесь тоже не предвидится, а искать родник... — В это время недалеко от костра послышался грозный рык какого-то крупного зверя, и Вася тут же воспользовался случаем: — А искать родник в этом зверинце равносильно самоубийству.

Очевидно привлеченный шумом и запахом, из-за деревьев вышел мощный зверь величиной с крупного медведя. Все трое спасателей, не сговариваясь, сгрудились по другую сторону костра.

Эдуард Вачаганович взял толстую горящую ветку, а Николай зарядил винтовку усыпляющими ампулами и положил палец на курок.

Костёр между тем постепенно стал затухать.

— Василий, — тихо сказал капитан, — подбрось дровишек, а то этот паразит сейчас обнаглеет и прыгнет.

Вася осторожно отошёл на шаг назад, нагнулся, взял большую охапку хвороста. Затем он бросил его на костёр.

Сухой хворост почти не давал дыма, заграждение из огня исчезло, погас и факел, и зверь пошёл прямо на людей.

— Стреляй, Коля! — крикнул Эдуард Вачаганович. Он принялся так размахивать дымящей веткой, что она вновь вспыхнула, и хищник в нерешительности остановился.

В этот момент раздалась подряд три выстрела. После третьего зверь взвыл, закачался и медленно повалился на бок.

— Проспит он недолго, — сказал капитан. — Надо уходить. Фрукты съедим по дороге. Дичь придётся пожарить на следующем привале.

— Может, возьмём его с собой? — кивнул Вася на хищника. — Проснётся и рёвом будет отгонять от нас и зверей и дикарей.

— А понесёшь его ты на закорках? — спросил Эдуард Вачаганович.

— Нет, по-охотничьему привяжем его к шесту...

— Отставить говорить глупости! — перебил его капитан. — Уходим по тропинке. Она отклоняется от направления на юг на какие-нибудь семь — десять градусов. Посмотрим, куда ведёт эта дорожка, а потом свернём.

ГЛАВА 8

Спасатели торопились уйти подальше от спящего зверя. Наконец они вышли к развилке трёх едва заметных тропок.

— Ну вот, — остановившись, проговорил Эдуард Вачаганович. — Куда дальше?

— Не хватает только камня с надписями, как в сказке, — сказал Вася. — Пойдёшь налево — жизнь потеряешь, направо — без коня останешься, а прямо — каждому из нас выдадут по невесте с кольцом в носу и по полпещеры царской в придачу.

— Тебе бы всё балагурить, — проворчал капитан. — Идём прямо, тропка самая натопанная.

Они быстро продвигались по джунглям, отмахиваясь ветками от надоедливых насекомых. Крупные хищники им больше не попадались, зато дорогу пару раз пересекали гигантские травоядные с длинными, как у жирафов, шеями. Один такой безобидный колосс чуть не растоптал Эдуарда Вачагановича. Капитан вовремя заметил жующее животное и едва успел отпрыгнуть в сторону. На то место, где он только что был, опустилась гигантская нога толщиной со столетний дуб.

— Ого, какие здесь овечки водятся! — задрал голову, проговорил командир корабля. — Эй, ребята, осторожнее, тут пасётся гора тонн на пятьдесят, не меньше.

Вася с Николаем выскочили из зарослей и присоединились к капитану.

— Сколько мяса! — с восхищением проговорил штурман. — Это же какой для него нужен холодильник!

— Я уже устал давать тебе наряды,— возмутился Эдуард Вачаганович.— Ну почему ты такой, Василий?

— Какой? — не понял штурман.

— Такой. Эдакого красавца мясом обозвал.

Тем временем Николай обошёл поляну, вернулся и предложил:

— Может, мы здесь, рядом с ним, дичь зажарим? Вряд ли возле такого гиганта выются хищники. В случае чего за него и спрятаться можно.

Командир корабля одобрил идею механика.

Вскоре на двух деревянных шампурах шипело и подрумянивалось жаркое из дичи. Напротив мирно пасся лесной гигант, в кронах деревьев свистели и верещали незнакомые птицы, и вся эта картина очень напоминала доисторическое прошлое Земли.

— Хорошо-то как! — уплетая жирную ножку величиной с сапог, проговорил Вася.— Когда ещё придётся вот так, на природе, посидеть у костра.

— Интересно, где мы будем ночевать? — с набитым ртом спросил Николай.— Это днём хищников мало, а ночью они выйдут на охоту.

— Переночуем на дереве,— беспечно ответил Вася.— Как вон те мартышки.— Он указал на лемурчиков.

— Я сплю беспокойно,— сказал Николай.— Могу во сне упасть с дерева.

— А мы тебя к стволу прикрутим лианами,— успокоил штурман.

Солнце уже опустилось ниже верхушек деревьев, и в джунглях наступила предночная тишина. Изредка её нарушал леденящий рёв какого-нибудь хищника, вышедшего на охоту.

Спасатели выбрали огромное дуплистое дерево, с которого, как с корабельной мачты, свешивались длинные лианы. Внизу от дерева отходили как раз три ветви такой толщины, что на них вполне можно было построить по небольшому лесному домику.

Помогая друг другу, спасатели вскарабкались на нижние ветви, и там, наверху, выяснилось, что дерево служит пристанищем целому маленькому зоопарку. Здесь были и птицы, и какие-то юркие зверьки, похожие на грызунов, и ящерицы, и небольшие змеи. Из одного дупла на Васю глянула такая образаина, что он чуть не упал на землю.

— Нет, я здесь спать не буду, — боязливо осматриваясь, сказал штурман. — Это же всё равно что плавать в аквариуме с пираньями¹. Посмотрите, капитан, на этих тварей. Они только и ждут, чтобы мы уснули. Вон гадость какая сидит, облизывается. Не-ет, я лучше внизу обложусь костром и буду всю ночь подбрасывать в него дрова.

— М-да, действительно опасно, — почесав затылок, сказал Эдуард Вачаганович. — А ты, Николай, что думаешь? — спросил он.

— Я думаю, из лиан можно сделать отличные подвесные постели, — ответил механик.

— Вот видишь, Николай думает, — сказал Эдуард Вачаганович. — А ты только пессимизм разводишь. Давайте, пока ещё светло, вяжите лианы. Спать будем здесь.

Почти вся ночь прошла спокойно. Изрядно устав за день, спасатели спали крепко в своих подвесных постелях. Но перед самым рассветом к Васе сверху по лиане сползло какое-то насекомое и уселось прямо на лицо. Во сне штурман попытался смахнуть непрошеного гостя, и тот укусил его в щёку, да так сильно, что Вася с криком проснулся.

Спросонья забыв, где он находится, штурман задёргался от боли, завертелся веретеном, и завязанная в темноте верхняя лиана вдруг развязалась, а вслед за ней и вторая, которая обхватывала пояс.

Он повис вниз головой в пяти метрах от земли, словно огромный тропический фрукт.

— Эдуард Вачаганович! — завопил штурман. — Капитан! Коля!

¹ Пира́нья — маленькая, удивительно прожорливая рыбка. Небольшая стая пираний способна обглодать гиппопотама за две минуты.

— Что случилось? — хрипло отозвался командир корабля.

— Меня кто-то укусил за щёку, — жалобно ответил Вася. — Очень сильно. Наверное, это змея.

Не на шутку перепугавшись, капитан с Николаем быстро выбрались из подвесных постелей и с двух сторон поползли по стволу к штурману.

— Ты где? — крикнул Николай.

— Я висю... вешу... я болтаюсь вниз головой. У меня развязались две лианы.

— До утра не мог подождать, — проворчал Эдуард Вачаганович. — Тоже мне, придумал по ночам змей щёками кормить.

Наконец капитан с механиком добрались до своего товарища, и Николай подёргал за лиану.

— Это ты? — спросил он.

— А что, здесь ещё кто-нибудь может висеть? — простонал Вася.

— Ну что, будем втягивать или обрежем? — спросил Эдуард Вачаганович.

— Не надо обрезать! — завопил штурман. — Я же разобью голову.

Мешая друг другу и чертыхаясь, капитан с механиком всё же подтянули Васю к ветке. К тому времени уже немного развиднелось, и по джунглям разлился серый промозглый рассвет.

Эдуард Вачаганович крепко ухватил штурмана за ботинок, Николай за другой, и вместе они подняли стонущего штурмана на толстую ветвь. Даже в полумраке видно было, как у Васи раздулась щека.

— Если на одного и того же человека всё время валятся беды, — начал Эдуард Вачаганович, — значит, в нём есть какая-то червоточина.

— Просто не везёт, — проговорил штурман.

— Не везёт — это отговорка для лентяев и неумех, — ответил командир корабля. — Никто тебя никогда не повезёт,

если ты сам не отвезёшь себя куда следует. Предусмотреть можно абсолютно всё.

— Ну конечно,— простонал Вася.— А лавина, которая сошла на научную станцию?

— Значит, они неправильно выбрали место для станции,— ответил Эдуард Вачаганович.

— А если человек заболел? — не унимался штурман.

— Значит, он плохо следил за своим здоровьем.

— А если у человека украли деньги? — влез в спор Николай.

— Держи их в кулаке, и никто никогда их не украдёт,— ответил капитан.

— Понятно,— вздохнул Вася.— Я бы удавился от такой жизни: деньги в кулаке, ходить только по краю тротуара, чтобы на голову не свалился кирпич, ходи и думай о здоровье и в какой сесть автобус, чтобы на него не налетел какой-нибудь лихач.

— Вот поэтому у тебя и щека с футбольный мяч. Дай погляжу, что там у тебя.— Капитан внимательно осмотрел едва заметную ранку, потрогал её пальцем и сказал: — Это не змея, а насекомое. Все лекарства остались в вездеходе. Значит, рану надо прижечь. Так что придётся тебе потерпеть.

— А может, само пройдёт? — услышав о прижигании, заволновался штурман.

— Может, и пройдёт,— ответил командир корабля.— На- всегда. Давай сюда свою щёку и кричи погромче, легче будет.

От прижигания Вася заорал так, что от дерева во все стороны бросились наутёк какие-то животные. После этого ещё долго кто-то шарахался по кустам, а наверху птицы хлопали крыльями и тревожно кричали.

О сне больше никто не заикался, о завтраке тоже. Эдуард Вачаганович торопился в дорогу, Николай, как всегда, молчал, а Вася жалобно бормотал проклятья в адрес кровожадных насекомых, держался за щёку и думал о том, какую трудную и опасную он выбрал профессию.

Вниз спустились по лианам и сразу отправились дальше, благо первые лучи солнца уже осветили верхушки деревьев, и джунгли ожили. Снова засвистели птицы, зажужжали насекомые.

Два часа пути Вася не давал своим спутникам скучать. Он в голос стонал и всё время приставал к Николаю:

— Коль, а Коль, посмотри, ещё больше опухло?

— Да больше-то вроде некуда, — отвечал Николай, разглядывая щёку величиной с небольшую дыньку.

Никто не заметил, как лес поредел. Затем спасатели поднялись на пригорок, и их взору открылась удивительная картина: прямо под горой, в ста метрах от леса виднелась небольшая деревушка, состоящая из трёх десятков тростниковых хижин. Между домами ещё дымились ночные костры, несколько странных, одетых в шкуры существ сутились вокруг уличных очагов: они подбрасывали хворост, раздували огонь и похоже собирались готовить завтрак.

— Туземцы, — спрятавшись за дерево, спокойно проговорил капитан. — Стоп, не высовываться.

— Может, спросим у них об учёных? — последовав примеру командира, сказал Николай.

— Можно и спросить, — ответил Эдуард Вачаганович. — Но прежде надо изучить обстановку. Объявляю привал. Обмозговать надо.

ГЛАВА 9

Цицерон даже не успел возразить, как машина на большой скорости выскочила на песчаную поляну.

— Стой! — закричал он вслед и побежал по каменистому берегу. — Это же... Фу, черт, забыл, как это называется! — бормотал робот. — Какие же там были две буквы в записке?..

И тут случилось то, что и должно было произойти: маленький вездеход вдруг забуксовал и начал медленно погружаться в песок.

Алёша изо всех сил давил на педаль газа, но машина от этого лишь зарывалась глубже.

— Кажется, мы тонем? — оцепенев от страха, проговорил Фуго, когда песок достиг окна. — Если этот вездеход не умеет ездить под землёй, значит, надо срочно вылезать! — Но Алёша уже и сам всё понял.

Открывать двери было поздно, и тогда Алёша поднялся и откинул верхний люк.

— Давай скорее, — торопил он мимикра. — Вездеходу конец!

Фуго пулей выскочил на крышу, Алёша последовал за ним, и здесь они увидели Цицерона, который полз к ним по-пластунски, не переставая бормотать:

— Две буквы... две буквы... Какие же там были буквы?..

Не дожидаясь, когда машина целиком погрузится, Алёша с мимикром прыгнули с вездехода и, увязая в песке, стали пробираться к роботу. Но уже через несколько метров Фуго вдруг остановился, издал придушенный вопль и бросился назад.

— Куда ты!? — закричал Алёша. Ему пришлось упасть плашмя, чтобы песок не засосал его, а когда Алёша повернулся назад, он увидел, как мимикр нырнул в люк вездехода, от которого на поверхности осталась одна крыша.

Возвращение в машину едва не стоило мимикру жизни. Пока он перебирался на Алёшино сиденье, отыскивал булку, песок начал вливаться в кабину и очень скоро наполовину заполнил её.

Хлеб помешал Фуго быстро выскочить из тонущего вездехода. Вцепившись в булку, мимикр полез наверх, но песок утекал из-под него, заставляя барахтаться на месте.

— Циц... Циц! — в ужасе закричал он. — Цицерон! Спаси! Обещаю... никогда больше...

Машина уже почти совсем ушла в песок, когда рыдающий Фуго увидел над собой огромный манипулятор робота, который вслепую сжимал и разжимал пальцы-крюки.

— Я здесь! Я здесь! Я здесь! — забормотал мимикр, пытаюсь уцепиться за манипулятор. — Только не раздави меня.

Наконец Цицерон осторожно ухватил Фуго, поднял над исчезающим вездеходом и задом пополз к каменистому берегу. Когда до края поляны оставалось каких-нибудь три метра, робот неожиданно остановился и рывкнул так, что Фуго от испуга выпрыгнул из его крюков и шлёпнулся на песок.

— Я вспомнил! — заорал Цицерон. — Я знаю, что такое «зы»...

— Теперь-то я тоже знаю, — печально вздохнул Алёша, сидевший на камне. — Это зыбучие пески.

— Какие вы догадливые, — оказавшись в безопасном месте, язвительно проговорил мимикр. — Ну зачем я попёрся кого-то спасать? — вдруг жалобно запричитал он. — Сидел бы сейчас с тётушкой в каюте, ел макароны с яблоками и запивал компотом.

— Я всё время догадывался, что «зы» означает зыбучие пески, — не обращая внимания на стенания мимикра, сказал Цицерон. — Но из-за этой дурацкой поломки в блоке памяти никак не мог вспомнить.

— А я и не догадывался, — опустив голову, сказал Алёша. — Я думал, это что-то особенное, инопланетное, чего мы ещё не проходили в школе. На Земле я обязательно угадал бы сразу. Так всегда бывает, думаешь, тебя ждёт что-то необыкновенное, а потом оказывается, что это простые зыбучие пески. — Алёша взглянул на то место, где только что утонул вездеход, и тяжело вздохнул. — Со мной такое уже много раз было. Три года назад папа возвращался из экспедиции и позвонил с космодрома. Сказал, что везёт мне в подарок страшного зверя, который на латинском языке называется *Felis Catus*. Я не спал всю ночь, представлял, как выглядит этот зверь. А утром приехал папа и подарил мне

серого котёнка — Барсика. Он до сих пор живёт с нами. С тех пор я знаю, что фелис катус — это значит: кот домашний.

— Чтоб я ещё когда-нибудь согласился поехать в экспедицию... — Пытаясь привлечь к себе внимание, Фуго громко вздохнул.

— Может, бросить его обратно в самую зыбь? — обращаясь к Алёше, мрачно пошутил Цицерон. — Что ему здесь мучиться?

— Я тебе брошу, железное бревно! — отбежав подальше, разозлился Фуго. — Я, между прочим, спас еду. Думаете, в этом лесу мы найдём ромбодабы или эти... как их?.. кабачки?

— Ты бы мог погибнуть из-за какой-то булки хлеба, — сказал Алёша.

— Это она на корабле «какая-то булка хлеба», — с вызовом ответил Фуго. — А в этом лесу она может спасти нам жизнь.

— И всё равно, — сказал Цицерон, — я бы не полез даже за бочкой лучшего машинного масла.

— За бочкой машинного масла я бы тоже не полез, — ответил мимикр.

Некоторое время все сидели молча, и каждый по-своему переживал потерю вездехода. Неожиданно Алёша испуганно проговорил:

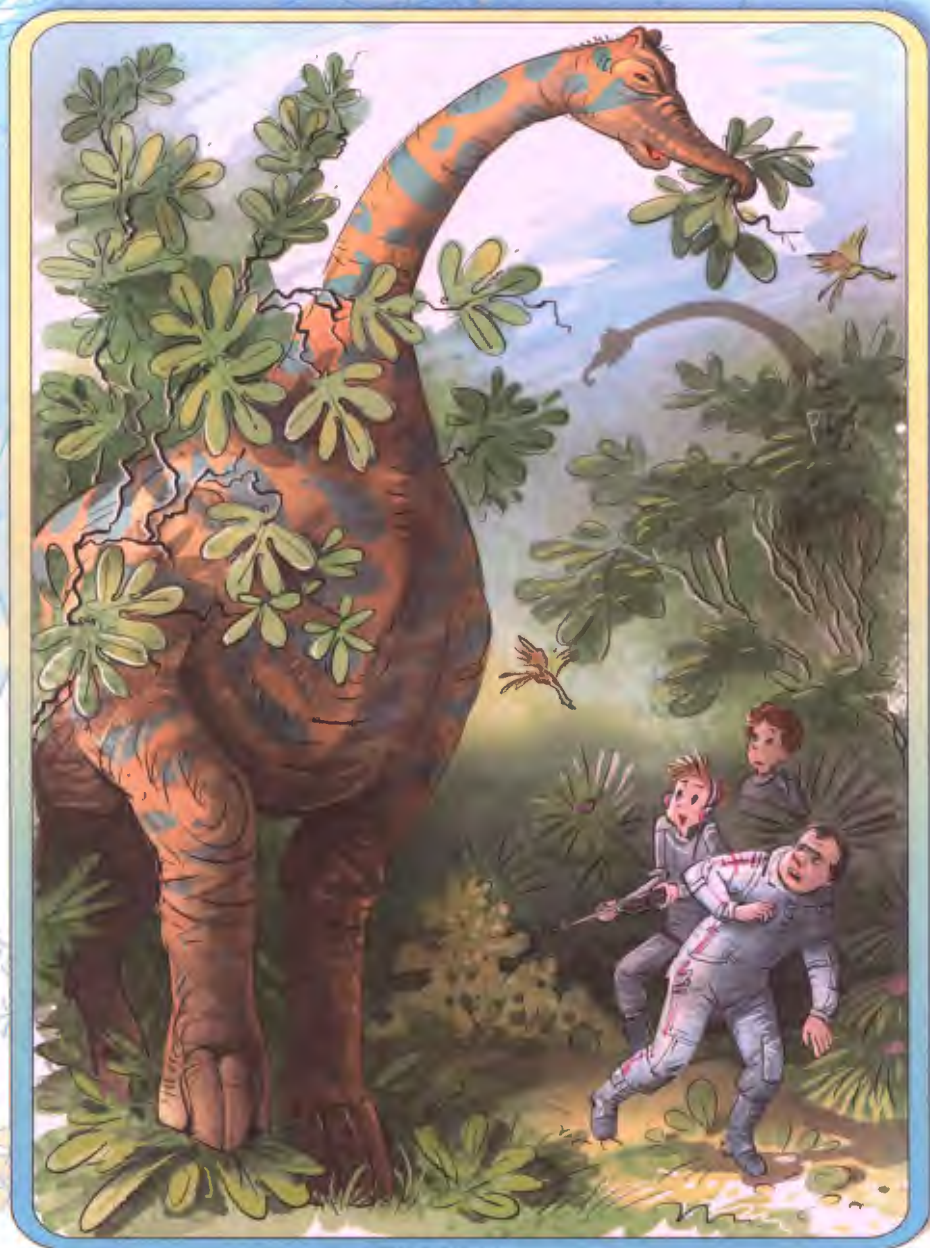
— Так, значит, вот почему замолчал передатчик Эдуарда Вачагановича. Их вездеход тоже засосало в песок. Может, даже они погибли?!

— Ну почему сразу погибли, — возразил Цицерон. — Они что, глупее нас, что ли? Выбрались, как и мы. Кстати, если мы их не встретили, значит, они решили не возвращаться и пошли дальше.

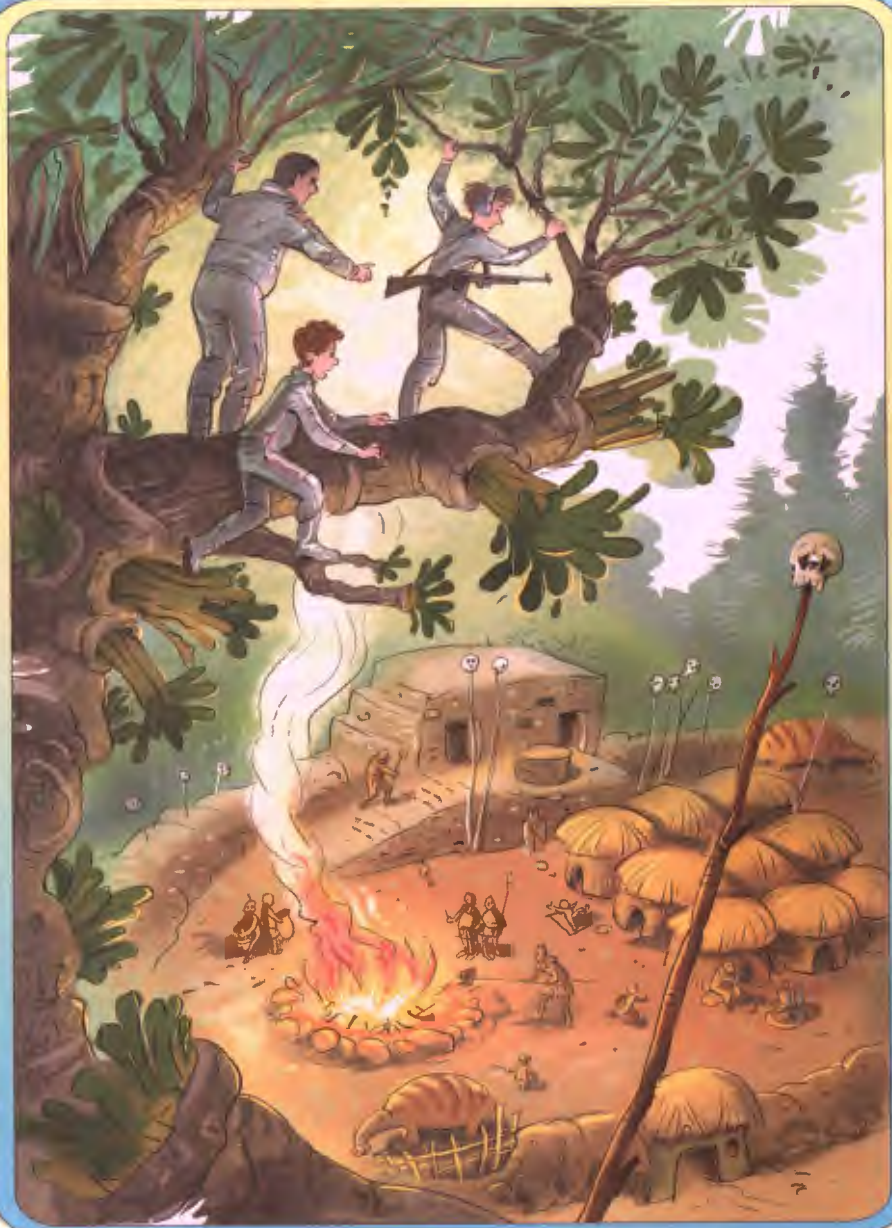
Слова робота несколько успокоили Алёшу.

— Тогда и мы двинемся следом за ними, — сказал он.

— Пешком?! — ужаснулся Фуго, посмотрев на лес, который стоял вокруг песчаного озера сплошной стеной.

Спасатели быстро продвигались по джунглям. Дорогу им пару раз пересекали гигантские травоядные. Один такой безобидный колосс чуть не растоптал Эдуарда Вачагановича. Капитан едва успел отпрыгнуть в сторону.

Солнце стояло уже высоко, когда спасатели выбрались на опушку леса. Они отыскивали большое дерево, все трое забрались на него и оттуда принялись наблюдать за деревней.

Вначале пришельцев никто не заметил.

— Можете забраться ко мне на плечи. Ни один хищник вас не тронет, пока я рядом,— гордо проговорил Цицерон.— Занимайте места.

Алёша тут же вскарабкался на робота и позвал мимикра:

— Давай, Фуго, я подам тебе руку.

— Не надо, я сам,— резко ответил мимикр. Не выпуская булки, он словно прилип к ноге робота и ловко вполз к нему на плечо.

— Тогда вперёд! — сказал Цицерон.

Он быстро зашагал вдоль песчаного озера и вскоре вошёл в джунгли, которые встретили маленькую экспедицию пронзительными птичьими криками и душераздирающим воем неизвестного зверя.

— Кстати,— на ходу проговорил робот,— я понял, что «ум» на языке этих симпатичных обезьянок означает опасность. Когда я ходил за водой, они этим словом предупреждали меня, что впереди обрыв. А перед тем как вездеход выехал на песок, они не переставая орали: «Ум-ум-ум...»

— Да, наверное,— вяло согласился Алёша.

Они с Фуго выглядели очень расстроенными, и робот сделал попытку как-то расшевелить их, отвлечь от мрачных мыслей.

— Между прочим,— бодро начал Цицерон,— первые роботы появились ещё в Древней Греции. Их выковал Гефест — бог огня и кузнечного дела. Очень талантливый был мужик. В электронике разбирался как бог.

— Это же миф, Цицерон,— возразил Алёша.

— А что не миф? — слегка обиделся робот.— Что не миф? Вот ты вернёшься домой и начнёшь ребятам сочинять, как путешествовал по планетам. Наврёшь с три короба.

— Я буду рассказывать только правду,— ответил Алёша.

— Так миф — это и есть правда, но рассказанная чуть-чуть увлекательнее, чтобы интереснее было слушать,— проговорил Цицерон.— Так что роботы в Древней Греции были. Возможно,

не настолько электронные, как я... — Он немного подумал и добавил: — И видимо, не такие умные.

Цицерон шёл на большой скорости, обходя свисающие сверху лианы, чтобы ими не зацепило седоков. В лесу часто попадались мелкие зверушки, несколько раз они видели уже знакомых лемурчиков, и ни разу дорогу им не преградил ни один хищник.

— Придумал же такое — электроника в Древней Греции, — не унимался Алёша. — Да в то время даже электрических кофемолок не было. Кофе в ступках мололи.

— Было, не было, это никому не известно, — пробасил робот. — Через три тысячи лет про наше время тоже будут сочинять небылицы, а нас называть дикарями.

Все очень обрадовались, когда Цицерон обнаружил свежее кострище, вокруг которого были в изобилии разбросаны птичьи перья.

— Значит, они точно живы! — радостно воскликнул Алёша.

— А я ни секунды не сомневался в этом, — ответил робот. — Они не только живы, но и сыты. Судя по перьям, это была большая птица.

При упоминании о еде Фуго беспокойно заёрзал, затем, подумав, отломил большую горбушку и через голову робота протянул её Алёше.

— Нам тоже давно пора подкрепиться, — сказал он и удовлетворённо добавил: — Всё-таки мы в лучшем положении, чем спасатели. Мы можем не останавливаться на привал, а есть прямо на ходу. Правильно мы сделали, что Цицерона взяли с собой.

— Вы меня взяли? — удивился робот.

— Да, — с набитым ртом ответил мимикр. — Кстати, Цицерон, давай я буду звать тебя Цица. Так в два раза короче получается, а то мне трудно выговаривать твоё имя.

— Тогда и я буду звать тебя Фу, тоже в два раза короче.

— Фу? — Мимикр даже перестал жевать. — Нет, «Фу» некрасиво звучит.

— А «Цица» будто красиво, — сказал Цицерон.

— А меня в два раза короче будет «Алё», — жуя, проговорил Алёша. Он с трудом проглотил сухой хлеб и добавил: — Теперь хорошо бы попить водички.

Не сбавляя скорости, робот свернул немного вправо и пошёл, не разбирая дороги. Его наездники едва успевали уворачиваться от веток и лиан. Наконец мимикр не выдержал и раздражённо проговорил:

— Ты что, дрова везёшь? Поосторожнее нельзя?

Цицерон не заметил, что толстая ветка сбила зазевавшегося мимикра, и тот, оглушённый, как мешок свалился на землю.

Алёша не видел, как это произошло, а когда мимикр пришёл в себя, Цицерон ушёл вперёд метров на сто и давно скрылся за густыми зарослями.

— Стой! — отыскивая в траве половину булки, закричал Фуго. — Кому говорю! Здесь же звери! — Со всей скоростью, на какую был способен, он бросился за роботом: — Цицero-o-он!

ГЛАВА 10

Постепенно лес становился всё реже. Исчезли толстые деревья, увитые лианами, и густой кустарник. Ветви больше не хлестали по голове, а впереди видно было ярко-синее небо.

Алёша вдруг услышал далёкий крик и насторожился.

— Ты слышал, Цицерон? — вертя головой во все стороны, спросил он. — Кто-то кричал.

— Это голодные звери воют, — ответил робот.

— А ты слышал, Фуго? — обратился Алёша к мимикру, но ответа не последовало. Он привстал, чтобы посмотреть на друга. — Стоп, Цицерон! — закричал Алёша. — Фуго исчез!

— Куда это он мог исчезнуть? — удивился робот, но всё же остановился.

— Нет его! — с ужасом в голосе сказал Алёша. — Мы его потеряли! Пойдём назад, Цицерон. Его же сожрут хищники!

Робот мгновенно развернулся и пошёл обратно.

— Думаю, его никто не сожрёт, — проговорил он. — А если и сожрёт, то наверняка отравится. Уж очень у этого мимикра ядовитый характер.

— Скорее, Цицерончик! — торопил Алёша. — Это же джунгли, а Фуго такой беззащитный!

— Он беззащитный? — усмехнулся робот. — Да этот мимикр кем хочешь может прикинуться: хоть змеёй, хоть тиранозавром или лазерной пушкой.

В этот момент они услышали голос, который на этот раз прозвучал гораздо ближе.

— Фуго! — на весь лес загудел робот. — Мы здесь!

Алёша с Цицероном появились очень вовремя. Мимикр как раз улепётывал от небольшого хищника размером с волка. Фуго метался от дерева к дереву, истошно вопил, а зверь как будто играл со своей жертвой в догонялки.

Конец этой игре положил гигант-робот. При его появлении хищник остановился как вкопанный, затем попятился назад, и мимикр тут же воспользовался этим. Он в одно мгновение взлетел на плечо к Цицерону, и тут его прорвало:

— Бросили меня одного!

— Мы не видели, как ты упал, — стал оправдываться Алёша.

— Бросили, беззащитного, на съедение диким зверям! — неистовствовал мимикр.

— Ты же сам свалился, — попытался урезонить его робот.

— Ага! — закричал Фуго. — Я помню, как ты хотел швырнуть меня в зыбучие пески! Я всё помню! Что, не удалось утопить меня!

— Сидит у меня на плече и меня же злодеем обзывает, — обиделся робот.

— Ну это ты загнул, Фуго,— вступился за робота Алёша.— Цицерон и не почувствовал, как ты упал. Он же пять тонн поднимает. Ты для него пушинка.

— Да ты бы видел, как он смотрит на меня: так бы и швырнул хищнику в пасть.

— Ну это уже клевета,— возмутился Цицерон.— Я на всех смотрю одинаково и не умею смотреть по-другому.

— Вот видишь! — крикнул мимикр, обращаясь к Алёше.— Он не может смотреть на меня по-другому, только с ненавистью.

— Да он просто сумасшедший,— сказал робот.— Это обыкновенный сумасшедший мимикр.

— Сам сумасшедший,— снова подал голос Фуго.— Как тимиаки тебя ударили по голове, ты совсем сбрендил...

— Перестань, Фуго! — перебил его Алёша.— Цицерон ни в чём не виноват. Зачем ты его всё время оскорбляешь?

— А ты...— задохнулся от обиды мимикр.— А ты защищаешь только его и ни разу не вступился за меня!

— Я не знаю, что делать,— сказал Алёша Цицерону.

— А ничего не надо делать,— ответил робот.— На Марсе за такие слова я из марсиан шкатулки бы делал. Но давно уже понял: надо просто переждать, как дождь или град. Пойдём, он сам успокоится.

Цицерон развернулся и пошёл вперёд. И тут Фуго снова заорал так, что Алёша от неожиданности едва не свалился вниз.

— Хлеб! Хлеб забыли! — Он показал на кусты: — Я его где-то там уронил! Если, конечно, эта зверюга не сожрала его.

Булка лежала нетронутой метрах в тридцати за деревом. Цицерон поднял её и предложил убрать в свой шкафчик на спине. Фуго обиженно промолчал, но когда Цицерон открыл дверцу, он вдруг заинтересовался шкафчиком.

— А я туда помещусь? — спросил мимикр.

Робот прикинул в уме объём мимикра и ответил:

— Поместишься, если примешь квадратную форму.

— Я приму какую угодно форму, только чтоб не сидеть у тебя на плече, — ответил Фуго. — Я уж точно буду в безопасности.

Мимикр перебрался в шкаф и целиком заполнил его, а затем захлопнул за собой дверцу.

— Не задохнёшься? — громко спросил робот.

— Не задохнусь, — проворчал Фуго. — Ты же как дырявый сарай — одни щели. Только вот какая-то гадость мешает, прямо в бок упирается. Но зато теперь меня не достанет ни один людоед.

— Это не гадость, это мой любимый гаечный ключ девять на двенадцать. Я им гайки под коленкой подкручиваю, — пояснил Цицерон. — Там ещё болтик должен быть, смотри не выбрасывай. Сиди спокойно и не дрейфь. А то у меня от твоего крика блок памяти совсем распаяется.

Цицерон снова тронулся в путь. В поисках воды он всё дальше и дальше уходил вправо, но ручей словно провалился сквозь землю.

— А мы не заблудимся, Цицерон? — глядя на дикие чёрные скалы, спросил Алёша. — Может, нам лучше вернуться назад?

— Не беспокойся, — ответил робот и постучал себя по голове. — Вот здесь находится этот самый, как его?.. Который указывает направление...

— Компас, — подсказал Алёша.

— Вот именно, компас, — повторил Цицерон. — Он не даст нам заплутать. Если бы ты знал, сколько он спасал меня, из каких только переделок не выводил. Помню, на одной планете в созвездии Козерога наш катер летел на малой высоте и его бросило на скалы. Катер разбился вдребезги, водитель и начальник экспедиции оба ранены, а я сижу выключенный и, соответственно, ни о чём не подозреваю. Но перед тем как потерять сознание, водитель всё же догадался меня включить.

Планета, надо тебе сказать, нам попалась хреновая: голая, одна щебёнка и пыль. Запаса воздуха у раненых максимум на два часа.

И до горизонта в любую сторону хоть бы кустик или валун — никаких ориентиров. Ну, думаю, каюк моим геологам. А сам себе говорю: «Нет, врѣшь, пока есть хоть малейшая возможность их спасти, надо действовать. Можно сказать, коллеги, а не какие-нибудь там роботы-пылесосы или бармены-полуавтоматы».

Беру я водителя на одно плечо, начальника экспедиции — на другое, выхожу из катера и несколько минут изучаю ландшафт. И что ты думаешь? Очень быстро определил, откуда мы прилетели.

— Компас показал? — спросил Алёша.

— Нет. Какой там компас. Он же у меня не на корабль настроен, а как и все компасы — на полюс, — ответил Цицерон. — Я увидел, что в одну сторону тянется едва заметная дорожка.

— Геологи протоптали? — предположил Алёша.

— Нет, караваны геологов по той планете не ходили, — ответил робот. — Я же говорил, мы летели на небольшой высоте. Стало быть, струи горячего газа из двигателей разгоняли под катером пыль в разные стороны, вот и образовалась дорожка. По ней я и дошёл до корабля, — закончил Цицерон. — Вот так-то.

— А при чём здесь тогда твой внутренний компас? — вспомнив, с чего начал робот, спросил Алёша.

— А при том, что компас — это не только маленький приборчик с магнитной стрелкой. Чаще всего компас — это наблюдательность и сообразительность, и они гораздо надёжнее.

— А геологи остались живы? — спросил Алёша.

— Конечно, — ответил Цицерон. — Они мне потом полностью поменяли электронику. Поставили такую, чтобы я мог не только корабли разгружать, но и книжки читать. Ну, я за время полёта прочитал всё, что было на корабле, вплоть до учебника по космической навигации и малой энциклопедии. По геологии я одолел несколько книг и запросто могу возглавить экспедицию, детективов прочитал столько, что вполне могу пойти работать следователем, а по кулинарии я вообще большой специалист.

— Ты умеешь готовить? — удивился Алёша.

— Ни разу не пробовал, но теоретически приготавливаю всё, что хочешь.

— Теоретически и я умею, — рассмеялся Алёша. — Но всё равно здорово.

— В общем, образование я получил неплохое, — продолжал Цицерон. — К твоему папе я попал уже с большим багажом знаний. Поэтому он меня и прозвал Цицероном. А то был бы сейчас как все грузовые роботы — домкрат, он и есть домкрат. Подними, опусти, и никакой тебе философии. Правда, во многом знании немалая печаль. Дуракам, конечно, легче, зато умным — интереснее. Я вот даже подумываю, не написать ли мне воспомина... — договорить Цицерон не успел. Наступив на кучу наваленных веток, он вместе с Алёшей с треском провалился в яму.

ГЛАВА 11

После небольшого привала Эдуард Вачаганович пошёл первым, наказав Васе и Николаю идти за ним очень тихо и след в след.

Неожиданно Эдуард Вачаганович резко остановился и присел на корточки.

— Стоп, ребята. Так я и думал, — сказал он и, отойдя подальше от наклонённого дерева, ударил по нему палкой.

Деревце выпрямилось, а из-за соседнего ствола вылетел дротик и со свистом пронёсся мимо.

— Вот так-то, — удовлетворённо проговорил командир корабля.

— Ух, ты! — поразился Вася. — Техника на грани фантастики. — Он обошёл Эдуарда Вачагановича, ступил на кучу пожухлой листвы, и тут земля ушла у него из-под ног. Вася

провалился, но в последний момент капитан успел ухватить его за руку и вытянуть наверх.

Яма оказалась не очень глубокой, но зато на дне её торчали три заострённых кола, до которых, благодаря командиру, Вася не успел долететь.

— Куда ты лезешь?! — воскликнул Эдуард Вачаганович. — Я же говорил, идти только след в след!

— Забыл, — не успев опомниться от испуга, сказал штурман. — Откуда я мог знать, что здесь яма?

— Во-первых, я предупреждал, что нельзя отходить от меня ни на шаг. А во-вторых, думать надо. Это тебе не подмосковный лес с ручными белками и кормушками для оленей. Жителям вон той деревни надо обезопасить себя от диких зверей. Как это сделать? Правильно, нужны ловушки, — ответил за Васю капитан. — Обычная логика.

— Я в вашем возрасте тоже, может быть, буду всё это знать, — уныло сказал Вася.

— Если доживёшь, — с сомнением заметил Эдуард Вачаганович. — А вообще-то я в твоём возрасте уже знал, как первобытные люди охраняли свои жилища и добывали мясо. Так что ещё десять нарядов тебе за непослушание. Ты хотя бы считаешь, сколько там набралось?

— Двадцать восемь, — не задумываясь, ответил штурман.

— Врёшь, — сказал командир корабля. — По-моему, гораздо больше.

— Шестьдесят пять с последними, — подсказал капитану Николай. — Я считал.

— А тебя не спрашивают. Вот свои получишь, тогда и считай, — недовольно буркнул Эдуард Вачаганович.

Дальше спасатели продвигались медленнее. Не трогая приспособлений туземцев, они обошли несколько самострелов, и уже перед самым выходом из леса командир корабля показал своим спутникам замаскированную яму.

— Видите, тропинка будто подметена? Вряд ли у них есть дворники, которые подметают лесные тропки. И дёрн немного выше, чем везде. Вот вам и яма. Здесь как на минном поле: ошибиться можно только один раз — колья на дне.

Солнце стояло уже высоко, когда спасатели выбрались на опушку леса. Они отыскиали большое дерево, все трое забрались на него и оттуда принялись наблюдать за деревней.

Судя по размерам тростниковых хижин, в них жило по несколько семей. Дома располагались большим квадратом, с узкими проходами между ними. Самый широкий проход был обращён к реке.

На берегу стояло единственное каменное здание — круглое и приземистое. Оно было окружено торчащими как попало кольями с насаженными на них черепами. На плоской крыше этого строения стояли столбы вокруг большой тёсаной плиты, а с двух сторон наверх вели каменные ступени.

На обширном лугу возле реки паслись несколько крупных животных, похожих на длинношеих земных тапиров. Но разобрать точнее что-либо на таком расстоянии было невозможно.

Площадь между домами была такой большой, что на ней вполне мог бы разместиться ракетодром. Посреди площади горел большой костёр, в который изредка жители подбрасывали дрова. А всё поселение напоминало крепость, хотя и не очень неприступную.

У каждой хижины горел костёр, и вокруг под навесами сидели жители деревни, по виду похожие на плосколицых обезьян с какой-то серо-зелёной кожей. Разница была лишь в том, что они были совершенно лысые и одеты в свободные балахоны из разнообразных шкур.

Видно было, что аборигены завтракают, и только голые дети с криками носились по утоптанной пыльной площади.

— Симпатичные ребята, — сказал Вася. — На бритых орангутангов похожи.

— Ну мы для них тоже не хрустальные вазы, — сказал командир корабля. — Учёных здесь похоже нет, — задумчиво проговорил он.

— Ну почему, если в котлах поискать... — начал Вася, но капитан тихо перебил его:

— Ещё пять рядов за неуместный чёрный юмор. Нашёл над чем шутить.

В это время до спасателей донеслись какие-то ритмические звуки.

— Барабаны и тростниковые свистульки, — сразу определил капитан. — Они уже музыку сочиняют, а ты говоришь — орангутанги.

Неожиданно на площадь целыми семьями повалил народ. Они оцепили костёр несколькими замкнутыми кругами, начали подпрыгивать и хлопать в ладоши, а затем хором затянули заунывную песню.

— Почему это дикари так любят петь и плясать? — разглядывая хоровод, спросил Вася.

— Это ритуальный танец, — пояснил Эдуард Вачаганович. — Богов благодарят. После танца наверняка полезут на крышу вон того здания у реки. Там у них алтарь для жертвоприношений.

— Мы можем как раз успеть к жертвоприношениям, — усмехнулся Вася.

— Всё шутишь, — упрекнул штурмана командир корабля. — Не похоже, чтобы они приносили в жертву людей. Это же черепа животных, а каннибалов¹ я за версту чую. Навидался на других планетах. — Эдуард Вачаганович начал спускаться с дерева и, когда все трое оказались внизу, сказал: — В деревню мы всё же пойдём. Надо познакомиться с местными жителями, поспрашивать об учёных. Кто-нибудь что-нибудь обязательно или слышал, или видел.

Спасатели со всеми предосторожностями добрались до деревни, прошли между двумя хижинами и оказались на краю огромной площадки.

¹ Каннибализм — людоедство.

— На всякий случай держи ружьишко наготове, — тихо проговорил Эдуард Вачаганович Николаю. — Если что, нескольких успеем усыпить, остальные испугаются и разбегутся. — Механик вскинул ружье, но командир корабля одёрнул его: — Да не целься ты в них раньше времени. Просто будь готов. Иногда это очень помогает выжить. — Он посмотрел на Васю и добавил: — И не забудьте включить автопереводчики, чтоб мне не пришлось переводить вам, кому в какой котёл садиться.

— За такие шуточки, капитан, вы мне несколько раз дали по десять нарядов, — обиженно протянул Вася. — А сами...

— Я инструктирую, — пояснил командир корабля, — а ты натурально запугивал членов спасательной экспедиции.

Вначале пришельцев никто не заметил.

— Лихо пляшут, — сказал Вася. — К обеду аппетит нагуливают. А обед — вот он, сам пришёл и дожидается.

Эдуард Вачаганович мученически взглянул на неисправимого штурмана и сказал:

— Вот видишь, Василий, чем отличаются мои предупреждения от твоих легкомысленных шуток?

— Чем? — не понял штурман.

— Ты каркаешь, — ответил Эдуард Вачаганович. — И вполне можешь накаркать беду. Если это произойдёт, на корабле не появляйся. Не пушу.

В этот момент кто-то из туземцев заметил спасателей. Аборигены замерли на месте и притихли. Они во все глаза смотрели на странных пришельцев в облегающих серебристых комбинезонах, а те настороженно ожидали, как будет разворачиваться первый контакт с жителями Зелёной планеты.

Наконец вперёд вышел один из туземцев, похожий на вождя племени. Это был здоровенный толстопузый старик с узловатой палкой в руке, в коротком меховом плаще. Его одежду украшали разноцветные камни, тяжёлое ожерелье из когтей и клыков хищников и роскошная оторочка из ярких птичьих перьев.

На лысой, как арбуз, макушке сидела шапка из зелёного меха с оскаленной мордой какого-то зверя. Широкий приплюснутый нос туземца был сильно изуродован, нижняя губа разорвана, а один глаз прикрывала кожаная нащёпка.

Высокопоставленный туземец сделал несколько шагов вперёд, воздел руки к небу и громко произнёс:

— О всемогущий Гарма! Они пришли! Значит, праздник состоится! — После этих слов все жители деревни повалились на колени и припали лбами к земле.

— Что это они в пыль попадали? — тихо спросил Вася.

— Нас приветствуют, — шёпотом ответил командир корабля. — Видишь, головой о землю бьются? Язычники. Мы же для них посланцы неба, что-то вроде богов.

— Что ж... — Штурман повеселел. — Богом быть лучше, чем котлетой. Я согласен. — Он крикнул: — Здравствуйте, жители замечательной цветущей планеты! Вставайте, будем знакомиться.

Слова штурмана не произвели на аборигенов никакого впечатления, зато грозный вожак ударил себя в грудь кулаком и произнёс:

— Я, Вотамолас, вождь племени мармуков, приветствую вас от имени моего народа. Ещё две луны назад звёзды показали, что наше племя посетят три богоподобных существа. И это свершилось, слава всеильному Гарме! Сегодня ночью мне было знамение — по небу пролетела гигантская звезда.

ГЛАВА 12

Солнце поднялось уже высоко, и на открытой площадке это ощущалось особенно сильно. Стоять в лётных комбинезонах и без головных уборов было очень жарко, и Эдуард Вачаганович решил поскорее завершить официальную часть встречи. Он обратился к вождю:

— Спасибо, вождь, спасибо. А скажи-ка, к вам случайно не заходили другие такие же богоподобные пришельцы? Они жили у подножия большой горы. — Командир корабля показал, откуда они пришли, и продолжил: — Но их посёлок недавно засыпало камнями.

— Да, я знаю, о чём говорит богоподобный, — слащавым голосом ответил вождь. — Мне рассказывали об их деревне мои охотники, которые много раз бывали у священной горы Баррум. И я даже знаю, что на их жилище всесильный и справедливейший Гарма обрушил лавину камней. Если я правильно тебя понял, вы ищете этих богоподобных?

— Ты правильно меня понял, вождь, — ответил Эдуард Вачаганович. — Нам надо разыскать богоподобных, чтобы отвести их к всесильному Гарме. Он сам послал нас за ними.

— Удивительны деяния всемудрейшего Гармы, — задумчиво сказал Вотамолас. — Зачем было наказывать богоподобных лавиной камней, а потом посылать за ними гонцов?

— Чтобы вернуть их на небо, — нашёлся Эдуард Вачаганович.

— Мы сделаем всё, чтобы вам помочь, — почтительно склонив голову, пообещал Вотамолас и указал посохом на круглое каменное строение. — А сейчас не желают ли богоподобные пройти в святилище, чтобы принести всесильному Гарме жертвы?

— Случайно не кого-нибудь из нас? — забеспокоился Вася, но капитан ткнул его локтем в бок и ответил вождю:

— Да, вождь, мы с величайшим удовольствием примем участие в этом священном ритуале, но вначале хотели бы узнать, какую жертву вы приготовили всемогущему Гарме?

Вождь хлопнул в ладоши, и тут же из толпы выскочили несколько туземцев с деревянной клеткой, в которой сидели два испуганных зверька, похожих на лемурчиков.

— Нет! — возмутился штурман. — Так нельзя! Живые существа, да ещё такие симпатичные...

— Ты когда-нибудь замолчишь? — не на шутку рассердился Эдуард Вачаганович. — Если без моего разрешения ты скажешь ещё хотя бы слово, я сам принесу тебя в жертву Гарме.

— Я вижу, один из богоподобных недоволен жертвой, — сказал Вотамолас и крикнул в толпу: — Приведите сюда пленника!

— Только этого нам и не хватало, — пробормотал командир корабля. — Нет, вождь, мы довольны, но всемогущий Гарма поручил нам сказать, что человеческих жертв он больше никогда не примет. Поэтому мы просим отпустить всех ваших пленников, разумных и неразумных.

Толпа туземцев забеспокоилась, вождь удивлённо посмотрел на пришельцев и сказал:

— Ну, если этого желает всесильный Гарма, я повинуюсь.

— Гарма не только всемогущ, но и великодушен, — произнёс капитан. — Отныне он запрещает проливать на алтаре кровь.

В это время четверо аборигенов подтащили к вождю пленника, связанного по рукам и ногам. Бедняга был так напуган, что не мог стоять на ногах и сразу упал ничком на землю.

— Гарма дарует тебе жизнь, — объявил Вотамолас пленнику и легонько пнул его ногой. — Это значит, что ты не умрёшь на алтаре.

— Ну вот, вполне цивилизованное племя, — радостным шёпотом проговорил штурман.

А вождь продолжил, обращаясь к пленнику:

— Ты умрёшь на костре. Мы приготовим из тебя хороший обед и отпразднуем появление богоподобных.

— Может, усыпить вождя? — шёпотом спросил Николай у капитана.

Эдуард Вачаганович укоризненно посмотрел на механика.

— Неужели ты думаешь, вождь, — сказал капитан, — что добрейшему Гарме это понравится? Если даже Всесильный не желает принимать такие дары, то мы, его посланники, и подавно. Отпусти его с миром. Пусть идёт и сообщит своему племени

о том, что Гарма больше не принимает человеческих жертв. Но самое главное — он расскажет всем о твоём великодушии. Народ соседнего племени будет почитать тебя как великого вождя, равного самому Гарме.

Некоторое время вождь и всё население деревни находились в замешательстве. Затем Вотамолас взмахнул рукой и негромко отдал приказ двум туземцам. Те развязали пленника и поставили его на ноги.

— Иди,— сказал ему Эдуард Вачаганович.— Уходи, и поскорее.

Недоверчиво глядя на вождя и пришельцев, пленник растирал затёкшие от сыромятных ремней руки и не сходил с места.

— Да иди же! — прошипел Вася.— Пока они не передумали.

— Ступай.— Вождь несильно ударил пленника по спине, и тот, сорвавшись с места, побежал к реке.

— Я рад, вождь, что мы так быстро поняли друг друга,— улыбаясь, проговорил Эдуард Вачаганович.

— Да,— печально ответил вождь,— я тоже очень рад. Надеюсь, и всемогущий Гарма сегодня будет доволен жертвоприношениями.

— Конечно! — встрял в разговор Вася.— Мы здесь как-то обсуждали с Гармой, что съесть на обед. Оказалось, он очень любит фрукты, растущие у вас в лесу. Большие такие, синие. Очень вкусные.

— Да, да,— кивал Вотамолас.— Сегодня у всемогущего Гармы и моего племени будет славный обед из трёх богоподобных. Никогда ещё у нас не было такого обеда.

Спасатели увидели, что все проходы между домами перекрыты свирепыми воинами с пиками. Остальные начали окружать пришельцев, и вскоре кольцо замкнулось. Вооружённых туземцев было так много, что земляне поняли: выкрутиться будет очень сложно.

*Аборигены смотрели на странных пришельцев. Наконец
вперёд вышел один из туземцев, похожий на вождя племени.*

*— Я, Вотамолас, вождь племени мармуков, приветствую
вас от имени моего народа!*

Зверь развернулся к Цицерону, злобно зарычал и бросился на непрошенных гостей. Но к удивлению и хищника, и туземцев большой сверкающий пришелец не только не сдвинулся с места, но сам пошёл к зверю.

— Ну вот, а говорили, что каннибалов чувствуете за версту, — сказал Вася командиру корабля.

— М-да, — озадаченно проговорил капитан. — Кажется, серьёзно влипли. А у меня даже покурить нечего.

— Может, всё-таки попробовать выстрелить? — испуганно озираясь, спросил Николай.

— Пока не надо, — ответил Эдуард Вачаганович. — А то разозлим их, тогда уж точно навалятся всем племенем и съедят.

Ещё минуту назад жители деревни не вызывали у спасателей ничего, кроме любопытства, и казались им даже симпатичными и забавными. Сейчас земляне испытывали неподдельный страх при виде этой армии вооружённых дикарей. Вид у них был воинственный, глаза горели, а широкие ноздри раздувались.

— Отведите пока богоподобных в святилище, — распорядился Вотамолас. — И разведите большой костёр.

— Послушайте, господа аборигены, — возмутился штурман. — Неужели вы думаете, что Гарма послал к вам богоподобных, чтобы вы их слопали с кашей?

— Конечно, — ответил вождь. — По нашим обычаям любой мармук может выкупить жертву, предназначенную всеильному Гарме. Но тогда взамен он должен предложить самого себя. Вы попросили отпустить двух глупых куамов и одного пленника. Мы это сделали. Значит, в жертву будете принесены вы, а потом мы вас съедим.

— Но мы не знали об этом обычае! — воскликнул Николай, держа ружьё наготове. — К тому же мы не мармуки!

— Таков обычай, — злорадно проговорил вождь. — Ведите их. — Вотамолас взмахнул рукой, и туземцы набросились на землян.

По дороге к святилищу спасателей грубо толкали в спину, кололи пиками и щипали. Когда же добрались до каменного строения, два туземца открыли дверь из толстых, грубо отёсанных брусьев и втокнули их внутрь.

— Что они себе позволяют, дикари! — воскликнул штурман, после того как закрылись двери и спасатели оказались в кромешной темноте.

— Потому и позволяют, что дикари, Хамаль¹ им в глотку! — ответил Эдуард Вачаганович. — Ты-то в лесу птицу поймал, жарил, и мы её съели. И крупного зверя съели бы, если б пришлось.

— Так это же животные, — растерянно проговорил Вася. — Низшие, так сказать, существа.

— Это мы так думаем.

Командир корабля несколько раз крикнул в темноту:

— Ого! Эге! Угу! — И спросил: — Слышите, как здесь усиливается звук? А ты говоришь — дикари. А они уже в акустике² не хуже нашего разбираются.

На некоторое время в святилище воцарилось молчание. Постепенно спасатели привыкли к мраку, и Николай разглядел у противоположной стены два мерцающих огонька.

— Капитан, там что-то есть, — сообщил он.

Подойдя поближе, земляне увидели алтарь. Перед алтарём, на большой, как стол, каменной плите, стояли две площадки с горящими фитилями. Они-то и освещали страшное изображение Гармы. В глазницы божества были вставлены два огромных драгоценных камня, которые отражали слабый свет масляных светильников. На голове у Гармы были четыре витых рога, а в широком носу — тяжёлое металлическое кольцо.

— На мармуков похож, — заворожённо разглядывая Гарму, сказал Вася.

— Боги всегда похожи на тех, кто их придумывает, — ответил Эдуард Вачаганович.

— Это точно, Хамаль им в глотку, — подражая капитану, сказал Вася.

Эдуард Вачаганович удивлённо посмотрел на штурмана и спросил:

— А ты хотя бы знаешь, где находится эта звезда?

¹ Хама́ль — звезда в созвездии Овна.

² Аку́стика — наука о звуке, об условиях распространения звука.

— Читал, — уклончиво ответил Вася.

— Небось у Каплуна? — усмехнулся командир корабля. — Почему-то люди так легко схватывают всё плохое. Ругаться научиться — в момент, а спроси тебя, сколько форсунок у основного двигателя — не ответишь. Лучше бы придумал, как нам отсюда выбраться.

— А что здесь придумывать? — откликнулся Николай. — Когда эти людоеды откроют двери, я усыплю их. Главное — прорваться сквозь заслон и успеть добежать до леса.

— А они нам в спину копыя, — ответил Эдуард Вачаганович. — На всё племя у нас ампул не хватит.

— Может, прокопаем ход под стеной? — предложил штурман.

— Уже не успеем, — с сомнением проговорил капитан. — Да и увидят.

— И что, мы дадим себя съесть?!

— Ну зачем сразу съесть, — ответил Эдуард Вачаганович. — Безвыходных положений не бывает. Правда, бывают люди, которые не могут найти выход. Ещё мой учитель говорил: «Противник становится сговорчивей, только почувствовав твою силу».

— И что, мы будем мериться с ними силами на руках? — спросил Вася. — Или предложим побегать наперегонки?

— А ещё мой учитель говорил, что даже самая большая физическая сила не может тягаться с изобретательностью ума, — ответил капитан.

ГЛАВА 13

Провалившись одной ногой, другой Цицерон зацепился за край ямы, ударился лбом о землю на противоположном конце да так и застыл, перекинувшись мостом через круглую, как воронка, ловушку. Заострённый кол, который попал ему под гигантский

железный башмак, наполовину ушёл в землю и переломился словно спичка. Алёша же скатился с робота ещё до того, как тот грохнулся вниз. Он приземлился на траву, кувырнулся через голову и, не получив ни одной царапины, встал на ноги. И только Фуго, задремавший в железном шкафчике Цицерона, ощутил сильный удар.

— Ай! — завопил мимикр. — Что?! На нас напали?

— Всё нормально, — лёжа лицом вниз, пробасил робот. — Клянусь мигалкой, это не просто яма. Тут явно поработало разумное существо.

— Ты можешь встать, Цицерон? — спросил Алёша.

— Могу, — прогудел робот, однако даже не пошевелился, чтобы подняться.

— Тогда чего разлёгся? — распахнув дверцу, раздражённо спросил мимикр. Он вылез на спину Цицерону, подполз к краю и заглянул в яму. Внизу, из-под увядшей листвы, выглядывало остриё кола, и Фуго невольно поёжился.

— Вставай, Цицерончик, — попросил Алёша и попытался приподнять голову робота, но не сумел даже пошевелить его.

— Сейчас, — ответил Цицерон, продолжая лежать.

— Ты что, не видишь, он сломался, — сказал Фуго. Мимикр сильно нервничал, и этому была серьёзная причина. Без своего сильного спутника они с Алёшей сделались абсолютно беззащитными в этом первобытном лесу. — Может, ты опять отключился? — предположил Фуго.

— Он же разговаривает, — ответил за робота Алёша.

— Да, я разговариваю, значит, я существую, — пробубнил Цицерон. — Я не отключился. От удара я совсем позабыл, как надо вставать.

— Ну вот, — ещё больше испугался мимикр. — Теперь нам всем конец!..

— Не паникуй, Фуго, — перебил его Алёша.

— Я паникую?! — воскликнул мимикр. — Это я паникую?! Да я, может, целый год ухаживал за собственной бабушкой, когда

её разбил паралич! Поэтому очень хорошо знаю, что это такое!

— Цицерон — не бабушка, — ответил Алёша.

— Да, я не бабушка, — подтвердил робот. — Я Цицерон, грузовой робот...

— Да он сейчас хуже бабушки! — не унимался мимикр.

— Цицерончик, миленький, вставай, — взмолился Алёша. — Попробуй подняться. Это просто. Согни манипуляторы в локтях, обопрись на край ямы и вылезай.

— Я не сломался, — бормотал Цицерон. — Я просто забыл.

— Он просто забыл! — возмущённо закричал мимикр.

— Цицерон, ну вспоминай поскорее, — запричитал Алёша. — Мы же не можем сидеть здесь вечно.

— Ага, вспомнил, — к великой радости своих спутников вдруг сказал робот. — Корень квадратный из числа 123456789 будет число 1111,111.

— Чего-чего? — не понял Фуго. — Ты слышал, Алёша! Он уже говорит о каком-то квадратном корне. Я половину Галактики облетел и точно знаю, что корни не бывают квадратными! Они всегда круглые и длинные, как змеи! А ещё они бывают толстые и сладкие, но всё равно круглые! Ты понял, железное бревно?

— Алёша, он меня опять оскорбляет, — пожаловался Цицерон. — Пользуется тем, что я не могу встать.

— Фуго, я тебя очень прошу, — начал Алёша. — Я тебя умоляю, никогда больше не называй Цицерона железным бревном! Цицерон не бревно, он мой друг. И ты тоже. Ему сейчас гораздо хуже, чем нам.

— Возможно, — насупившись, сказал мимикр. — Только есть будут нас с тобой, а его не тронут.

— Алёша, — обратился к мальчику Цицерон. — Ударь меня чем-нибудь по голове.

— Ударить тебя по голове? — растерялся Алёша.

— Да, трахни по ней хорошенько. Помнишь, как я её починил, когда тимиуки попали в меня булыжником?

— Помню,— ответил Алёша. Он отошёл от ямы, поискал палку и нашёл толстую сухую ветку.

— Давай бей,— подбодрил его робот.

Алёша поднял ветку, но, подержав её над головой Цицерона, опустил.

— Не могу,— дрогнувшим голосом сказал он.— Я почему-то не могу ударить тебя, Цицерон.

— Это не то, что ты думаешь, Алёша,— проговорил робот.— Мне не будет больно.

— Всё равно не могу.— Алёша едва не расплакался от жалости к другу и собственного бессилия, а робот вдруг спросил:

— Ты когда-нибудь бил кулаком по телевизору, если он барахлил?

— Бил,— ответил Алёша.— Но ты же не телевизор.

— Алёша, для меня это обычное лечение,— сказал Цицерон.— Как если бы тебе сделали укол.

— «Не могу, не могу»!..— бормотал мимикр.— Не можешь, давай я стукну. Я парень простой, в народной медицине знаю толк. Если для поправки здоровья кому-то надо врезать, значит, надо врезать.

Алёша присел на корточки и три раза тихонько ударил робота по голове.

— Сильнее, Алёша,— попросил Цицерон.— Не бойся, всё будет нормально.

Алёша постучал посильнее. Сразу после этого правый манипулятор робота согнулся в локте, и пальцы-крюки легли на край ямы.

— Ещё разок,— попросил Цицерон.

Алёша стукнул три раза, робот повернул голову, и тут выяснилось, что один фотоэлемент у него не работает. Он погас и больше напоминал круглую чёрную дырку.

— Ну вот, лекарство подействовало,— обрадовался мимикр.— Давай-давай, Цицерончик, вылезай из этой колдобины. Такой большой и сильный, а валяешься в яме. Не хорошо.—

В голосе Фуго неожиданно появилась снисходительность и даже нежность, с какой обычно разговаривают с маленькими детьми.

Ещё некоторое время Цицерону понадобилось, чтобы выбраться на поверхность. Несмотря на размеры и огромную силу, вид у робота был жалким. Он весь перепачкался в земле, левый манипулятор безжизненно висел, один фотоэлемент погас, а другой едва мерцал под слоем грязи.

С полчаса Алёша с Фуго приводили робота в порядок. Они хорошенько очистили его, протёрли стекло фотоэлемента носовым платком, после чего робот снова обрёл зрение и бодрость духа.

— Полезай в свой шкафчик, Фуго,— сказал он.— Вернее, в мой шкафчик. Нам пора идти.

— Вот это другой разговор! — обрадовался мимикр.— А то разлёгся как свинкс с планеты Земля.

— Не свинкс, а сфинкс,— поправил его Алёша.

— Ну да, тот, который из книжки,— согласился Фуго и продолжил: — Сфинксу-то простительно, он эти огромные могилы охраняет, а тебе ещё надо нас живыми до корабля доставить. Так что ты, милый, не падай больше. Ты за наши жизни отвечаешь перед его папой и моей тётушкой.

Фуго занял своё место в шкафчике, поворчал по поводу гаечного ключа, а Цицерон помог Алёше забраться на плечо, и друзья продолжили свой путь. Но теперь робот в подозрительных местах вначале пробовал землю ногой и только потом наступал. И всё же Цицерон ещё раз попал в ловушку — в петлю. Дерево, к которому она была привязана, резко распрямилось, но поднять металлического гиганта — не вышло. Волосяная петля лишь затянулась на колене, и Цицерон остановился.

— Клянусь собственным выключателем, где-то поблизости живут туземцы,— сказал робот. Он легко разорвал плетёную верёвку и добавил: — Воды здесь нет. Пожалуй, нам надо возвращаться к той тропе и идти дальше искать капитана. Иначе мы зайдём так далеко, что трудно будет вернуться.

— А может, вначале зайдём к местным жителям и попросим у них воды и каких-нибудь фруктов? — спросил Алёша.

— Он правильно говорит, — подал голос из шкафчика Футо. — Нам срочно нужно подзаправиться...

Внезапно невдалеке послышался душераздирающий звериный рёв и вслед за ним — крики, очень похожие на человеческие. Цицерон сорвался с места и, не разбирая дороги, бросился на голоса. На ходу он кричал:

— Держитесь, братцы, к вам иду я, Цицерон, — гроза тимиуков!

Метров через триста робот с Алёшей выскочили из подлеска и очутились на опушке. Слева возвышались чёрные вертикальные скалы, возле которых, прижавшись спинами к камням, стояли двое туземцев, похожих на бритых обезьян. На них были короткие холщовые накидки, в руках они держали крепкие, суковатые дубины, которыми и отмахивались от жуткого, как ночной кошмар, хищника. Монстроподобный зверь имел сильные челюсти и гигантские клыки. Его серо-голубая шерсть стояла дыбом даже на хвосте.

Зверь держался на небольшом расстоянии от туземцев, не давая им убежать.

— Им надо помочь, — сказал Алёша. — Долго они так не продержатся.

— Всем не поможешь, — ворчливо заметил Футо. — Во Вселенной каждое мгновение погибает столько живых существ...

Зверь развернулся к Цицерону, злобно зарычал и бросился на непрощенных гостей. Но к удивлению и хищника, и туземцев большой сверкающий пришелец не только не сдвинулся с места, но сам пошёл к зверю. Поступь у незнакомца была тяжёлой, единственный зелёный глаз в тени под скалами светился, словно магический кристалл, и туземцы наконец поняли, кто перед ними.

— О великий Громовержец! — воскликнул один из аборигенов. — Я тебя узнал!

Робот загородил собой охотников. Алёша, сидевший на плече у Цицерона, повернулся и увидел, что они попадали на колени и закрыли головы руками.

— Не бойтесь, мы не дадим вас в обиду, — обратился он к туземцам.

Те с благоговением смотрели на Алёшу, а покрытый шрамами старый охотник забормотал:

— О оседлавший одноглазого Громовержца! О дарующий жизнь и укрощающий диких зверей!

Цицерон в это время пытался разобраться со зверем. Он медленно наступал на него, и хищник наконец, ворча, поплёлся в джунгли.

После того как опасность миновала, дверь шкафчика открылась и оттуда выглянул Фуго.

— О сидящий внутри Громовержца, — увидев Фуго, заговорил второй туземец. — О направляющий железную руку! Я, охотник по имени Тумбук, приветствую тебя!

— Фуго, — прогремел Цицерон, и от его металлического голоса охотники вздрогнули, — закрой дверцу и не морочь местным жителям головы.

— Алёша, — заговорил мимикр так, чтобы охотники его не слышали. — Объясни ты Цицерону, нам же выгодно, если нас будут принимать за богов. И еды дадут, и попить, а главное — дорогу покажут. Ну что здесь такого? А так ведь они нас и обидеть могут. Дикари — они же как дети.

Вдвоём Алёша с Фуго убедили Цицерона не раскрывать своего обыкновенного, небожественного происхождения, но договорились и не переигрывать.

— О Оседлавший, Всесильный и Направляющий! — почтительно склонив голову, предложил Тумбук. — Мы отведём вас в нашу деревню и там устроим праздник в честь трёх величайших богов.

Туземцы побежали вдоль скальной гряды. Цицерон без труда поспевал за ними, а Фуго, исполнившись собственного величия, сидел на плече робота и рассуждал:

— Если судьбе угодно сделать тебя богом, не противься. Судьбе лучше знать, кто ты и какое место должен занимать в жизни.

— Влипнем мы с этим враньём в плохую историю, — вяло сопротивлялся Алёша. Он не прочь был посмотреть, как живут туземцы, ему нравилось уважение, которое им оказывают, но как надо вести себя в подобной ситуации, он не знал.

— Ладно, — проговорил Цицерон. — Мы только на одну ночь. Утром пойдём дальше. Главное — чтобы за ночь они не стали атеистами и не прогнали нас палками и булыжниками.

Охотники остановились. Впереди, на большом живописном лугу, закрытом скалами с одной стороны и лесом — с другой, расположилось селение. Несколько десятков хижин из веток и тростника стояли полукругом возле абсолютно круглого озера. На самом берегу озера возвышалась квадратная каменная башня с плоской крышей, на которой была установлена тёсаная плита для жертвоприношений. По обеим сторонам от башни виднелись огороды, и эти аккуратные грядки как-то сразу расположили пришельцев к аборигенам.

Вокруг хижин паслось десятка два здоровенных толстых животных, укрытых каким-то тряпьем, а на площади перед домами горело несколько костров. Ветер доносил до Алёши с Фуго вкусный запах печёных овощей, и оба путешественника почувствовали, как они голодны.

— Это племя ваддаков. Наше племя, — сказал старый охотник. Он сложил ладони рупором и издал громкий протяжный крик, извещавший соплеменников о прибытии важных гостей.

В деревне поднялся переполох. Туземцы забежали по площади, посредине запылал огромный костёр, а навстречу маленькой процессии вышел вождь племени в сопровождении свиты. Вдоль

дороги выстроились вооружённые воины. Они переминались с ноги на ногу, с любопытством и страхом всматривались в пришельцев и держали оружие наготове.

— Солдаты? Это для чего? — обеспокоенно спросил Фуго, увидев такое множество свирепых воинов в боевой раскраске.

— Вас встречает сам вождь — Воселаз, о Направляющий Громовержца, — охотно объяснил туземец.

Оба охотника подали знак своим собратьям, что всё спокойно, и начали спускаться вниз.

— Может, мы здесь подождём? — Фуго заёрзал на плече робота. — А ты, Цицерон, сходишь один и принесёшь нам поесть и попить.

— Назвался богом, теперь сиди, — ответил робот. — Видишь, как нас встречают?

— Вижу... — Фуго спустился в шкафчик и, прежде чем закрыть дверцу, проговорил: — Умоляю тебя, Цицерон, ни в коем случае не доверяйся этим дикарям. Я много повидал их на разных планетах и знаю, вначале они принимают тебя как родного: кормят, поят, укладывают спать, а потом ты просыпаешься от того, что тебя поливают соусом и посыпают специями. Очень тебя прошу, будь осторожен.

— Буду, — пообещал робот.

Экспедиция вошла в деревню в сопровождении почётного эскорта. Впереди выступал вождь племени ваддаков — Воселаз. Он с нескрываемым восторгом смотрел на железного гиганта и его спутников:

— Сам Громовержец! Да ещё Оседлавший и Направляющий! Вам будет у нас хорошо!

— Посмотрим, — скептически отозвался из шкафчика Фуго.

При появлении гостей всё население деревни высыпало на площадь. Туземцы держались на почтительном расстоянии, голые ребятишки со страхом выглядывали из-за родителей.

Пришельцев сразу провели к костру, вокруг которого уже собрались старейшины племени — самые опытные охотники и воины со следами клыков, когтей и шрамами от ран на обнажённых телах. Кожа одного из старейшин имела столько шрамов, что казалось, будто все жители деревни ножами отмечали на нём прожитые дни.

Гостей усадили на почётном месте. Им устроили ложе из роскошных шкур, и, только после того как они уселись, а старейшины опустились на свои места, вождь поднял руку, чтобы уговорить соплеменников. И тотчас жители деревни замолчали.

— Ваддаки,— начал вождь,— всемилостивейший Гарма услышал наши молитвы и послал нам на помощь своих самых могущественных подданных — великого Громовержца, Оседлавшего и Направляющего.

Туземцы все разом подняли лица к небу и нестройным хором поблагодарили верховного бога.

— Я бы хотел поправить уважаемого вождя,— неожиданно сказал мимикр.— Всемилостивейший Гарма, конечно, послал нас, но в другом порядке: вначале Направляющий, потом Оседлавший и в самом конце — Громовержец. Вы же понимаете, Громовержец, так сказать, помогает мне, когда нужно молнию метнуть или громом бабахнуть.

Алёша возмущённо посмотрел на Фуго, начал делать ему какие-то знаки, а вождь виновато проговорил:

— О великий Направляющий, я не хотел обидеть тебя.

— Ничего, ничего, я понимаю,— высокомерно ответил мимикр.— Он такой здоровый, а я маленький. Но у нас там, на небе, размеры не играют никакой роли.

Цицерон с Алёшей чуть не лишились дара речи, но туземцы с таким восторженным вниманием слушали мимикра, что они не решились тут же уличить его во лжи. А Фуго совсем зарвался.

— Я вообще мог бы обойтись без этого Громовержца,— продолжал он.— Хотите, спалю здесь молнией всё дотла? —

спросил он, прекрасно понимая, что туземцы ни за что на это не согласятся.

— О всемогущий Направляющий! — испугался Воселаз, и все жители деревни горячо поддержали его. — Пожалей бедных ваддаков! Не надо сжигать наши жилища!

— Да не буду, — снисходительно успокоил туземцев Фуго. — Это я так. Кстати, Тумбук что-то говорил об ужине и ночлеге. Что там у нас сегодня на ужин?

— Э... — начал вождь. — А какая вам нужна пища? Что, о Великий, едят у вас на небе?

— Самое разное, — оживился мимикр. — Можно вермишель с тёртым сыром и кетчупом. Очень люблю молочную рисовую кашу с изюмом, блинчики с вареньем. Картошку... только без селёдки.

— Что ты несёшь, Фуго? — тихо сказал ему Алёша.

— Прости, о Направляющий, — растерянно проговорил Воселаз. — Из всего, что ты перечислил, я знаю только молоко.

— Да, да, да, — вмешался в разговор Алёша. — Молоко нам подходит. А ещё мы едим фрукты и овощи.

Вождь расплылся в улыбке. Он хлопнул в ладоши, и к костру вытянулась целая очередь женщин с широкими листьями вместо подносов, на которых лежали свежие и печёные овощи, фрукты и ещё какие-то аппетитные на вид блюда явно растительного происхождения.

ГЛАВА 15

Едва отворились двери и вождь племени мармуков произнёс первое слово, как Николай поднял ружьё и угрожающе крикнул:

— Не подходите, буду стрелять!

Не понимая, что имеет в виду богоподобный, Вотамолас сделал шаг вперёд, и тут Николай нажал на курок.

Всё произошло так быстро, что Эдуард Вачаганович не успел помешать механику. Он лишь махнул рукой, тихонько выругался и раздражённо сказал Николаю:

— Вот и ты десять нарядов заработал. Куда ты торопишься?!

— Живым я им не дамся, — взволнованно сказал Николай. — Я не хочу, чтобы меня съели.

— Понятно, — печально проговорил командир корабля.

Буквально через две секунды снотворное подействовало. Вождь мармуков успел только вскрикнуть, повалился на землю и замер. Его воины испуганно отпрянули назад. И тут же в деревне началась паника. Родители загоняли детей в дома, мужчины взяли оружие наизготовку, окружили храм двойным кольцом и принялись выкрикивать какие-то заклинания. Они подбадривали себя криками, но всё же не решались напасть на пришельцев, тем более что те находились в храме, а значит, были под защитой самого Гармы.

— Итак, он проспит полчаса, — сказал Эдуард Вачаганович. — За это время мы должны умудриться не погибнуть. Остальное я беру на себя. Если повезёт, мы сумеем договориться с туземцами. — Командир корабля забрал у Николая ружьё, обойму с ампулами и добавил: — Тебе нельзя ходить с оружием. Палец у тебя срабатывает гораздо быстрее, чем мозги.

— Простите, — виновато проговорил Николай.

— Ничего, когда ты будешь драить шваброй корабль, у тебя будет много времени подумать, потренировать волю. — Эдуард Вачаганович посмотрел на часы. — Вождь проснётся через двадцать пять минут. А пока мне надо занять племя разговором. Надеюсь, я не ошибся насчёт акустики, и они услышат меня.

— Капитан, может, сказать им, что следом за нами сюда идёт целая армия богоподобных? — предложил Вася.

— Не стоит. Они хотя и дикие на вид, но в военных хитростях разбираются получше нас. Небось воюют всё время. Уж чего-чего, а запугивать друг друга дикари умеют.

Эдуард Вачаганович вышел на середину святилища и громко произнёс:

— Мармуки! Ваш вождь умер, потому что посмел поднять руку на богоподобных.

В ответ на эти слова с улицы донеслись вопли и причитания. Женщины и дети от страха зарыдали, а мужчины ещё громче принялись выкрикивать угрозы.

— Мы пришли сюда с миром, и всякий, кто пойдёт с оружием на посланников богов, будет наказан, — сказал командир корабля.

— Капитан, на всякий случай скажите им, что мы несъедобны, — прошептал штурман.

— Отстань, Вася, — отмахнулся от него Эдуард Вачаганович. — Вы с Николаем уже своё дело сделали.

— Мармуки! — продолжил командир корабля. — Я могу оживить вашего вождя, и он снова будет править племенем. Но для этого вы должны сложить оружие. Если вы этого не сделаете, всё ваше племя уйдёт за Вотамоласом в иной мир, и вы предстанете перед судом великого Гармы.

Прошло несколько минут, прежде чем мармуки решились начать переговоры. В дверь испуганно заглянули два туземца, и командир корабля сказал:

— Заходите, мы вас не тронем. Только оружие оставьте там, на земле.

— Ты правда можешь оживить вождя? — недоверчиво спросил туземец с копьём в одной руке и дубиной — в другой.

— Правда. Только не тяните резину, давайте договариваться, а то мы можем передумать, — ответил капитан. Он посмотрел на часы. До пробуждения вождя оставалось чуть менее пятнадцати минут.

— Богоподобный, — сказал грозный туземец. — Мы согласны заключить с вами мир. Оживляй Вотамоласа.

— Ну вот и договорились, — сказал капитан очень спокойно. — Теперь отнесите своего вождя на крышу святилища

и положите на жертвенный камень. Я там буду его оживлять. А вы сложите оружие и отойдите к костру.

Через несколько минут туземцы сделали всё так, как приказал командир корабля, и спасатели вышли из тёмного святилища. По обеим сторонам от них торчали колья с черепами. Только сейчас земляне смогли разглядеть, что черепа принадлежат таким же туземцам.

Посреди площади возвышалась гора оружия, а все жители деревни стояли в сотне метров от храма и напряжённо ожидали, что будет дальше.

— Тихо, без суеты, поднимаемся наверх, — скомандовал Эдуард Вачаганович. — Когда я начну оживление, вы с ангельскими лицами будете смотреть в небо и шевелить губами. Всё ясно?

— Обижаете, капитан, — ответил Вася.

Когда спасатели поднялись на крышу святилища, до пробуждения вождя оставалось всего три минуты. Он уже начал нормально дышать, но туземцам издали не было видно, как вздымается и опускается его грудь.

Эдуард Вачаганович встал у камня лицом к собравшимся, а Вася с Николаем заняли свои места по бокам. Стоять на крыше святилища было жутко и противно: жертвенный камень источал тошнотворный запах крови.

— А что мы будем делать, когда он проснётся? — тихо проговорил механик. — Вдруг он бросится на нас.

— О великий Гарма! — вдруг крикнул командир корабля, глядя в небо. — Прости этого достойного воина и непревзойдённого охотника! — Капитан показал обеими руками на Вотамоласа. — Как всякий смертный, он заблуждался, но ты послал нас наставить мармуков на путь истинный. Не оставляй этих несмышлёных детей без вождя! Верни Вотамоласу жизнь, и мармуки больше никогда не посмеют поднять руку на твоих посланников!

— Я вообще мог бы обойтись без этого Громовержца,— продолжал Фуго.— Хотите, спалю здесь молнией всё дотла? — спросил он, понимая, что туземцы на это не согласятся. Цицерон с Алёшей чуть не лишились дара речи.

Прямо за спасателями оказалось огромное дерево, на котором вполне могло бы разместиться пятьдесят человек.

Когда звери добрались до оставленных рюкзаков, от вещей в считанные секунды остались одни воспоминания.

Капитан обратился к жителям деревни:

— Обещайте скорее великому Гарме, что вы больше не будете приносить человеческие жертвы!

Вотамолас зашевелился и осторожно открыл один глаз. В тот же миг всё племя нестройным хором дало клятву, которую потребовал от них капитан.

Заметив, что вождь проснулся, Эдуард Вачаганович быстро заговорил специально для него:

— О всесильный Гарма, спасибо тебе, что услышал мою скромную просьбу и снова даровал жизнь этому достойнейшему из правителей!

— Погоди немного, не вставай, Вотамолас, — тихо сказал Вася. — Мы здесь с Гармой решаем, жить тебе или не жить.

Вождь увидел, что лежит на ритуальном камне. Здесь приняли смерть столько пленников — даже деревенский мудрец давно сбился со счёта.

Испугавшись, Вотамолас вскочил на ноги, и тут же все жители деревни во весь голос завопили:

— Он ожил! Наш вождь ожил! Слава великодушнейшему Гарме!

— Ну вот, — обратился командир корабля к вождю. — Великий Гарма даровал тебе жизнь, но в обмен на обещание твоего племени больше не убивать людей. Я очень советую тебе, вождь, пообещать то же самое. Иначе ты опять умрёшь. На этот раз — навсегда.

Соскочив с плиты, Вотамолас прислушался к тому, что кричат его соплеменники, и даже расстроился. Туземцы подпрыгивали на месте, размахивали руками и повторяли: «Мармуки не будут есть людей! Мармуки подчинятся посланникам великого Гармы!»

— Что же ты, Вотамолас? — сказал капитан. — Расскажи им, как ты побывал на том свете и больше не хочешь такого испытания.

Вождь наконец согласился. Он подошёл к краю площадки и поднял руку. Жители деревни сразу умолкли. Тишина образовалась такая, что было слышно, как в реке журчит вода.

— Богоподобные — наши гости! — крикнул Вотамолас. — Если кто поднимет оружие против посланцев великого Гармы, я лично расправлюсь с ним.

— Молодец, — одобрил Эдуард Вачаганович. — Теперь скажи, что человеческие жертвоприношения отменяются навеки.

Вождь опустил голову, очевидно взвешивая слова капитана, и затем спросил:

— Если я пообещаю, вы уйдёте из деревни?

— Конечно, уйдём. Неужели ты подумал, что мы решили отобрать у тебя власть и поселиться в твоей деревне? Правда, если позволишь, мы переночуем. Один раз. Ночь на носу.

— Можете остаться здесь хоть на два дня. На всё время празднования моего воскрешения, — повеселев, ответил Вотамолас. Он снова повернулся к соплеменникам и крикнул: — Я пообещал великому Гарме и богоподобным больше никогда не проливать кровь на алтаре нашего святилища.

— Не финти, вождь, — сказал Вася. — Не только на алтаре, но и вообще. А то я вас знаю, придумаете какое-нибудь другое место.

— Ещё пять нарядов, — тихо проговорил капитан, так, чтобы не слышал Вотамолас. — Он же вождь. Так что говори с ним повежливее. И чему вас только учат в этих лётных училищах?

Торжество по случаю воскрешения вождя началось сразу. Жители деревни разбежались по домам и вскоре появились вновь в праздничных нарядах. Мужчины обвешались ожерельями из клыков и когтей хищных животных.

Женщины украсили себя гирляндами тропических цветов, яркими птичьими перьями и бусами из разноцветных камней. А дети разрисовали друг друга красной глиной, отчего сделались похожими на терракотовых божков с алтаря Гармы.

Затем одни начали готовить праздничный ужин, другие подносили хворост, третьи ушли доить тех самых огромных животных, которых спасатели видели у реки.

Эдуард Вачаганович предложил вождю прогуляться до ужина по берегу реки — поговорить.

— Я хотел бы вернуться к разговору о тех богоподобных, которые жили у священной горы Баррум. Мне показалось, что ты что-то знаешь о них.

— Да, я кое-что знаю о них, — согласился Вотамолас. Он ласково погладил себя по большому животу и задумчиво посмотрел на заходящее солнце. У Эдуарда Вачагановича от хорошего предчувствия похолодело в груди.

ГЛАВА 16

Исчезновение с корабля двух пассажиров и грузового робота обнаружили только на следующий день утром. Остатки команды, как обычно, собрались за завтраком. Павел Васильевич мрачно ковырялся вилкой в тарелке, ни на кого не смотрел и лишь иногда стрелял глазами в сторону радиста.

— Ну что там новенького? — наконец спросил он.

— Всё то же, — ответил Афанасий. — Спецкоманда ещё не вернулась.

— А что хорошего в мире происходит? — спросил повар, ставя посреди стола блюдо с дымящейся жареной рыбой.

— В мире всё в полном порядке, — ответил радист. — А вот новость: в озере Лох-Несс появилось наконец чудовище.

— Поймали? — удивился главный механик, которого все почему-то звали по фамилии — Васич.

— Нет, привезли парочку экземпляров с Угеры и выпустили.

— Ну и дела, — сказал повар. — Навезли на Землю всякого. Так глядишь, скоро по паркам начнут снежные люди бегать.

Павел Васильевич положил себе рыбы и, ни к кому не обращаясь, спросил:

— А что, этого — железного — отключили, что ли?

— А действительно, что-то нашего оратора не видно, — сказал радист.

— Слава Богу, — проворчал Михаил. — А то шляется по кораблю как статуя Командора, того и гляди, на ногу наступит своей железной пятой.

— А где мальчишка? — спросил Павел Васильевич и посмотрел на тётушку Фуго. — И вашего племянника нет.

Даринда, которая всё это время сидела тише воды ниже травы, вдруг расплакалась, уронила под стол вилку и едва не упала туда сама. Афанасий попытался было её успокоить, а помощник капитана, заподозрив неладное, грозно спросил:

— Так где же они?

— Ушли... спасать... — всхлипывая, ответила Даринда.

— Кого? — не понял Павел Васильевич.

— Капитана корабля и... двух молодых людей, которые уехали спасать... Вы меня не выбросите в открытый космос за то, что я молчала?

— Какой космос? — остолбенел помощник капитана.

— Открытый, — чуть дыша, ответила тётушка Фуго.

— Не морочьте мне голову! Когда и куда они ушли? — не веря своим ушам, переспросил Павел Васильевич и обратился к повару: — Пойди в каюту к мальчишке, проверь. Я что-то ничего не понимаю.

— А что здесь понимать, — махнул рукой Михаил.

— Фуго сказал, что они поедут на маленьком вездеходе, — проговорила Даринда. — С ними пошёл Цицерон.

— О боги, японские и мексиканские! — обхватив голову руками, воскликнул помощник капитана. — Только этого нам сейчас и не хватало! Этот сопляк всё-таки удрал спасать капитана! Что теперь будет!

Пока Павел Васильевич выпрашивал подробности у тётушки Фуго, радист убежал в рубку и связался с планетой Анибур. Он потребовал срочно прислать отряд спасателей, но ему ответили, что спецгруппа вернётся с задания не раньше завтрашнего дня, и только после этого она сможет прибыть на Зелёную планету.

— Почему же вы молчали?! — кричал помощник капитана. — Ведь они могут погибнуть! Там же и ваш племянник!

— Фуго запретил мне говорить, — снова расплакалась Даринда.

— Что значит запретил?! — бушевал Павел Васильевич. — Вы тётка или не тётка?! Сняли бы с него штаны и выдрали хорошенько!

— У него нет штанов, — жалобно ответила Даринда. — Мимикры не носят одежды.

— Да? — смутился помощник капитана и продолжил: — Вот видите, с него даже штаны не надо снимать! Надавали бы ему по заднице!

— У него нет этой... как вы сказали... — едва слышно проговорила Даринда.

— Ну дали бы подзатыльник, — перебил её помощник капитана, но тут же спохватился: — Ну да, у него же и затылка нет. Какая же вы после этого тётка, если ваш племянник преспокойно высаживается на незнакомой планете, а вы даже ухом не ведёте.

— У меня нет уха, — печально заметила Даринда.

Павел Васильевич ошалело посмотрел на тётушку Фуго и вдруг взорвался:

— Надо было прийти ко мне и обо всём рассказать. Я бы нашёл у вашего племянника и задницу, и затылок, и ухо! А теперь неизвестно, вернутся эти горе-путешественники или в джунглях их сожрут звери! А то и ещё хуже: попадут в зыбучие пески и поминай как звали.

— Павел Васильевич,— обратился к нему вернувшийся Афанасий,— спецгруппа появится не раньше завтрашнего дня. Значит, здесь они будут только послезавтра.

— Послезавтра! — вскричал помощник капитана.— А до послезавтра мы будем сидеть и гадать: живы они или нет?

— С ними железный человек,— робко вставила Даринда.

— Ну и что?! — рявкнул Павел Васильевич.— Этот говорящий подъёмный механизм отправлен в утиль. Он ведь даже не помнит, как его зовут!

— Ждать нельзя,— наконец сказал Павел Васильевич, морщась, словно от зубной боли.— Надо идти их искать. Кто пойдёт со мной?

— Я пойду,— отозвался главный механик.

— Да и я, пожалуй, пригожусь,— вопросительно посмотрев на помощника капитана, сказал повар.

— Это что же, вы без оружия пойдёте? — спросил радист.

— Возьмём всё, чем можно отпугнуть зверя,— ответил Павел Васильевич.— Дымовые шашки, ракетницу, ружьё с усыпляющими ампулами.

— У меня есть касторка,— сказал Михаил.— Если её подлить зверю в миску, он дня три не сможет ни к кому подойти, будет отсиживаться в кустах.

— Ты думаешь, в джунглях звери едят из мисок? — спросил помощник капитана, и повар смущённо развёл руками.— В общем, так, радист остаётся на корабле, остальным надеть комбинезоны и быть готовыми к выходу. Взять с собой всё, чем можно обороняться, запас продуктов, воду, топоры, лопаты, пилы, молотки, гвозди, верёвки, палатки и спальные мешки.

— С таким грузом мы их не догоним,— проговорил главный механик Васич.

— Не забудьте рацию, посуду, медикаменты, противомосkitные сетки, запасную обувь...

— И бадминтонные ракетки,— пошутил повар.

— Детей спасти надо, а он шутить вздумал, — возмутился Павел Васильевич. — Обязательно возьмите приборы ночного видения, фонари, зажигалки, компасы и одно пустое ведро.

Сборы проходили в страшной суматохе, а когда все вещи были уложены в рюкзаки и прицеплены к поясам, помощник капитана обратился ко всем с речью. Он посмотрел на Даринду, которая вышла провожать спасателей, и пообещал:

— Мы сделаем всё возможное, и если этих... героев ещё не съели, мы обязательно их найдём. Если съели, это будет сделать труднее.

После такого обещания тётушка Фуго снова разрыдалась, и Афанасий принялся её успокаивать:

— Павел Васильевич погорячился. Они же поехали на вездеходе. Съесть их невозможно. Разве что на планете найдётся такое животное, которое проглотит вездеход целиком.

Радист и Даринда пожелали спасателям удачи, и те, сгибаясь под тяжестью рюкзаков, покинули корабль через грузовой люк.

Павел Васильевич повёл свой отряд по проделанной вездеходами дороге к бывшей научной станции. Первый километр спасатели одолели легко, но потом на пути стали часто попадаться россыпи камней. Васич всё время спотыкался и падал, но молчал. Повар же аккуратно обходил преграды и всю дорогу тихонько ругал Павла Васильевича за то, что тот приказал взять с собой столько вещей.

Вдруг до спасателей донёсся какой-то шум, напоминающий многоголосое рычанье. Павел Васильевич приказал всем остановиться и приготовить оружие. Васич с поваром сделали это с удовольствием. Они сбросили рюкзаки, один достал ракетницу, а другой ружьё. Сделали они это вовремя, потому что в следующий момент из подлеска выскочило несколько хищников, напоминающих гиен, но значительно крупнее этих африканских падалыщиков.

— Отходим к деревьям, — быстро приказал помощник капитана. — Если они подойдут ближе, чем на десять шагов, стреляем все сразу. Их слишком много.

— Всё, нам конец, — мрачно сказал Васич. — Здесь даже с пулемётом не отбиться.

— Лезем на дерево, — отступая назад, командовал Павел Васильевич.

Спасателям повезло. Прямо за ними оказалось огромное раскидистое дерево, на котором вполне могло бы разместиться пятьдесят человек.

Когда звери добрались до оставленных рюкзаков, спасателям представилась возможность увидеть этих местных гиен в деле. От вещей в считанные секунды остались одни воспоминания. В воздух летели клочки пластиковых пакетов и обломки оборудования. Всё, что можно было съесть, хищники сожрали. Расправившись с вещами, хищники покружили рядом и, ничего не найдя, вновь обратили внимание на людей.

Спасатели расселись по веткам, словно гигантские лесные птицы, свесили вниз ноги, и Павел Васильевич возмущённо проговорил:

— И какого чёрта они тут делают? Им что, в лесу еды мало?

— Небось надоело жрать одно и то же. А здесь три инопланетянина сами пожаловали. Хорошо хоть, они по деревьям не лазают.

— А если сейчас прилетит стая каких-нибудь птеродактилей? — спросил Васич.

— Натравим одних на других, — ответил повар. — Усыплять их бесполезно. У меня только одна обойма ампул — пятьдесят штук, а здесь их больше сотни. Так что будем ждать, когда им надоест сидеть под деревом.

— Чего ждать?! — Помощник капитана сорвался на крик. — Их надо отпугнуть дымовыми шашками!

— Шашки остались в рюкзаке, — сказал Васич. — А рюкзаки они сожрали.

— Та-а-ак! — протянул Павел Васильевич. — Самое главное наше оружие бросили на съедение этим животным! Пугни их ракетой, растяпа!

— А это пожалуйста.— Васич не целясь выстрелил вниз. Отдачей главного механика едва не сбросило с дерева. Ракета ни в кого не попала, но грохот был такой, что хищники с воем бросились врассыпную. Они отбежали от дерева метров на двадцать, долго наблюдали, как из земли бьёт красный светящийся фонтанчик, а когда ракета погасла, начали снова окружать дерево.

— Ещё пальнуть? — спросил Васич.

— А сколько осталось ракет? — поинтересовался Павел Васильевич.

— Четыре штуки,— ответил главный механик.

— Нет, нет, не надо! — испугался помощник капитана.— Побереги. Мало ли что, может, придётся подавать сигнал спецгруппе.

— Вы думаете, эти звери просидят здесь до послезавтра? — изумился повар.

— Господи, вы же оставили воду и продукты этим поганым падальщикам! Лучше бы я пошёл один.

— Один вы не влезли бы на дерево, Павел Василич, и они бы вас съели,— заметил повар.— А если бы влезли, одному скучно было бы сидеть на ветке. А сейчас мы, как стайка волнистых попугайчиков, можем перечирикиваться. Всё веселее.

— Замолчи,— прикрикнул на повара Павел Васильевич.— Всем молчать и думать, что делать дальше.

ГЛАВА 17

Вечер выдался удивительно тёплым и тихим. Всё население деревни ваддаков разместилось вокруг нескольких костров, а посредине собрались старейшины племени, самые храбрые охотники и божественные гости. Уже началась пляска под тростниковые дудки и барабаны. Хозяева всю потчевали именитых гостей.

Довольно быстро Алёша почувствовал, что у него слипаются глаза. Фуго же сидел на роскошном ложе из шкур, лениво посасывал из кувшина сладкое молоко и иногда капризно говорил какому-нибудь туземцу, стоящему у него за спиной:

— Эй, дружок, подай-ка мне вон ту штуковину. Хороший фрукт. Надо будет взять несколько косточек с собой. Посажу у нас на небе, в райском саду. Пусть растёт.

В трапезе не принимал участия только Цицерон. Он сидел рядом с вождём Воселазом, возвышаясь над ним, как скала. В темноте, среди голых туземцев, в оранжевых отблесках пламени робот действительно напоминал какого-то жестокого языческого бога. И только Фуго смотрел на Цицерона без священного трепета и страха. Ваддаки видели это и все как один старались услужить могущественному Направляющему, который вышел из Громовержца и управлял этой чудовищной машиной.

— Мы разыскиваем трёх посланцев неба, — сказал Цицерон вождю. — Они выехали на железной колеснице за учёными посланцами, но их колесница утонула в песке.

— Божественная колесница утонула в обыкновенном песке? — поразился Воселаз.

И тогда, испугавшись, что их могут принять за обычных инопланетян, робот начал врать:

— Это был не обычный песок. Злая богиня Фреза превратила большую песчаную поляну в ловушку для небесной колесницы.

— Я знаю эту песчаную поляну, — сказал Воселаз. — У нас её называют Прожорливая Земля. Но сколько я помню, она всегда была такой.

— Нет, не всегда, — возразил Цицерон. — Просто когда мы прилетели сюда, Прожорливая Земля проглотила небесную колесницу, и нам пришлось добираться до вас пешком.

— Так вашу колесницу она тоже проглотила? — удивился вождь.

— Да, и нашу тоже, — ответил Цицерон.

— Так вот почему наши охотники иногда не возвращаются в деревню, — задумчиво сказал вождь. — Я смотрю, ты ничего не ешь, Громовержец, — сказал Воселаз. — Может, тебе не нравится наше угощение?

— Нравится, вождь, — ответил Цицерон. — Но я питаюсь совсем другим. У вас нет пищи, пригодной для меня.

— Тогда, может, ты любишь оружие? — поинтересовался вождь, желая хоть чем-то угодить всемогущему пришельцу.

— Я не нуждаюсь в оружии, — ответил робот. — Я и без оружия могу за пять минут превратить вашу деревню в кучу мусора. Но я этого делать не буду, — поспешил успокоить вождя Цицерон.

— Слава всесильному Гарме, — пробормотал Воселаз, подняв вверх раскрытые ладони. — А не мог бы ты помочь нам, Громовержец, усмирить соседнее племя мармуков? Это очень кровожадное племя, хотя мы и поклоняемся одному богу — всесильному Гарме. Они всё время совершают на нас набеги, уводят ваддаков в плен и приносят моих соплеменников в жертву.

— Они убивают ваддаков? — возмутился Цицерон.

— Не только убивают, но и съедают, — вздохнул вождь.

— Как же так, у вас же один бог? — не веря своим ушам, поразился робот.

— Да один, но они его считают кровожадным, а мы нет, — печально сказал Воселаз. — Когда-то давно мы были одним племенем, и нами правил великий вождь Абазил. Он был смелым, искусным охотником и справедливым правителем. Жена Ятак родила вождю двух сыновей — Мармука и Ваддака. Мармук был сильным и свирепым, словно дикий зверь. Его боялись даже в детстве, когда он только учился держать в руке копье. Зато Ваддак оказался умным и добрым. Он всегда пытался сдерживать непомерную ярость брата и очень многих спас от смерти или побоев.

Когда Абазил понял, что жить ему осталось немного, он позвал к себе сыновей и сказал им: «Я хочу, чтобы после

меня племенем правил самый достойный из моих сыновей. Поэтому я хочу испытать вас. Кто победит, тот и станет вождём племени».

Вышло так, что никто из братьев не победил.

И тогда великий вождь Абазил рассудил так: «Вы оба хорошо постарались и прошли все испытания. Поэтому и править племенем вы будете вдвоём. Один из вас будет разумом племени, другой — его силой».

Через некоторое время вождь умер, и сразу после торжественных похорон Мармук сказал Ваддаку: «Я не хочу делить с тобой власть. Сила у меня есть, а без твоего ума я спокойно проживу».

«Ты хочешь нарушить приказ отца?» — удивился Ваддак.

«Отца больше нет,— ответил Мармук.— Зато есть я — самый сильный человек племени. И если понадобится, я уберу любого, кто встанет у меня на пути».

«Собирай племя,— потребовал Ваддак,— и пусть скажут люди».

Когда Мармук объявил собравшимся, чего он хочет, большая половина племени перешла к нему. Но часть людей потом вернулась к Ваддаку. Ушли к Мармуку самые свирепые и сильные охотники, а также те, кто от них зависел. К Ваддаку в результате перешли все остальные, в том числе старейшины и те, кто разум ставил выше силы.

С тех пор в наших краях появилось два племени, и потомки Мармука делают постоянно набеги на ваддаков. Хотя именно у нас они научились делать ловушки для зверей, приручать балу-мов, которые дают молоко, и обжигать глиняную посуду.

Воселаз закончил рассказ, и немного погодя Цицерон спросил вождя:

— А далеко они живут?

— Вот за этим горным хребтом, у реки,— ответил Воселаз.— Мы бы ушли отсюда в другое место, но поблизости нет

ни одного водоёма, а спуститься по реке мармуки нам не дадут, да и хлопотное это дело.

— Какое безобразие! — не переставал возмущаться робот. — Я им покажу, где раки зимуют! Пожалуй, я найшу на них ужасного Аккумулятора!

Вздвогнув от одного только имени страшного бога, Воселаз поспешил поблагодарить доброго гостя:

— Спасибо тебе, благороднейший Громовержец! — Затем он понизил голос до шёпота и спросил: — А скажи, пожалуйста, кто такой этот Акульмультртр?

— О, это самый кровожадный бог изо всех, — ответил робот. — Он поставлен всесильным Гармой над всеми животными, рыбами и птицами.

Алёша сквозь дрему прислушивался к разговору Цицерона с вождём, и ему очень хотелось остановить робота, но он тоже боялся разоблачения.

И всё же после упоминания «великого Ампера» он не выдержал:

— Циц., то есть, Громовержец, ты разве забыл, что обычным людям нельзя произносить имена этих богов?

— Нельзя?! — ужаснулся Воселаз. — А я произнёс!

— Ничего-ничего, — спохватился Алёша. — Один раз, да ещё при нас, можно. Но больше не надо. А ты, Громовержец, не пугай уважаемого вождя. Лучше помоги им придумать, как защититься от этого нехорошего племени.

— Вокруг деревни можно соорудить кирпичную стену высотой в десять метров и обмотать колючей проволокой.

— А где мы возьмём столько кирпича? — спросил Алёша.

— Налепим, — ответил робот так, будто речь шла о каком-то пустяковом деле. — У вас глина есть? — спросил он у вождя.

— Конечно, на озере её сколько угодно, — с благоговением ответил Воселаз, который сразу поверил, что посланцы неба за одну ночь окружают деревню неприступной стеной.

— Перестань говорить ерунду, Громовержец, — сказал Алёша. — Мы идём спасать капитана, то есть небесных посланцев. У нас нет времени.

— Тогда можно окружить деревню глубоким рвом и заполнить его водой, — продолжал фантазировать робот.

— Зачем ты обещаешь то, чего не можешь выполнить? — спросил Алёша.

— Не можете? — с сожалением сказал вождь.

— Со стеной и рвом я действительно переборщил, — признался Цицерон. — Но хорошенько припутнуть этих злодеев обещаю. Завтра же мы навестим их. А сейчас, вождь, я хочу попросить тебя об одном одолжении. Твои ваддаки хорошо знают окрестные леса. Не мог бы ты дать нам провожатого, чтобы он помог найти посланцев неба?

— Да, конечно, Громовержец, — тут же согласился вождь. — Завтра я пошлю с вами самого опытного следопыта.

ГЛАВА 18

Неожиданно жители деревни повскакали со своих мест и окружили какого-то ваддака, который появился на площади со стороны горного хребта. А вскоре выяснилось: это от мармуков вернулся пленник, считавшийся погибшим много дней назад. Ни разу не остановившись на привал, ваддак без оружия пересёк кишатый хищниками лес и перебрался через хребет. Добравшись до родного племени, он от усталости повалился на землю.

Ему уступили лучшее место у костра, дали еды, горшок молока и принялись ждать, когда он насытится и расскажет, как удалось ему спастись.

Алёша уже начал засыпать, но тут до него донеслись слова ваддака:

— Мне помогли освободиться три посланца неба в серебристой одежде. Они появились в деревне мармуков ещё днём...

— Три посланца?! — выкрикнул Алёша, и задремавший рядом мимикр мгновенно проснулся.

Он вскочил и спросонья закричал:

— Где это я?!

— Успокойся, Фуго, то есть Направляющий. Кажется, мы напали на след капитана.

Алёша спросил ваддака:

— У них такая же одежда, как у меня?

— Да, — подтвердил бывший пленник. — Только они выше ростом.

Цицерон тут же изъявил желание отправиться к мармукам, но ваддаки убедили его подождать до рассвета. Дорога пролегла через горы, и в темноте можно было запросто свалиться в пропасть.

Ваддаки принялись петь и плясать вокруг костров. Они взялись за руки и несколько раз протанцевали мимо Цицерона, и наконец робот не выдержал.

— У нас на небе этот танец зовётся фарандолой, — с видом знатока сказал он и тяжело поднялся на ноги.

К нему тут же подлетели несколько девушек.

— А ещё у нас есть танец вальс, — сообщил Цицерон одной из девушек. — Хочешь, покажу, как его танцуют?

— Хочу, — со страхом и обожанием глядя на Громовержца, согласилась туземка.

Тогда робот аккуратно поднял девушку над землёй и закружился с ней по площади. У него так это ловко выходило, что все жители деревни остановились и стали в такт хлопать в ладоши.

Цицерон волчком кружился по площади до тех пор, пока нечаянно не задел стену дома. Хлипкая хижина завалилась набок, а сам Цицерон грохнулся рядом. Туземка упала вместе с ним и

случайно нажала рукой на красную кнопку. Цицерон выключился, и единственный фотоэлемент его тут же погас.

— Он умер! — вскочив на ноги, в ужасе закричала девушка. — Я его убила!

Алёша, который всё это время наблюдал за чудачествами друга, вскочил и бросился к Цицерону. Он боялся открывать секрет робота диким туземцам, поэтому закрыл Цицерона собой и только после этого нажал на кнопку.

— Скорее вставай, — зашептал он. — Они думают, что ты умер.

— Я умер?! — поднимаясь, воскликнул робот. — Это неправда! Цицерон бессмертен!

Все жители в восторге закричали:

— Громовержец жив!

Наплясавшись до изнеможения, ваддаки начали расходиться по домам. Они желали божественным пришельцам хорошего сна и просили разбудить их утром, когда гости соберутся покинуть деревню.

Ночевали Алёша с Фуго на улице у костра.

А Цицерон довольно быстро починил разрушенную хижину. Он посоветовал хозяевам обмазать её глиной и прорезать окошки.

Наконец Цицерон утомился. Он сел рядом со своими друзьями и, глядя на далёкие звёзды, замер. И только зелёный огонь его единственного фотоэлемента говорил о том, что Громовержец не только не спит, но и сторожит покой уснувшей ваддакской деревни.

Едва над лесом порозовело небо, как робот начал будить Алёшу с Фуго.

— Пора, — гудел он. — Пока вы здесь спите, мармуки уже капитанский комбинезон пустят на лоскуты.

В дорогу Воселаз подарил посланцам два холщовых мешка с фруктами и один кожаный — с молоком. Провожатым посланцы выбрали уже знакомого им Тумбука. Осчастливленный

Робот аккуратно поднял девушку над землёй и закружился с ней по площади. У него так это ловко выходило, что все жители деревни остановились и стали в такт хлопать в ладоши.

Цицерон кружился до тех пор, пока не задел стену дома.

Вотамолас стоял на коленях и, раскрыв рот, смотрел на ожившую голову Гармы.

— Мармук! — страшным голосом взревел мимикр.— Немедленно развяжи этих людей. Трепещи и повинуйся!

ваддак гордо посматривал на соплеменников, а тем, кто оказывался рядом, говорил:

— Боги выбрали меня не случайно. Я их встретил, я и провожаю. Это знак. Не иначе как вождём когда-нибудь стану.

Чтобы как-то отблагодарить гостеприимных туземцев, Цицерон достал из своего ящика хромированный гаечный ключ и торжественно вручил его вождю.

— Это тебе на память о Громовержце, — сказал он. — Этой шутовщиной меня можно разобрать на части.

По толпе прокатился ропот изумления, а Воселаз с благоговением принял подарок и растроганно спросил:

— В этой маленькой вещице заключена такая сила?

— Да, — ответил робот. — Этим ключом можно даже разобрать небесную колесницу. Просто надо знать, как это делается.

— Благодарю тебя, о великий Громовержец, — дрогнувшим голосом проговорил Воселаз. — Твой бесценный подарок я буду хранить в святилище вместе с остальными священными реликвиями. Принесите сосуд Гармы, — приказал вождь двум туземцам, и те бросились выполнять распоряжение.

Через минуту перед Воселазом поставили большой глиняный горшок, украшенный разноцветными камешками. Вождь вполголоса прочитал над ним заклинание и только после этого запустил внутрь руку.

Из священного горшка Воселаз достал большой согнутый гвоздь и показал его гостям.

— Это коготь Гармы, он помогает в бою и на охоте. Две луны назад мои охотники ходили поклониться священной горе Баррум и гора подарила им эту замечательную реликвию.

— А разве они не видели на горе Баррум других... посланцев? — спросил Алёша.

— Нет, — ответил вождь. — Но я слышал, что там останавливались посланники Гармы и, может, даже... сам Гарма.

— Значит, научную станцию завалило давно, — проговорил Цицерон.

Следующий священный предмет оказался частью рукава от мужской рубашки в крупную клетку. Вождь бережно развернул её и с трепетом в голосе сказал:

— А это часть одежды Гармы. Если её приложить к кровоточащей ране, то она быстро заживает. Мы многих уже вылечили таким образом.

— Это видно, — сказал Цицерон, глядя на замусоленный обрывок рукава.

Последнее, что достал Воселаз, был маленький клочок бумаги, на котором отчётливо виднелась какая-то надпись.

— А это... — начал вождь, но Алёша не дал ему договорить.

— Это же записка! — крикнул он. — Дайте, пожалуйста, посмотреть.

Немного поколебавшись, Воселаз отдал листок Алёше, и тот прочитал про себя:

«...бучих песков. Однажды мы едва не потеряли двух своих товарищей в этом гиблом месте. Прямо на юг от нас живут дикие племена. Мы постараемся обойти их по реке и поселимся в долине на краю леса. На открытом месте жить и удобнее, и безопаснее. Сколько времени нам придётся провести здесь, мы не знаем».

В конце записки стояли подписи учёных и число.

— Это они, — закончив читать, сказал Алёша. — Записку оставили нам, в ней написано, где их искать.

— Я не знаю, что такое «записка», — потупившись, сказал Воселаз. — Но если этот кусок полотна ваш, можете его забрать.

Алёша хотел было объяснить вождю, что такое письмо, но понял, что сделать это будет нелегко, и поэтому спросил:

— А зачем ваши охотники разорвали записку? Там была ещё одна половина, и мы, то есть наши друзья, вернее — посланцы, нашли её.

— Ещё одна? — удивился вождь и посмотрел на толпу туземцев. Первые ряды расступились, но три охотника остались стоять на месте, виновато опустив головы. — Вы разорвали священное полотно?! — грозно спросил Воселаз.

— Мы... — неуверенно начал один из охотников. — Я... потянул полотно на себя, а вот он — на себя. Оно очень легко порвалось на две части.

— А почему же вы не принесли вторую часть? — спросил вождь.

— На нас напал огромный варух, мы бежали от него, и я её потерял, — признался охотник.

— И очень хорошо, — сказал Алёша. — А то бы мы не узнали, где искать посланцев. И... никогда бы не познакомились с вами.

Воселаз убрал гаечный ключ и священные реликвии в священный горшок и вернул его двум туземцам. Ему явно не хотелось расставаться с посланниками неба, и он оттягивал этот момент как мог.

— Приходите ещё, — преданно глядя на Цицерона, сказал он. — Стену построим, ров выкопаем, всю деревню колючими лианами обмотаем. А потом всю ночь будем танцевать.

— Обязательно придём, — пообещал Цицерон.

ГЛАВА 19

— Так что же ты знаешь о богоподобных? — нетерпеливо спросил у вождя Эдуард Вачаганович, боясь услышать самое страшное.

— Я не только кое-что знаю, я даже видел их, — ответил Вотамолас. — Несколько дней назад они проплыли по реке на связанных брёвнах.

— И здесь они не высаживались? — спросил капитан.

— Нет, — ответил вождь, и Эдуард Вачаганович вздохнул с облегчением.

— У меня к тебе будет просьба, вождь. — сказал командир корабля. — Помоги нам сделать из брёвен плот. Мы отыщем богоподобных, если поплывём тем же путём.

— Хорошо, к завтрашнему утру брёвна будут связаны, — немного подумав, согласился Вотамолас.

Они дошли до пасущихся домашних животных, и Эдуард Вачаганович спросил:

— Вот эти сильные травоядные дают молоко, а зачем нужны те, которые укрыты одеждой? Вы на них ездите?

— Это кетли, мы сушим на них одежду, — ответил вождь. — У них очень горячие тела. Вон видишь, на одном кетле лежит мармук? Это больной, ему нужно тепло, и он лежит на нём, пока не выздоровеет.

Капитан потрогал бок кетля.

— Ого! — удивился он. — Да на нём можно печь блины. Это же ходячая печка.

— В холодное время мы заводим кетлей в дома и спим рядом с ними, — пояснил вождь.

— Хорошо. И отопления не надо. — Капитан представил, как это гигантское животное расхаживает по его городской квартире, и добавил: — Но у нас тоже неплохо. По крайней мере, отопительные батареи не просят есть.

— А скажи, богоподобный, — обратился к нему Вотамолас. — Я ещё могу понять, почему ты пожалел пленника. Но зачем ты велел отпустить куамов? Разве вы не едите мяса животных?

Этот вопрос смутил капитана, и он ответил не сразу:

— Понимаешь, вождь, уж очень мне эти зверьки понравились. Симпатичные. Жалко стало.

— А вы едите только страшных зверей? — спросил Вотамолас.

— Давай не будем об этом говорить,— попросил капитан.

— Ты не можешь ответить честно? — догадался вождь.

— Да,— согласился Эдуард Вачаганович.— Бывают моменты, когда не хочется отвечать честно. Но пообещавшись с вами, я, пожалуй, перестану есть мясо вообще.

— Я тебе этого обещать не буду,— сказал Вотамолас, посмотрев на ружьё.— А скажи мне, богоподобный, что это за палку ты держишь в руке? Я видел, как твой молодой друг поставил эту штуковину на меня, и после этого я умер.

— Это? — Капитан растерялся.— Это палка такая, волшебная. На кого её направишь, тот сразу падает замертво.

— Интересная палка,— с завистью проговорил вождь.— Продай мне её. Я тебе за неё дам пять балумов, которые дают очень много молока, и пять рабынь.

— Нет, вождь,— решительно отказал командир корабля.— Эта палка не продаётся.

— Семь балумов и семь рабынь,— сказал Вотамолас.

— Я же тебе мармукским языком говорю: волшебная палка не продаётся.

— Тогда подари,— не отставал вождь.

— И подарить не могу,— ответил капитан.— Эта палка действует только в руках богоподобных.

— Жаль,— огорчился Вотамолас.— С этой палкой я легко завоевал бы все племена в округе.

— Вот поэтому она и не продаётся,— ответил Эдуард Вачаганович.

— Понятно,— тяжело вздохнул вождь.— Десять балумов и десять рабынь.

«Ничего тебе не понятно, вождь»,— подумал капитан.

Празднование воскрешения главного мармука было в разгаре. Музыканты лупили по своим барабанам с таким исступлением, будто хотели их продырявить. Вася, обвешанный ожерельями и гирляндами, отплясывал вместе с туземцами и пытался подпевать

им. На щеках у штурмана сажень были нарисованы вертикальные линии, в волосы ему воткнули перо, и если бы не лётный комбинезон, он вполне сошёл бы за местного жителя.

Эдуард Вачаганович подошёл к Николаю. Тот сидел окружённый молодыми туземцами и рассказывал им какую-то абракадабру. Увидев командира корабля, Николай засмутился и пояснил:

— Объясняю им, как устроен двигатель внутреннего сгорания.

— Зачем? — удивился капитан.

— Для общего развития, — ответил механик. — Пусть знают, может, когда пригодится.

— Ты бы ещё рассказал им, как работает синхрофазотрон, — усмехнулся капитан. — У них же в языке и слов таких нет: карбюратор, аккумулятор, бензин...

После разговора о ружье Вотамолас выглядел обиженным. Он грыз ногти и молчал.

— Не расстраивайся, вождь, — сказал Эдуард Вачаганович. — Мы не собирались навещать вас, поэтому не захватили подарки. Но в следующий раз я привезу тебе настоящую пилу — это такое приспособление, деревья валит в одну минуту.

— Вождь не может расстраиваться. Я или доволен, или недоволен. Но всё, что обещал, я выполняю. Через два часа плот будет готов. Можете плыть.

— На ночь глядя? — удивился капитан. — Ты нарушаешь закон гостеприимства.

— Богоподобные нарушили много законов, — возразил Вотамолас, — у нас есть обычай: гость обязательно дарит подарки хозяевам, и вы нарушили это правило. Никто никогда не смеет отказывать вождю, если ему что-то понравилось. И этот обычай вы тоже нарушили. Наверное, вам лучше уплыть сегодня.

— Хорошо, — согласился Эдуард Вачаганович, и тут его осенило: — Вспомнил, вождь, дьявол тебя подери! Я знаю, что

тебе подарить. Я подарю тебе Священный Огонь, и вам больше не надо будет высекать его камнями.

Вотамолас недоверчиво посмотрел на богоподобного и выжидающе приподнял бровь.

— Вася! — крикнул Эдуард Вачаганович. — Иди сюда.

Раскрасневшийся от пляски штурман вырвался из круга туземок и подбежал к командиру.

— Вася, давай сюда Священный Огонь. — Эдуард Вачаганович подмигнул штурману, но тот не понял, что от него требуется. — Зажигалку, — прошептал капитан.

— А-а-а! — обрадовался Вася. — Священный Огонь! — Он достал из кармана гладкий металлический предмет приятной округлой формы и протянул его Эдуарду Вачагановичу. — Пожалуйста, командир богоподобных. А сами-то мы чем будем...

— Молчи, — перебил его капитан. Затем он церемонно протянул зажигалку Вотамоласу: — Прими, вождь, от нас скромный подарок. В этой маленькой штучке спит Священный Огонь. — Он щёлкнул кнопкой, и из открывшегося углубления вырвался маленький язычок пламени.

Вотамолас заворожённо смотрел на подарок и от напряжения даже вспотел.

— Бери, вождь, владей. — Капитан вложил зажигалку вождю в ладонь, и тот с благоговением поднёс её к глазам.

— Я бы на вашем месте, капитан, прежде чем дарить такую вещь уважаемому вождю, вначале посоветовался с Гармой, — уходя, проговорил Вася.

— С Гармой я сам разберусь, — ответил Эдуард Вачаганович. — А ты иди танцуй, изучай, так сказать, местный фольклор.

Вотамолас несколько раз щёлкнул зажигалкой, притронулся к огню и, убедившись, что он настоящий, громко рассмеялся. Он совсем позабыл о том, как должен держаться предводитель племени, радовался, как ребёнок, вертел в руках подарок и даже подпрыгивал от удовольствия.

— Уважил! — наконец выговорил Вотамолас. — Теперь я вижу, что вы настоящие посланники неба. Можете жить у нас сколько хотите.

— В следующий раз, дорогой, — пообещал капитан. — Как-нибудь во время отпуска загляну. А сейчас мы торопимся. Ты, если можно, скажи своим ребятам, пусть посредине плота выложат из глины площадку для костра. Кто знает, сколько нам придётся плыть?

— Хорошо, богоподобный, — любясь зажигалкой, ответил Вотамолас.

— Тогда распорядись, чтобы на плот положили моток лианы подлиннее. Верёвка, она всегда пригодится. И побольше дров, — сказал капитан. — Ну, если можно, и продуктов.

— И продуктов, — охотно согласился вождь. — Балума хочешь?

— Он нам плот утопит. Лучше дай пару кувшинов молока. Кстати, вы, когда миритесь с соседним племенем, случайно не выкуриваете трубку мира?

— Во-первых, мы никогда не миримся, — ответил вождь. — А во-вторых, я не знаю, что такое «трубка мира».

— Жаль, — расстроился командир корабля. — А то я сейчас с удовольствием заключил бы с вами мир лет на тысячу.

Праздник продолжался всю ночь.

Эдуард Вачаганович с Николаем сидели на почётном месте. Вася, немного перекусив, снова пустился в пляс с туземками. И только под утро вернулся к костру.

— Я смотрю, тебе здесь понравилось, — сказал Эдуард Вачаганович Васе. — Оставайся, будешь дикарей учить танцам.

— Эх, капитан, — ответил Вася. — Ещё неизвестно, сколько бед принесёт туземцам наш Священный Огонь, но воевать из-за него будут точно. А в мой «руччйк» молодежь теперь будет играть тысячу лет с удовольствием.

— Возможно,— проговорил Эдуард Вачаганович.— Но если бы я не отдал зажигалку, нас этой ночью обязательно пристукнули бы.

Провожали богоподобных после долгого и обильного завтрака. Солнце уже стояло прямо над головой, когда Эдуард Вачаганович встал и сказал:

— Баста! Нам пора уплывать. Иначе завтрак плавно перейдёт в обед, а обед — в ужин.

Богоподобных проводили до плота. Вдоль берега выстроилась вся деревня, мармукские девушки со слезами на глазах махали платочками своему учителю танцев, а охотники потрясали копьями. Вася принёс несколько горящих головней, разложил на плоту костёр и на прощанье крикнул:

— Прощайте, мои дорогие...— Здесь он замялся и спросил: — Капитан, а как правильно — мармучки или мармушки?

— Не знаю,— ответил командир.— Может, мармукянки или мармутанки.

— Прощайте, мои дорогие красавицы! — крикнул Вася девушкам, с которыми танцевал всю ночь.

Вася уже воткнул шест в дно и оттолкнул плот от берега. В этот момент Эдуард Вачаганович неловко перехватил ружьё, оно выскользнуло у него из рук и с коротким всплеском нырнуло в воду.

— Ах, чёрт! — выругался капитан и склонился над водой.

— Волшебную палку уронил? — поинтересовался вождь с берега.

— Да,— ответил Эдуард Вачаганович.— Скажи своим ребятам, пусть достанут.

— Не беспокойся, достанут,— ответил Вотамолас и распорядился: — Палку достать! — Моментально в воду влетели не менее пятидесяти туземцев, и через несколько секунд ружьё было передано вождю.— Богоподобных связать и бросить в святылище! — приказал Вотамолас.

Неудачливым спасателям спалось плохо. Павел Васильевич приказал своим спутникам привязаться верёвками, которые были укреплены у каждого на поясе. Но им не давали спать насекомые и мелкие зверушки, жившие на огромном дереве. Хищники внизу грызлись между собой, рычали и выли от голода или от нетерпения.

Утром, с трудом проснувшись, Павел Васильевич ударил себя ладонью по шее и жалобно сказал:

— По-моему, на этом дереве собрались насекомые со всего леса.

— Я вот что думаю,— подал голос Васич,— давайте что-нибудь рассказывать друг другу. А то висим на дереве как груши, насекомых кормим.

— Да чего рассказывать-то? — проговорил повар.— Анекдоты мы в полёте все по пять раз пересказали, а новые ещё не придумали. Вот интересно, сколько цивилизованный человек может просидеть на дереве?

— Ничего, наши предки побольше сидели,— ответил Васич.— В детстве я тоже любил лазать по деревьям. Особенно по яблоням.

— По чужим небось? — проворчал Павел Васильевич.

— Случалось и по чужим,— признался главный механик. Он щелчком сбил с плеча паука и обратился к повару: — А ты Расскажи, как тебя выгнали из разведчиков.

Михаил немного помолчал и вдруг признался:

— Да я вообще-то разведчиком никогда не был. Я звероловом был.

— Так что ж ты мальчику врал? — удивился главный механик.

— Это я в педагогических целях,— ответил повар.— Мальчишка достал меня, ну я и ляпнул, чтобы нос не задира.

— В педагогических целях, наоборот, обычно говорят правду, — сурово проговорил Павел Васильевич.

Начало светать. Небо на востоке порозовело, стало немного прохладнее. Густой туман напал на скалы со стороны джунглей, и вскоре белая пелена скрыла всё. Туман медленно плыл, словно молочная река, а на её поверхности зелёными островками лежали пышные кроны могучих деревьев.

— Красиво! — восхищённо сказал повар. — Из корабля мы такое никогда не увидели бы. Именно поэтому я и согласился работать поваром, лишь бы отпустили в полёт. Никак не могу отвыкнуть от этих красот на диких планетах.

— Я придумал, как обмануть этих голодных зверюг! — вдруг воскликнул Васич.

— Я знаю, что ты сейчас предложишь, — съязвил Михаил. — Ты попросишь меня прыгнуть вниз, и пока эти людоеды будут меня жрать, вы с Павлом Васильевичем успеете смыться.

— Смотрите-ка, — сказал помощник капитана, — они уже снова собрались под деревьями.

Он вдруг напрягся, привстал и быстро проговорил:

— Тихо, слышали?! Доставай, Васич, ракетницу, это они!

ГЛАВА 21

Попрощавшись с туземцами, маленький отряд во главе с Тумбуком тронулся в путь. Фуго занял своё место в шкафчике и очень радовался, что гаечный ключ больше ему не мешает. Алёша шёл своим ходом между проводником и Цицероном. А робот при виде утрюмых, чёрных скал запел свою любимую песню: «Парня в горы тяни, рискни...»

Тропинка всё круче уходила вверх, всё более величественными становились скалы. Лес здесь был редким, а деревья художочными и кривыми.

Тумбук уже не забегал далеко вперёд, чтобы быть поближе к Громовержцу. Алёша несколько раз вскрикивал, заведя какое-нибудь живое существо, но проводник каждый раз объяснял ему, что это безобидный грызун или травоядное.

— Бояться надо барков, — сказал он. — Эти если почуют нас, пощады не жди. Они бродят большими стаями и пожирают всё, что попадает им на пути. Только я не понимаю, почему вы, посланники неба, боитесь каких-то животных?

— Мы никого не боимся, — спохватился Алёша. — А почему мы не встретили барков в лесу?

— Они охотятся в горах или рядом, на открытых местах, — ответил Тумбук. — А в лесу много больших и сильных хищников.

Весь последующий путь до высшей точки перевала Алёша ждал нападения злобных барков. Но отряду повезло, и наверх они добрались без приключений.

Привыкший к тяжёлым переходам, проводник, казалось, совсем не устал. Зато Алёша был похож на мокрую курицу. Он тяжело дышал и мечтал только об одном — об отдыхе.

Не менее тяжело приходилось и мимикру. Железный робот раскалился на солнце, и в ящике находиться стало невыносимо. И всё же Фуго не покидал своего убежища. Он лишь открыл дверцу, громко отдувался и часто жаловался.

Когда Алёша с Цицероном поднялись на перевал, взору их открылась долина, похожая на ту, которую они недавно покинули. Разница была лишь в том, что по эту сторону хребта протекала река. Она выходила из ущелья, разливалась на плоской равнине и, петляя, скрывалась в джунглях.

— Деревни мармуков отсюда ещё не видно, — сказал Тумбук. — Скалы мешают. Сейчас спустимся до обрыва, а там уже рукой подать.

— Вот Эдуард Вачаганович удивится, когда увидит нас, — сказал Алёша.

— Очень удивится, — согласился с ним мимикр. — Хорошо,

если просто обругает, а то выбросит нас с тётушкой из корабля и оставит на этой планете.

— Не оставит,— попытался успокоить его Алёша.

— И придётся нам идти жить к ваддакам,— не слушая Алёшу, сказал Фуго.— Будет здесь нам и дача, и варёная картошка, и мягкий диван с тёплым одеялом.

Тяжёлому роботу было нелегко удерживать равновесие на крутой насыпи. Один раз, не удержавшись, он с размаху уселся на камни, и тогда Фуго крикнул:

— Осторожно! Не забывай, что если ты грохнешься, в первую очередь погибну я.

— Так, может, чтобы не рисковать, ты вылезешь и пойдёшь сам? — спросил робот.— Здесь уже нет никаких зверей.

— Вот как раз об этом я сейчас и думаю,— проворчал мимикр.

Фуго выбрался из шкафчика, бухнулся на камни и с облегчением проговорил:

— Ой как хорошо! Прохладный ветерок! И чего я забрался в этот сундук?

Тумбук с Алёшей первыми достигли края пропасти. Они остановились в полуметре от обрыва, и Алёша восхищённо проговорил:

— Вот это да! Как на картинке!

— А что такое картинка? — спросил проводник.

— Картинка? Это такой же вид, только он нарисован на бумаге.

— Понятно,— кивнул Тумбук.— А что такое бумага?

— Бумага? — начал было Алёша, но в это время они услышали крик мимикра:

— Подождите меня! Подождите меня! Я тоже хочу посмотреть! — Он быстро спустился вниз. Остановившись в метре от обрыва, Фуго осторожно подполз к краю, заглянул в пропасть и ужаснулся. С высоты река выглядела маленьким ручейком,

а деревня мармуков на берегу была похожа на аккуратно расставленные кубики.

Мимикр хотел было отползти назад, но немного замешкался. В это время из-под ног спускающегося Цицерона выскочил большой камень, который покатился прямо на Фуго.

— Берегись! — закричал робот, но мимикр не сразу понял, к кому относится предупреждение. Он медленно обернулся, увидел катящийся камень и лишь успел зажмуриться.

Булыжник ударил его не сильно, но этого было достаточно.

Кувыркаясь в воздухе, Фуго пытался дотянуться до вертикальной стены и затормозить падение, но вскоре понял, что это невозможно.

Голос Фуго все удалялся, и последнее, что слышали его остолевшие друзья, это едва слышный крик:

— Тётушка-а-а...

Алёша с проводником подбежали к тому месту, где свалился Фуго, заметались на краю обрыва, а потом со всех ног кинулись по тропинке вниз. Сейчас Алёша не думал о себе. Он бежал и сквозь слёзы повторял:

— Фуго разбился! Фуго разбился!

— Я не знаю, как у вас, у посланников неба, — на бегу проговорил Тумбук, — но у ваддаков не принято оплакивать охотника, пока родственники не убедились, что он погиб.

— Он упал с такой высоты, — размазывая слёзы по лицу, ответил Алёша.

— Он мог упасть в воду, — ответил туземец.

Позади Алёши и проводника, топая, как паровой молот, нёсся Цицерон. Чувствуя себя невольным виновником случившегося, робот на бегу бормотал проклятья и взывал к мимикру:

— Фуго! Голубчик, только не умирай! Я — паршивая железная дубина, больше никогда в жизни не обижу тебя ни словом, ни делом. Только не умирай. Держись, мы тебя обязательно спасём.

Упав с обрыва, Фуго почувствовал такой ужас, какой не испытывал с того самого времени, когда его чуть не съели хищники на его родной планете. Фуго увидел, как стремительно приближается к нему земля. Он бормотал какие-то слова на своём родном языке, обливался слезами и совершенно позабыл о своей замечательной способности принимать любую форму. И лишь на подлёте к земле вспомнил об этом и поспешил распластаться, насколько это было возможно.

Только в нескольких метрах от земли Фуго представил, как выглядит то тёплое одеяло, под которым он любил спать, и принял наконец его форму. Скорость падения моментально снизилась, и мимикр спланировал на берег реки как сказочный ковёр-самолёт.

Фуго был настолько поражён тем, что избежал смерти, что даже разрыдался. Не меньше его потрясло и открытие, благодаря которому он остался жив. Спасаясь от всяческих напастей, он часто принимал вид кочек, булыжников, пенёчков и ящиков, и никогда в жизни ему не приходило в голову превратиться в птицу или летательный аппарат.

Фуго долго не мог прийти в себя от потрясения. Он сидел на берегу быстрой реки, смотрел на воду и заворожённо повторял:

— Я могу летать. Я, Фуго, умею летать, как птица. Почему же мимикры не знают об этом? Почему они живут в тёмных каменных норах, а не строят свои дома на вершинах скал или на деревьях? — Но, вспомнив об огромных летающих хищниках родной планеты, Фуго вздохнул и сам себе ответил: — Потому что на своей планете такие слабые существа, как я, не могут защитить себя ни на земле, ни в воздухе.

Мимикр вспомнил о своих друзьях. Он посмотрел вверх, но разглядеть что-либо на таком расстоянии было невозможно — солнце слепило глаза, а от разогретых камней воздух дрожал, словно это была текущая вода.

— Алёша-а-а! — что было сил закричал Фуго.

Эхо разнесло крик, но ответа мимикр не услышал.

Ещё наверху с обрыва Фуго успел заметить, что деревня мармуков стоит прямо на берегу реки. Как далеко она находилась от скал, определить было трудно, но он знал, что его друзья направляются именно туда, поэтому решил в одиночку добраться до деревни и встретиться с ними там.

Путь по берегу, усыпанному острыми камнями, не был приятным. Фуго часто приходилось преодолевать завалы из огромных булыжников, переходить небольшие речушки и взбираться на прибрежные скалы. Несколько раз он испуганно шарахался от каких-то зверушек, а те, в свою очередь завидев незнакомое существо, улепётывали от него.

Фуго благополучно пересёк небольшое болотце, выбрался на сушу и хотел было вытереться о густую траву, как слева от него вдруг появилась круглая, ушастая голова зверя. Втягивая в себя воздух, хищник шевелил ноздрями и с любопытством разглядывал незнакомца.

— Ой! — испугался мимикр и попятился назад. — Всё, ухожу-ухожу-ухожу! Ты меня не видел, я тебя тоже.

Но зверь, очевидно, был очень голодным. Он вдруг бросился вперёд, и Фуго спасла только близость воды. Он кубарем скатился с берега в воду и изо всех сил принялся выгребать на середину реки.

Увидев, что добыча уплывает, хищник бросился за ним по берегу. А Фуго, выбравшись на стремнину, довольно быстро поплыл по течению и прокричал незадачливому зверю:

— Шиш тебе, а не мимикрятина. Это тебе ещё повезло, что со мной нет моего друга Громовержца. Он бы тебе быстро объяснил, как нападать на посланника неба.

Хищник даже повизгивал от нетерпения и обиды, но сделать ничего не мог. Лакомый кусочек удалялся от него всё дальше и дальше, пока не скрылся за поворотом реки.

*Вездеход остановился, упёршись в могучий ствол дерева.
Из густой листвы на броню начали падать люди.*

*Спецгруппа очень вовремя появилась. Ещё час-другой,
и от спасённых остались бы одни комбинезоны.*

Появление плота поселенцы научной станции встретили радостным гвалтом. Стоя по пояс в воде, они приветствовали своих спасителей. Учёные размахивали руками, кричали: «Ур-ра!», но очень скоро поняли, что плот не может пристать к берегу.

Чтобы не испытывать судьбу, мимикр решил не вылезать из воды. Он правильно рассудил, что в такой небольшой горной речке не могут жить крупные хищники. К тому же вода приятно освежала его, течение быстро тащило вперёд, а значит, совершенно не надо было тратить силы на ходьбу.

После очередного поворота Фуго вдруг увидел деревню мармуков, а вернее — круглое каменное здание. На плоской крыше этого строения что-то происходило, но разглядеть, что именно, из-за расстояния Фуго не мог. До него доносился барабанный бой и многоголосое пение туземцев. Фуго скорее почувствовал, чем понял, что в деревне затевается что-то нехорошее.

Мимикр помнил рассказ Воселаза о кровожадности мармуков и на всякий случай решил не торопиться со знакомством. Метров за триста до деревни он подплыл к берегу и некоторое время шёл по мелководью, пытаясь понять, что делают туземцы и где командир корабля со своими товарищами.

Наконец Фуго приблизился настолько, что можно было разглядеть не только участников странного праздника, но даже украшения на их одежде. И, лишь поднявшись на пригорок, он наконец увидел капитана и двух его спутников. Они были привязаны к каменным столбам, а рядом ходил толстый важный туземец и что-то возбуждённо говорил пленникам.

Слившись с землёй, Фуго подполз поближе к каменному строению, затем забрался на ступеньки и вскоре очутился на крыше. Даже самый зоркий охотник не сумел бы заметить мимикра, который принял вид каменной кладки.

Кроме вождя и жреца, на крыше святилища находились не менее трёх десятков воинов. Они были вооружены копьями и дубинами, а у некоторых на концы копий были насажены черепа. Мармуки стояли по всей окружности, и мимикр не решился на глазах у всех дать капитану знать, что он здесь.

— Капитан! — вдруг взмолился Николай. — Давайте расскажем, как действует ружьё. Ну не погибать же из-за такой ерунды!

— Молчи, Коля, — ответил командир корабля. — Смотри, ляпнешь, потом всю жизнь будет мучить совесть. Разве ты не понял, что этому вождю верить нельзя? Всё равно он нас съест, да ещё и посмеётся, как ловко выведал секрет волшебной палки.

— Я скажу, капитан, — стуча зубами от страха, проговорил Николай. — Спасать нас некому...

— Двадцать нарядов вне очереди, — спокойно сказал Эдуард Вачаганович. — За малодушие и трусость. Вернёмся на корабль, возьмёшь тряпку и до самой Земли будешь с мылом драить пол и стены.

— Мы не вернёмся на корабль! — с отчаянием ответил механик.

— Повтори приказ! — сурово приказал командир корабля.

— Есть двадцать нарядов, — промямлил Николай. — Но мы всё равно не вернёмся на корабль.

— Это ты так думаешь, потому что страх затуманил тебе разум, — сказал Эдуард Вачаганович. — А я считаю, что Гарма как раз сейчас надевает сапоги и собирается разобраться с этим лживым вождём.

— Ты несправедлив ко мне, — самодовольно проговорил Вотамолас. — А секрет волшебной палки я всё равно узнаю. — Он указал на Николая и распорядился: — Этого отвести в святилище. Я поговорю с ним отдельно. Этот у меня всё скажет.

Четыре свирепых воина тут же принялись отвязывать Николая, а Эдуард Вачаганович вдруг согласился:

— Ладно, Вотамолас, твою взяла, Садалмелик¹ тебе в глотку. Расскажу, как работает волшебная палка.

— Вот это другой разговор, — возликовал вождь. Он приказал всем туземцам покинуть крышу святилища, дождался, когда воины уйдут, и тихо проговорил: — Ни к чему знать тайну волшебной палки простым мармукам.

Мимикр едва успел убраться со ступенек, когда мармуки начали спускаться с крыши. Он подкатился к дверям святилища,

¹ Садалмелик — звезда в созвездии Водолея.

просочился внутрь и оказался почти в полной темноте. Лишь в противоположном конце помещения горел масляный светильник, и Фуго подошёл поближе, чтобы разглядеть божество мармуков. Он забрался на большую каменную плиту и прямо перед собой увидел страшное изображение Гармы. Язычок пламени в плошке дрожал, и на лице рогатого бога плясали тени, отчего казалось, будто Гарма строит рожи непрощенному гостю.

— Не хотел бы я иметь такого защитника, — прошептал мимикр и ухватился за железное кольцо в носу каменного изваяния. Оно покачнулось и, как колесо, скатилось с алтаря, глухо ударилось о землю, а Фуго от испуга на минуту остолбенел.

Тем временем на крыше святилища Эдуард Вачаганович объяснил Вотамоласу, как стреляет ружьё, и тот сразу потребовал принести ему клетку с куамом. Когда два туземца притащили зверька, вождь долго примеривался, а затем выстрелил. Снотворное моментально подействовало, и животное повалилось на пол.

— О всесильный Гарма! — завопил Вотамолас. — Теперь с этим оружием я завоюю все ближайшие племена!

— Я открыл тебе тайну волшебной палки, — сказал капитан. — Теперь прикажи нас развязать.

Вождь удивлённо посмотрел на пленников, поскрёб лысину и высокомерно ответил:

— Нет, богоподобные. Я давно уже пообещал всемогущему Гарме принести вас в жертву. Не могу же я обмануть бога.

— Вот видишь, Николай. — обратился к механику командир корабля. — Как я и предполагал, этот жулик нас обдурил.

— Как же так?! — закричал Николай. — Это нечестно!

— Несите всесильного Гарму, — распорядился Вотамолас, и два туземца кинулись выполнять приказ.

Они распахнули двери, вошли внутрь и направились к алтарю. Осторожно взяв каменное изваяние — голову Гармы, туземцы вынесли его на улицу, поднялись по ступенькам на крышу и встали у жертвенного камня. Окружившие святилище жители

деревни издалека с благоговением смотрели на своего рогатого бога, тянули руки к небу и бормотали заклинания.

— Ну и подлый же ты, Вотамолас! — с возмущением проговорил Вася.

— Молчи, богоподобный, не мешай мне думать о благе моего племени, — отмахнулся от него вождь. — О великий Гарма! — воскликнул Вотамолас. — Посмотри, какую жертву приготовили для тебя мармуки! Трое богоподобных явились сюда...

В этот момент страшная физиономия Гармы сморщилась, и он громко чихнул. Не договорив, вождь мармуков застыл на месте с открытым ртом, а туземцы, державшие изображение бога, уронили его на жертвенный камень и с криком разбежались.

— Пыльно у вас там, — пожаловался Футо. Затем мимикр спохватился и загробным голосом произнёс: — Мармуки! Я — всесильный Гарма решил навестить вас, чтобы сказать одну очень важную вещь...

Ещё до того, как Футо закончил свое вступление, всё население деревни рухнуло на землю. Вотамолас повалился на колени с ужасом на лице. Не меньше испугались и Вася с Николаем. Штурман хотел было тоже бухнуться на колени, но ему помешали сырмятные ремни, которыми он был привязан к столбу. Николай едва не потерял от страха сознание. Эдуард Вачаганович, ничего не понимая, вслушивался в странную речь, но вскоре ему всё стало ясно.

— Это наш мимикр, ребята, — прошептал он. — Значит, нас уже ищут.

ГЛАВА 23

С мармуками происходило что-то невообразимое. Они завывали так, словно прощались с жизнью. Не поднимая головы от земли, они воздевали руки к небу и на коленях пятились назад, подальше от святилища.

На крыше из туземцев остался один Вотамолас. Самолюбие не позволило вождю сразу сбежать и присоединиться к своим соплеменникам. Он стоял на коленях и, раскрыв рот, смотрел на ожившую голову Гармы. Вотамолас пытался что-то выговорить, но от страха у него ничего не получалось. Он лишь шлёпал губами и мычал.

— Мармук! — повернувшись к вождю, страшным голосом взревел мимикр. — Немедленно развяжи этих людей, иначе я нашлю на твоё племя наводнение, землетрясение, метеоритный дождь, ураган, пургу и самую ужасную болезнь во Вселенной — грипп. Трепещи, мармук, и повинуйся, пока я добрый. Скоро здесь будут великий Громовержец со своим всемогущим другом Алёшей. А следом за ними сюда спешат десять кровожадных учёных со шприцами и пробирками. И если ты не подчинишься, они возьмут у тебя анализ крови, и ты умрёшь в страшных судорогах!

— Что он несёт? — тихо спросил Вася у Эдуарда Вачагановича.

— Это не важно, — так же тихо ответил капитан. — Учись, штурман. Простой мимикр, а как грамотно запугивает. Смотри, что творится с Вотамоласом.

— Да, да, — едва выговорил вождь и, не поднимаясь с колен, подполз к ближайшему каменному столбу. Дрожащими руками он развязал штурмана, и тот, не дожидаясь, когда туземцы придут в себя, быстро освободил от ремней командира корабля и механика.

— А теперь подойди ко мне, мармук, — потребовал мимикр таким голосом, что даже у землян между лопаток пробежал холодок. — На память о Гарме я хочу треснуть тебе между глаз своим божественным рогом...

— О величайший из великих! — хрипло вскрикнул Вотамолас, но всё же покорно подполз к ужасному богу. — О справедливейший из справедливых! Я, недостойный мармук, прошу

тебя только об одном: пожалей этих бедных жителей деревни! Не оставляй их без вождя! Они погибнут, потому что глупы как куамы.

— Не бойся,— подняв ружьё, оставленное Вотамоласом, сказал Эдуард Вачаганович.— Никто не собирается лишать мармуков правителя. Хотя, будь моя воля, я бы назначил другого, Фомальхаут¹ тебе в глотку! Ступай к своим и прикажи сидеть в своих домах, пока мы не уплывём на плоту. Если кто не выполнит приказа, его Гарма превратит в куама, и до конца своих дней будет он прыгать по деревьям. Всё понятно?

— Да, богоподобный,— пятась назад, закивал вождь.— Я всё сделаю, как ты сказал.— Вотамолас дополз до ступенек, вскочил на ноги и бросился вниз.

— А где остальные? — спросил командир корабля у Фуго, когда вождь мармуков покинул крышу святилища.

— Они там, спускаются,— ответил мимикр и показал на горы.— А я напрямик подался. Спрыгнул во-он с того обрыва.

Капитан посмотрел на горный хребет, затем на Фуго и задумчиво поскрёб щёку с трёхдневной щетиной.

— С парашютом, что ли? — не понял он.

— Нет,— мечтательно ответил мимикр.— Оказалось, что я умею летать. Раньше у меня не было возможности это выяснить. У себя на планете мы сидим дома и не высовываем носа, всего боимся. А здесь вдруг получилось — я полетел. И тогда я понял, что если разумное существо перестать мучить и запугивать, оно вполне может научиться летать.

— Понятно,— сказал капитан.— А теперь ответь, что это за ужасный Алёша, которым ты пугал вождя? Это тот самый мальчишка с Тимиука?

— Да,— поёжившись, ответил Фуго.

— А кто такой Громовержец? — не отставал капитан.

— Цицерон,— ещё тише проговорил мимикр.— Ну... робот. Который грузовой.

¹ Фомальхаут — звезда в созвездии Южной Рыбы.

— А кто-нибудь из взрослых в этой команде есть?

— Тумбук, — едва слышно ответил Фуго. — Такой симпатичный, лысый весь, но очень отважный охотник.

— Какой симпатичный Тумбук?! — прогремел Эдуард Вачаганович. — Откуда у меня на корабле взялся лысый охотник?!

— Это туземец такой, — прошептал мимикр.

— Туземец?! — выдохнул капитан. — Так вы сбежали с корабля одни?!

— Нет, не одни, — отползая в сторону, прошептал мимикр. — Мы с вездеходом. Но он утонул в зы...

— Так вы ещё и последний вездеход утопили?! — закричал командир корабля.

— Если бы мы не сбежали, — быстро проговорил Фуго, — мармуки через полчаса жарили бы вас на костре...

— Молчать! — перебил его Эдуард Вачаганович.

— Да ладно, капитан, они же нас спасли, — вступился за Фуго Вася.

— А тебе ещё десять нарядов за то, что встречаешь в разговор! — окончательно разъярился командир корабля. — Да пусть лучше здесь меня десять раз съедят мармуки, чем один раз на Земле — отец этого противного мальчишки! Летать он научился, мимикр несчастный!

— Я уже не несчастный, — робко возразил Фуго.

— Мне лучше знать, несчастный ты или не несчастный! — продолжал бушевать капитан. — Вернёмся на корабль, ты у меня не летать, а ползать будешь с тряпкой в руках.

— Капитан, — приснул штурман, — да у него же и рук-то нет.

— Тебе ещё десять нарядов за излишнюю наблюдательность! — прорычал Эдуард Вачаганович. — А этому «великому Гарме» мы найдём работёнку для безруких! Будет диванной подушкой в кают-компании или ковриком в душе.

Пока командир корабля придумывал для мимикра штрафные работы, мармуки попрятались по домам. Деревня совершенно

опустела, если не считать больного, который крепко спал на горячем кетле.

— Николай, — не глядя на механика, позвал Эдуард Вачаганович. — Пойди приготовь плот к отправке. Как только появятся железный балбес с мальчишкой, мы сразу же отправляемся.

— Есть приготовить плот! — ответил механик и пошёл выполнять приказ.

— А я пойду выпущу куама из клетки, — сказал Вася. — Кажется, он проснулся. А то эти троглодиты обязательно принесут его в жертву, а потом сожрут.

— Иди, — махнул рукой капитан и обратился к мимикру: — Интересно, как это вы нас нашли?

— Сам удивляюсь, — ответил Фуго. — Уж не знаю, что бы они без меня делали... — Тут мимикр испугался, что капитан примет его за организатора побега, и быстро проговорил: — Но я отговаривал их. Я даже требовал остаться на корабле.

— Эх, — вздохнул Эдуард Вачаганович и пошёл вниз. — Правильно говорил мне капитан «Колумба». Пусть лучше десять чёрных кошек перебегут тебе дорогу. Лучше отправиться в полёт тринадцатого числа в пятницу и встретить в космосе двадцать баб с пустыми вёдрами, чем иметь на корабле одного мимикра.

— Да при чём здесь я-то? — обиделся Фуго. — Я же отговаривал их.

— Бегут-ут! — послышался с берега голос Николая, и капитан с Фуго посмотрели в сторону гор. Метрах в четырёхстах они увидели грузового робота с пассажиром на плече, в котором все сразу признали Алёшу.

К тому времени, как Цицерон с Алёшей добрались до святилища, Эдуард Вачаганович выговорился и даже успел немного остыть. Приготовленные гневные слова улетучились у него из головы, едва он услышал радостный крик робота:

— Капитан! Мы нашли вас!

— Да, — скромно подтвердил мимикр, ободрённый появлением друзей. — И теперь вы в полной безопасности.

Фуго не изменил своей ужасной формы, опасаясь, что мармуки вернутся и разоблачат их. Он не мигая смотрел прямо перед собой и не пошевелинулся, даже когда Цицерон остановился перед капитаном.

— Ну вот, капитан, принимайте командира нашего спасательного отряда? — пробасил робот, снимая с плеча Алёшу, который прятал лицо и всё время всхлипывал. Глаза у него были сильно заплаканными, а на щеках виднелись грязные разводы. Алёша не мог выговорить ни слова.

— Что это с ним? — спросил Эдуард Вачаганович.

— Друга потерял, — ответил Цицерон и тут же поправился: — Мы потеряли лучшего друга.

— Какого друга? — испугался командир корабля. — С вами был кто-то ещё? Погиб кто-то из команды?

— Нет, — мрачно проговорил робот. — Разбился один из пассажиров. Пока мы шли к нему на помощь, его, кажется, утащили дикие звери. Это был замечательный друг, — торжественно продолжил Цицерон. — Мы все очень любили его. Память о нём останется в сердцах. И в моей компьютерной памяти.

Рядом с Эдуардом Вачагановичем кто-то начал всхлипывать, а Цицерон осторожно положил на голову Алёши единственный работающий манипулятор и печально проговорил:

— Я обещал Алёше сложить из камней пирамиду в том месте, где погиб наш друг.

— Неужели Тумбук погиб? — всхлипывая, спросил Фуго у Цицерона.

— Нет, — ответил робот. — Тумбук повернул назад, как только мы увидели всех вас.

— А кто же тогда погиб? — сквозь слёзы спросил мимикр.

Цицерон с Алёшей удивлённо посмотрели на рогатую голову Гармы, и робот неуверенно спросил:

— Фуго, это ты?

— Да, — жалобно ответил мимикр.

— Фуго! — воскликнул Алёша. — Ты живой?!

— Как видите, — проговорил мимикр и как бы в доказательство сказанного принял свой прежний вид.

Алёша приподнял мимикра и так сжал, что он захрипел, затем выдохнул воздух и выскользнул из крепких объятий. Фуго обвился вокруг Алёшиных ног и, посмеиваясь, сказал:

— Честно говоря, я тоже думал, что разобьюсь, но ошибся. Как же всё-таки приятно иногда ошибаться! Я снова с вами.

А Цицерон в это время стоял за спиной у Алёши и радостно бормотал:

— Фуго, бандит, разбойник, булыжник, пенёк, как же ты нас напугал! От моих железных нервов остались одни лохмотья, металлическая стружка, а может, даже и опилки.

После красочного рассказа о том, как он спасся, мимикр пообещал в ближайшее же время продемонстрировать друзьям своё умение летать. Для пущей убедительности он принял форму какой-то уродливой птицы, хлопал мягкими перепончатыми крыльями, но взлететь так и не сумел. Птица лишь смешно подпрыгивала на месте и бегала по кругу.

— Но если меня сбросить с горы, — пыхтел Фуго. — Я обязательно...

Неожиданно в разговор вмешался Эдуард Вачаганович.

— Всё, — строго сказал он. — Хватит изображать из себя подбитую индюшку. Нам пора. Мы и так задержались на этой планете сверх всякой меры. По пути расскажете, как вам, бездельникам, удалось бежать с корабля. А теперь все на плот.

Погрузка заняла не более двух минут. Вася сбегал к костру, принёс горящих углей и разжёг костёр. Затем все, кроме командира корабля и механика, расселись вокруг глиняной площадки, а Цицерона попросили не шататься по плоту, а лечь и не двигаться, потому что от его веса плот сильно накренился.

Когда вся команда была готова к отплытию, Эдуард Вачаганович подошёл к Николаю и вручил ему шест.

— Справишься? — спросил он.

— А что здесь справляться-то? — пробурчал Николай, которого страшно мучил стыд за то, что он показал себя трусом на крыше святилища.

Капитан похлопал механика по плечу и, чтобы никто не слышал, сказал:

— Ничего-ничего. И не такое бывает. Главное, всё обошлось. Все мы испытываем страх. Надо только суметь удержаться от постыдного поступка, чтобы потом не жалеть. А для этого есть очень хороший рецепт: в любой ситуации думай о жизни, а не о смерти.

ГЛАВА 24

Тем временем радист Афанасий в очередной раз связался с планетой Анибур, и ему сообщили, что спецгруппа наконец вернулась с задания и готова вылететь на поиски пропавших учёных и капитана «Виктории».

Спецгруппа появилась на следующий день. Они посадили свой корабль в каких-нибудь ста метрах от «Виктории» и уже через полчаса явились, чтобы задать радисту несколько вопросов.

Десять спасателей выглядели очень внушительно. Это были здоровые парни, увешанные оружием, какими-то приборами, сапёрными лопатками, разнокалиберными баллончиками, крючками и тросиками. Несмотря на молодость, лица и кисти рук у многих были покрыты шрамами, а в глазах читалась усталость. Особенно измученным выглядел командир — двухметровый немолодой человек с непроницаемым лицом и пудовыми кулаками. Войдя в рубку, он сразу плюхнулся в кресло и только тогда представился:

- Подполковник Зайцев. Кого будем спасать?
- Всех, — испуганно ответил щуплый Афанасий.
- Поточнее, пожалуйста, — бесстрастно попросил командир. — Сколько их, куда и зачем пошли, когда и где пропали?
- Понимаете, — начал Афанасий. — Когда мы сели на эту дурацкую Зелёную планету, выяснилось, что научную станцию засыпало оползнем, но из учёных никто не пострадал и они по-
дались на юг...
- Как птицы, что ли? — спросил Зайцев.
- Вроде того, — ответил радист. — Понятно, что надо было вытаскивать учёных из этой дыры. Вот капитан со штурманом и механиком и отправились их спасать, но где-то потеряли вездеход, и связь с ними оборвалась.
- Как можно потерять вездеход? — удивился командир спецгруппы. — Туземцы, что ли, угнали?
- Кажется, они утопили его в зыбучих песках, о которых нас предупреждали учёные.
- Так, значит, вы виделись с учёными? — спросил Зайцев.
- Нет, — ответил Афанасий. — Они оставили нам записку, но кто-то оторвал половину листка, и там осталось только «зы...». Как мы думали, это и означает — зыбучие пески.
- Ясно, — устало проговорил Зайцев. — Что же было дальше?
- А дальше мальчишка с грузовым роботом и мимикром — вот её племянником, — радист указал на Даринду, и командир смерил тётушку удивлённым взглядом. — В общем, эти трое сбежали спасать капитана и его команду, но тоже пропали. И тогда помощник капитана с поваром и главным механиком ушли спасать их.
- Ну и дела, — покачал головой Зайцев.
- Но самое странное, — продолжил радист, — что они тоже пропали, и теперь я не знаю, что думать.
- Думайте, что всё окончится хорошо, — посоветовал

командир спецгруппы. — Стало быть, вся команда и все пассажиры... — Зайцев посмотрел на Даринду и поправился: — Кроме вас и этого мимикра...

— Этой, — перебила его тётушка Фуго. — Я женщина.

— Прошу прощения, мадам, — извинился командир спецгруппы. — Стало быть, все ушли спасать друг друга и никто из них не вернулся? Я правильно вас понял?

— Абсолютно, — ответил Афанасий.

— Все они, как какие-нибудь скворцы, подались на юг. Я правильно вас понял?

— Абсолютно, — кивнул радист.

— И на связь не выходят.

— Абсолютно, — подтвердил Афанасий и смущённо спросил: — А вы не пропадёте, как вся наша команда?

— Мы? — удивился командир спецгруппы и самодовольно рассмеялся. — Мы не можем пропасть, даже если эта симпатичная планетка развалится на сто кусков. Мы вытаскиваем потерпевших из жерла действующего вулкана и океанских впадин. А вот у вас здесь на юге что-то не в порядке. В общем, будем искать. — Зайцев тяжело поднялся с кресла и спросил: — Нет ли на корабле фотографий пропавших?

— Вы боитесь спутать их с туземцами? — спросил радист.

— Таков порядок, — строго ответил Зайцев.

— Нет, — развёл руками Афанасий. — Но я могу вам их описать...

— Послушайте, — вдруг перебила радиста тётушка Фуго. — Пока вы тут разговариваете, им, может быть, нужна срочная помощь. Может, именно в этот момент кто-нибудь из них гибнет в зубах хищного зверя.

— Если именно сейчас кто-то погибает, — хладнокровно ответил командир спецгруппы, — мы всё равно уже не успеем его спасти. Но постараемся отыскать личные вещи и вернуть их родственникам.

— У моего племянника нет личных вещей, — воскликнула тётушка Фуго. — Шляпу и значок «Галактическое Содружество» он оставил здесь. — И она расплакалась.

— Не волнуйтесь, мадам, — попытался успокоить её Зайцев. — Если нет вещей, мы попытаемся восстановить картину его гибели и расскажем родственникам.

— О, Господи! — зарыдала Даринда. — Вы совершенно бесчувственные люди!

— Успокойтесь, мадам, — ответил командир спецгруппы. — Мы не бесчувственные. Мы — профессионалы.

После того как командир выслушал описание всех пропавших, спецгруппа покинула корабль и погрузилась в мощный вездеход, который своими размерами напоминал бронированную речную баржу. Двое спасателей на всякий случай остались на крыше машины, и не зря. Едва вездеход развернулся на месте, как в нескольких километрах от корабля в небе вспыхнули три звезды.

— Командир! — крикнул один из наблюдателей в люк. — Кто-то подаёт сигнал бедствия! Мы только что видели три зелёные ракеты.

— Тогда вперёд! — скомандовал Зайцев, и машина рванулась с места.

Вездеход спецгруппы выехал на дорогу, проложенную машиной Эдуарда Вачагановича. Как океанский лайнер, он легко утюжил подлесок, оставляя за собой широкую, ровную просеку. Даже полутораметровые валуны под гусеницами гигантской машины превращались в щебёнку, а след от вездехода напоминал довольно сносное шоссе.

Через три километра наблюдатели услышали выстрелы, а затем увидели ещё одну ракету, выпущенную в каких-нибудь двухстах метрах.

— Командир, они совсем рядом, — крикнул наблюдатель.

— Сейчас выяснится, что они сидят под деревом и на

костре готовят себе обед, — вылезая на крышу, проворчал Зайцев. Впереди показалась большая стая хищников, которые при виде огромной машины бросились в разные стороны.

— Эй! Эй! Сюда! — услышали наблюдатели. — Мы здесь, на дереве!

— Ну конечно, — продолжал ворчать командир спецгруппы. — Эти липовые спасатели полезли за орехами и теперь боятся спуститься вниз.

Вездеход остановился как вкопанный, упершись в могучий ствол дерева. Нижние ветви совершенно скрыли половину машины, и тут же откуда-то из густой листвы на броню начали падать люди.

Первым на крышу шмякнулся повар и сразу же нырнул в раскрытый люк. Вторым появился Васич. И последним — помощник капитана. Павел Васильевич страшно ругался, хлопал себя по шее и требовал, чтобы вездеход отъезжал от дерева как можно скорее.

— Приветствую вас, — несколько пренебрежительно поздоровался командир спецгруппы со спасёнными. — Вас загнали туда эти зверюшки, которых мы распугали?

— Да! — рявкнул Павел Васильевич, потирая распухшую щёку. Он испуганно посмотрел вверх и уже с мольбой в голосе попросил: — Да уезжайте же вы отсюда! Сил больше нет.

— Там сидит какой-нибудь хищник? — поинтересовался Зайцев и тут же почувствовал первый укус.

— Там их столько! — приплясывая, заорал помощник капитана. — Полный вперёд!

Сбросив с себя огромную сороконожку, командир спецгруппы ударил себя по шее и удивлённо пробормотал:

— Кажется, это насекомые.

— Они, родимые, — подтвердил Васич. — Вы очень вовремя появились. Ещё час-другой, и от нас остались бы одни комбинезоны.

— Мы немножко встряхнули дерево, и все эти маленькие кровососы свалились на вездеход, — хлопая себя по щекам, сказал наблюдающий. — Надо уезжать, командир.

И действительно, бронированная крыша будто ожила. По ней расползались разные жуки, пауки и сороконожки. По машине скакали тысячи и тысячи мелких блошек, а в воздухе жужжали несметные полчища потревоженных мух с длинными хищными хоботками.

— Вперёд! — наконец поняв, в чём дело, закричал Зайцев водителю. — Это хотя и не кратер действующего вулкана, но осматриваться здесь нельзя ни секунды.

Машина резко дёрнулась, и от неожиданности двое спасённых не сумели удержаться на ногах. Васича так ударило веткой по животу, что он придушенно вскрикнул и опрокинулся на спину. Наблюдатели едва успели сесть, а Павел Васильевич упал на четвереньки и тихо пробормотал:

— Лучше плохо ехать, чем хорошо сидеть на этом поганом дереве. В следующий раз не забыть бы захватить два баллончика дихлофоса.

Вездеход вобрал в себя всех спасённых и двинулся вперёд. Ветками и ветерком насекомых смахнуло с крыши, но немало их успело нападать в раскрытый люк, и команда спецгруппы вместе со спасёнными ещё не менее получаса отлавливала их на себе и на стенках машины.

Вездеход благополучно добрался до засыпанной научной станции и остановился. Несколько спасателей выскочили из машины, обследовали завал, и один из них обнаружил нацарапанную Алёшей записку.

— Командир, — закричал он. — Здесь надпись: «Берём направление на юг. Все живы, здоровы, техника работает хорошо. Алёша».

— Понятно, — глубокомысленно проговорил Зайцев и почесал затылок. — Значит, главное мы выяснили.

Треск ломаемых деревьев и рычание двигателей распугали в округе всю живность. Звери бежали от бронированного чудовища в глубь леса, а те, которые пытались спрятаться в листве, падали на крышу вездехода вместе со сломанными деревьями.

На джунгли опустился вечер, когда оба корабля поднялись в небо. Земляне даже не подозревали, что в этот момент по обе стороны горного хребта два племени, задрав головы, провожают взглядами две удаляющиеся звезды.

— Что мы выяснили? — не понял спасатель.

— То, что они здесь были, — пояснил командир спецгруппы и скомандовал: — Всем в машину!

Вездеход тронулся дальше и вскоре повернул направо, куда уходил хорошо заметный след. Командир спецгруппы попытался выяснить какие-нибудь подробности исчезновения капитана и мальчика у Павла Васильевича, но тот только повторил всё, о чём уже говорил радист. И Зайцев оставил помощника капитана в покое.

Оказавшись в машине, спасённые постепенно успокоились, а затем начали раскисать, жаловаться и стонать. У Васича лицо опухло настолько, что напоминало бледный шар, а глаза превратились в едва заметные щёлочки. У повара сильно раздулась одна щека, перекосился рот, а нос пламенел как красный глаз светового фара. Не меньше пострадал и Павел Васильевич. Лицо его напоминало большую жёлтую тыкву, которая от спелости готова была в любую секунду лопнуть. Помощник капитана постоянно трогал лицо пальцем, тяжело вздыхал и непонятно кому говорил:

— Всё, пора на пенсию. Не планета, а людоедский клоповник какой-то.

След от вездехода Эдуарда Вачагановича оборвался перед большим песчаным озером с каменистыми берегами.

— Стоп! — скомандовал Зайцев, а Павел Васильевич посмотрел в окно и мрачно проговорил:

— Кажется, отсюда они в последний раз связались с кораблём. Зыбучие пески.

— Будем надеяться, что они все успели выскочить, — сказал командир спецгруппы. — Разбиться попарно и обследовать каждый сантиметр берегов. Будем искать след капитана и его команды.

Прямо на противоположной стороне песчаного озера спасатели обнаружили тропку со следами ботинок большого размера. Рядом виднелись глубокие вмятины, оставленные кем-то очень тяжёлым в железных башмаках.

— Это, несомненно, следы грузового робота, — разглядывая ровные края следа, проговорил Зайцев. — Слава Богу, значит, эти паршивцы тоже выскочили из зыбучих песков. Они ушли по следам капитана.

Команда спасателей вернулась к вездеходу и вскоре, обогнув опасное место, машина въехала в густой, девственный лес.

ГЛАВА 25

Плот с командой Эдуарда Вачагановича несло всё дальше и дальше. Ловко орудуя шестом, Николай вывел плавучее убежище на середину реки, и спасателей понесло мимо прибрежных зарослей, из которых то и дело доносились крики животных и каких-то горластых птиц.

За два часа плавания в сплошной стене зарослей не обнаружилось ни одного просвета. Лес стоял густой и плотный, как крепостная стена.

Изредка к воде на водопой выходили крупные звери. Они с удивлением провожали взглядами странных пришельцев, и спасатели не раз поблагодарили судьбу за то, что она подарила им это замечательное плавучее сооружение. Эдуард Вачаганович подсел к Алёше, который устроился несколько в стороне от остальных. Немного помолчав, капитан заговорил:

— Ты поставил меня перед очень неприятным выбором. С одной стороны, я обязан рассказать Алексею Александровичу о твоём поступке. И тогда он тебя обязательно накажет. С другой стороны, вы со своей командой спасли нас от верной гибели. Ещё каких-нибудь полчаса, и туземцы принесли бы нас в жертву своему отвратительному идолу. За это я как командир корабля и спасённый должен объявить тебе благодарность, а как старый солдат — пожать руку за смелость.

— А вы не рассказывайте, — спокойно ответил Алёша.

— Не могу, — развёл руками командир корабля. — Ты же нарушил мой приказ...

— Тогда расскажите, — сказал Алёша.

— И рассказать не могу, — поморщившись, проговорил Эдуард Вачаганович. — Я обязан тебе и твоим друзьям жизнью.

— Знаете, что бы я сделал на вашем месте? — спросил Алёша. — Я бы не стал ничего говорить моим родителям. Чтобы не расстраивать.

— На чужом месте легко принимать правильные решения, — вздохнул капитан. — Я вот тоже знаю, что сделал бы на твоём месте: молчал бы как рыба...

— Значит, договорились? — быстро спросил Алёша и протянул капитану руку.

— Ладно, по рукам, — ответил Эдуард Вачаганович и протянул мальчику широкую, как разделочная доска, ладонь. Крепким рукопожатием они скрепили свой договор, и капитан вернулся к костру.

Спасатели сейчас больше походили на весёлую компанию отдыхающих, пустившихся в плавание, чтобы половить рыбу, посидеть у костра и полюбоваться первозданной красотой дикой планеты.

Внезапно крик Николая напугал всех.

— Стой! — закричал он самому себе и попытался остановить плот, воткнув шест в дно. Но река здесь оказалась глубокой, и шест целиком ушёл в воду. — Капитан! Я вижу столб дыма! Вон там, в лесу!

— Может, опять какая-нибудь деревня аборигенов? — вскочив на ноги, предположил Эдуард Вачаганович.

— Капитан, я не могу справиться с течением! — Николай всячески старался вывести плот со стремнины в более спокойное место, но изменить направление оказалось невозможно.

— Всем грести к берегу! — приказал командир корабля и первым показал, как это делается. Он улёгся на краю плота

и изо всех сил начал загребать к берегу. Его примеру последовали остальные пассажиры. Они улеглись друг за дружкой вдоль всего правого борта и начали помогать капитану.

Тяжёлый неповоротливый плот пронёсся мимо небольшого посёлка учёных с крейсерской скоростью. Люди на берегу ещё издали слышали крики спасателей и все до одного высыпали на берег.

Появление плота поселенцы научной станции встретили радостным гвалтом. Они зашли в реку и, стоя по пояс в воде, приветствовали своих спасителей. Учёные размахивали руками, кричали: «Ур-ра!», но очень скоро поняли, что плот не может пристать к берегу.

— Эй, сюда! Сюда! — дольше всех кричал какой-то долговязый очкарик. — Мы здесь!

— Видим, что здесь! — прохрипел капитан. — И мы здесь, да что толку, Бетельгейзе¹ вам в рёбра!

Плот уносило всё дальше, и вскоре посёлок скрылся за поворотом реки.

— Что будем делать, капитан? — бросив бесполезный шест на брёвна, спросил Николай. — Шест едва достаёт до дна. Повернуть плот при таком течении невозможно.

— Значит, надо всем прыгать в воду, — поднявшись на ноги, ответил Эдуард Вачаганович. — Плот нам больше не нужен. Мы же не собираемся плыть на нём в океан. Всем приготовиться к купанию! — распорядился командир корабля.

— А как же Цицерон? — испугался Алёша.

Эдуард Вачаганович с досадой посмотрел на робота и неуверенно ответил:

— Его же, кажется, везли в металлолом. Выключим, и пусть себе плывёт дальше.

Цицерон молча сидел на брёвнах, ни на кого не смотрел и терпеливо ожидал решения своей участи.

— Нет! — закричал Алёша. — Тогда я тоже останусь здесь! Без него я никуда не пойду!

¹ Бетельгейзе — звезда в созвездии Орион.

— Ну пусть тогда прыгает с нами, — разозлился капитан.

— Он утонет, — тихо ответил Алёша. — Это же робот, а не подводная лодка.

— Мы же не можем из-за него остаться здесь! — закричал Эдуард Вачаганович. — Он всего лишь машина! Грузоподъёмная машина!

— А я всего лишь машина, которая учится в школе, — ответил Алёша. — А вы — машина, управляющая людьми на космическом корабле.

— Ты мне брось эту свою дурацкую философию! — ещё больше рассердился капитан. — Нам надо спасать людей и спасаться самим! А ты уговариваешь остаться на плоту и погибнуть где-нибудь в тысяче километров отсюда! Или остаться на этой планете и одичать, как мармуки или куамы!

— Нам не дадут одичать, — возразил Алёша. — Скоро за нами пришлют спецгруппу.

— Если ты сейчас не прыгнешь в воду, — сурово сказал Эдуард Вачаганович, — я возьму тебя за ухо и самолично сброшу с плота!

— Иди, Алёша, — наконец подал голос Цицерон, — Не бойся, как только вы доплывёте до берега, я сам выключусь. В конце концов, я действительно всего лишь механизм по поднятию тяжестей. Мыслящий домкрат.

— Я никуда без тебя не уйду! — твёрдо ответил Алёша и сел рядом с роботом.

— Ты, чёртова кукла! — крикнул капитан Цицерону. — Ты что, боишься замочить свои электронные мозги?! Не можешь прыгнуть?! Хочешь, чтобы этот маленький нахал уплыл с тобой в океан?!

— Прыгнуть я могу, — наконец согласился робот, решив, что если и утонет, то, по крайней мере, спасёт своего друга Алёшу.

— Ну слава Богу, — с облегчением проговорил Эдуард Вачаганович. — Тогда все в воду. Иначе плот утащит на несколько

километров, и нам придётся продираться через джунгли. А там сами видели, какие зверушки ходят на водопой.

— Лиана! — вдруг вспомнил Вася и показал на зелёную бухту внушительных размеров. — У нас есть длинная лиана. Мы можем обвязать Цицерона и, даже если он завязнет, вытащим его.

— Это вряд ли, — тихо сказал капитан, окинув взглядом огромного робота. — Но мысль правильная. Попробовать можно.

Первым с плота прыгнул Вася. Он дождался, когда Футо очутится в воде, и они вместе поплыли к берегу. Николая капитан сам толкнул в воду, потому что тот пожелал покинуть плот в последнюю очередь.

Алёша, чтобы не дать себя обмануть, ждал, пока Эдуард Вачаганович обвязывал робота и затягивал на нём узлы. В душе он испытывал страх за железного друга, но уговаривал себя, что всё закончится благополучно. Наконец на плоту остались только Эдуард Вачаганович, Алёша и Цицерон. Капитан быстро обвязал другой конец лианы себе вокруг пояса и приказал мальчику:

— Прыгай.

— Я после Цицерона, — испуганно проговорил Алёша.

— Навязался ты на мою голову! — Капитан бесцеремонно схватил Алёшу поперёк живота и швырнул его подальше от плота. Затем командир корабля прыгнул сам...

Отплёвываясь от воды, Эдуард Вачаганович выбрался на мелководье и потянул на себя лиану, но, судя по всему, Цицерон остался там, где прыгнул в воду. У капитана не хватало сил подтянуть робота поближе, и он позвал на помощь своих товарищей:

— Эй, все сюда! Кажется, наш Громовержец основательно застрял. А жаль, — тихо добавил он. — Идти с ним по лесу гораздо безопаснее.

Через пару минут вся команда собралась вокруг командира корабля. Алёша тут же бросился помогать капитану, но тот остановил его:

— Погоди, не торопись, сейчас попробуем все вместе.

Спасатели встали друг за дружкой и ухватились за лиану, словно в соревновании по перетягиванию каната.

— Ну скорей же, скорей! — торопил их Алёша. — Он же заржавеет!

— Так быстро железо не ржавеет, — попытался успокоить его штурман. — Вытащим мы твоего Громовержца, но вот будет ли он после купания работать ...

— Всё равно его ещё можно спасти, — нервничал Алёша.

— Если можно, спасём, — ответил капитан.

На счёт «три» вся команда разом потянула за лиану. Цицерон медленно, точно его тащили из болотной трясины, сдвинулся с места, но неожиданно лиана не выдержала и с треском лопнула, а спасатели попадали друг на друга.

— Всё кончено! — истерично закричал Алёша. — Я же говорил вам! Говорил! Говорил!

— Если ты будешь устраивать здесь истерику, я не посмотрю, что ты не мой сын, и дам тебе хорошего ремня, — пообещал Эдуард Вачаганович.

— Слезами и воплями здесь не поможешь. Мы пришли сюда спасать людей...

— А Цицерон что, не человек? — сквозь слёзы спросил Алёша. — Он, может, почеловечнее любого человека будет.

— Два вездехода утопили, и то ничего, — почёсывая затылок, пробормотал Николай.

— Я никуда отсюда не уйду, — вдруг заявил Алёша и уселся на берегу.

— А тебя никто не спрашивает, пойдёшь ты или нет, — зло проговорил командир корабля. — Вначале спасём учёных, а потом, если будет возможность, попробуем достать и твоего Цицерона. Штурман, пометь место колышком.

Гигантская машина продвигалась по джунглям довольно быстро. Задержки случались лишь тогда, когда на пути оказывалось дерево в два или три обхвата. В таких случаях вездеход подавал назад и объезжал лесного колосса.

Треск ломаемых деревьев и рычание двигателей распугали в округе всю живность. Звери бежали от бронированного чудовища в глубь леса, а те, которые пытались спрятаться в листве, падали на крышу вездехода вместе со сломанными деревьями.

До деревни мармуков спасатели добрались, когда те уже плотно пообедали и, по своему обыкновению, принялись танцевать вокруг костра. Праздник в честь воскрешения вождя плавно перешёл в праздник избавления от богоподобных и ожившего Гармы, который, как мармуки видели в щели своих домов, принял другое обличье и уплыл вместе с богоподобными пришельцами.

Туземцы дружно скакали вокруг костра, пели заунывные песни, а Ватамолас в это время раздумывал, устроить ли в честь благополучного исхода праздник «большой охоты» или сходить войной на соседнее племя ваддаков. Ему не терпелось продемонстрировать соседям подарок богоподобных и объявить себя Главным хранителем Священного Огня, а значит, равным богу.

Рычание двигателей мармуки слышали только после того, как вездеход появился на равнине. До сих пор гром барабанов и тростниковые флейты заглушали его, но когда железная махина вынырнула из леса, музыканты замолчали, танцоры остановились, и всё племя с ужасом уставилось на чудовищную колесницу.

— Охрана, ко мне! — слабым голосом скомандовал Ватамолас и на всякий случай пощёлкал зажигалкой. Страшное виденье не исчезло, и тогда вождь приказал: — Все по домам!

Через минуту все женщины и дети попрятались по своим жилищам, а Ватамолас, пытаясь подавить в себе страх, двинулся вперёд, навстречу гостям. Позади него, ошетилившись копьями

и дубинами, шли охранники и самые смелые охотники. Те, кто послабее, со страхом и любопытством выглядывали из-за спин более сильных собратьев.

— Что творится, — бормотал вождь. — То этих богов не дозовёшься, а то лезут и лезут. Может, небо где прохудилось?

Вездеход затормозил у входа в деревню, и из него сразу выскочили четыре вооружённых до зубов спасателя. Зайцев окинул взглядом пузатого туземца с серым обезьяньим лицом, его многочисленную свиту и поздоровался:

— Здравствуйте, господа аборигены. Если я не ошибаюсь, ты здесь главный, — обратился он к Вотамоласу.

— Да, — как можно бодрее ответил вождь. — Я здесь самый главный. Вождь племени мармуков. — Гигантская колесница распространяла вокруг такой противный запах, что у Вотамоласа закружилась голова. — Это не небесная колесница, — тихо проговорил он своим охранникам. — Так могут пахнуть только посланники ада.

— Здесь не проходили похожие на нас люди? — дружелюбно спросил командир спецгруппы.

— Да здесь много кто проходил, — уклончиво ответил вождь и осторожно спросил: — Вы оттуда? — Вотамолас показал пальцем на землю.

— Нет, мы оттуда, — ответил Зайцев и показал на небо.

— И много вас там таких живёт? — недоверчиво разглядывая пришельца, спросил вождь.

— Очень, — кивнул командир спецгруппы. — Больше, чем на вашей планете людей и животных.

— И все боги? — удивился Вотамолас.

— Все как один. Только некоторые не знают об этом, — ответил Зайцев. — Послушай, вождь, если ты скажешь, как давно и куда пошли люди, я подарю тебе вот это. — Командир покопался в карманах, достал красный фломастер и протянул Вотамоласу.

— А что это? — заворожённо глядя на удивительный предмет, спросил вождь.

— Это волшебная палочка, которой можно писать, — ответил Зайцев. Он снял с фломастера колпачок и нарисовал на своей ладони кружок.

— Кровь! — заволновался Вотамолас.

— Ну вроде того, — ответил командир. — В общем, писать можно.

— Скажу, — сразу согласился вождь. Он взял фломастер и спрятал его за пазуху. — Но вначале подари мне ещё что-нибудь.

— Какой ты жадный, вождь, — сказал Зайцев и крикнул оставшимся в вездеходе: — Ребята, дайте-ка пачку печенья! Побалуем туземцев земными лакомствами.

Из машины высунулся спасатель и бросил Вотамоласу брикет в яркой обёртке.

— А этим что делают? — поймав подарок, спросил вождь. Он потряс пачку, приложил её к уху, а затем понюхал. — Пахнет приятно.

— Это едят, — ответил Зайцев. — Попробуй, очень вкусно.

— Нет, сейчас не буду, — ответил Вотамолас и так же аккуратно убрал печенье. — А ещё что-нибудь дадите? — с алчным огоньком в глазах спросил вождь.

— Ну ты, брат, даёшь, — рассмеялся Зайцев и достал из кармана расчёску. — Вот тебе последний сувенир, и говори, где наши люди.

— Зачем им расчёска? — прыснул рядом стоящий спасатель. — Они же лысые.

— Ничего, — ответил командир. — Пусть приобщаются к цивилизованной жизни.

А Вотамолас схватил подарок, сунул его за пазуху, но потропился, и на землю вывалились все его сокровища: зажигалка, фломастер и пачка печенья.

— Ого! — заметив зажигалку, изумился командир. — Так ты и у них кое-что выклянчил?

— Ничего я не выклянчил, — собирая вещи, обиженно ответил вождь. — Сами подарили.

— А может, вы зажигалку отобрали, а хозяина съели? — спросил Зайцев.

— Нет, — не на шутку перепугавшись, ответил Вотамолас и затараторил: — Хотели съесть, но у нас ничего не получилось. У богоподобных есть волшебная палка, которая убивает. Они меня убили, а потом оживили. А потом из святилища появился всесильный Гарма и потребовал, чтобы мы их развязали и отпустили. Мы их отпустили и теперь празднуем моё воскрешение и освобождение от богоподобных и Гармы. А богоподобные уплыли вниз по реке совсем недавно.

— Единственное, что я понял, — они всё-таки живы, — обрадовался Зайцев и крикнул своим спасателям: — В машину! Они здесь были совсем недавно.

— Недавно, недавно, — радостно закивал вождь, довольный тем, что страшные гости так быстро решили покинуть деревню.

— Но если ты нас обманул, вождь, — погрозил пальцем командир спецгруппы, — мы сюда вернёмся...

— Нет, нет, — замахал руками Вотамолас. — Все живы. Да у нас и своей еды хватает. Зачем же богоподобных кушать?

Через минуту вездеход аккуратно обогнул деревню мармуков, выехал на берег реки и плавно вошёл в неё. Огромная машина подняла такую волну, что вода хлынула на берег и достала до ближайших хижин.

Вотамолас со своей свитой смотрел, как бронированное чудовище в одно мгновение перегородило реку, и со священным трепетом пробормотал:

— Это же надо, такую колесницу построить! Если бы у меня была такая железная крепость, я бы завоевал не только все соседние племена, но и все земли, какие только есть.

Проводив завистливым взглядом небесную колесницу, Вотамолас распорядился, чтобы жители деревни продолжили пляски, а сам, расстроенный, удалился в свою хижину.

А тем временем вездеход без всяких помех шёл прямо по руслу реки, разгоняя воду в разные стороны. Волны полуметровой высоты заливали берега. Почти вся команда спасателей выбралась на бронированную крышу, и только Павел Васильевич с Васичем остались внутри зализывать раны.

Через полтора часа езды по воде наблюдатели спецгруппы увидели вначале дым от костра, а затем и временный лагерь учёных. Бедные робинзоны с радостными криками бросились в воду, но их тут же большой волной вышвырнуло обратно на берег.

— Где капитан и его команда? — перекрывая рёв двигателей, спросил Зайцев у бородача, который каким-то чудом сумел удержаться в воде.

— Они проплыли на плоту мимо каких-нибудь полчаса назад, — крикнул в ответ учёный.

— Полный вперёд! — скомандовал командир спецгруппы, и вездеход рванулся дальше, оставив испуганных и разочарованных учёных в полном недоумении. До нитки промокшие, они метались по берегу, тянули к вездеходу руки и кричали:

— А мы-то?! С нами-то что будет?!

— С вами всё будет хорошо, — напоследок крикнул им Зайцев. — Сворачивайте свои юрты и ждите.

Капитана и его команду наблюдатели увидели издалека. Те держались мелководья, опасаясь заходить в лес, в котором могли встретиться с крупными хищниками. Впереди, приплясывая от радости, бежал штурман Вася. За ним, сохраняя капитанское достоинство, шёл Эдуард Вачаганович с мимикром на руках. Фуго, не помня себя от счастья, что их наконец спасли, заорал:

— Ур-ра! Наши пришли!

— Нет, чтобы я ещё связался с этими мимикрами... — поморщившись, проговорил капитан и, словно мячик, бросил Фуго

в воду.— Иди поплавай. А то расселся на руках, будто болонка какая.

За капитаном брёл Алёша, который, увидев вездеход, воспрянул духом и тоже бросился к машине. И замыкал шествие Николай. Лицо у него было угрюмое, словно грозовая туча. А на душе у механика скребли большие, ростом с медведя, кошки.

Вездеход остановился в нескольких метрах от Васи. На крышу вылезли и Павел Васильевич с Васичем. Помощник капитана кисло улыбался, чесал болящую шею и помахивал спасённым рукой. Васич пытался изобразить на лице радость, но его так перекосило, что этой гримасой можно было скорее напугать.

Команда капитана ещё долго кувыркалась в воде. Огромной волной, поднятой вездеходом, Футо чуть не унесло на середину реки. Но Николай вовремя успел поймать мимикра.

— Всё-таки капитан наш большой грубиян,— обиженно проговорил Футо, поудобнее устраиваясь на руках у механика.

— Капитан наш — отличный мужик,— вздохнув, ответил ему Николай.

— Да? — противным голосом проговорил мимикр.— А как он меня швырнул в воду? Был бы я покрупнее телом, я бы ему сказал пару ласковых...

— Ну иди, скажи,— проговорил Николай и швырнул Футо поближе к вездеходу.

— Бандиты, а не космоплаватели! — прежде чем погрузиться в воду, успел крикнуть мимикр.

Алёша вскарабкался на крышу вездехода и, не поздоровавшись, спросил:

— Кто здесь командир?

— Я командир,— изучающе глядя на мальчика сверху вниз, ответил Зайцев.

— Там мой друг, Цицерон,— волнуясь, проговорил Алёша, указывая направление вниз по реке.— Он утонул. Его надо обязательно достать.

— Кто такой Цицерон? — обеспокоенно спросил командир спецгруппы у Павла Васильевича.

— А-а, — махнул рукой помощник капитана, — металлолом. Старый грузовой робот. Болтун, каких мало. Поэтому и называли Цицероном.

— Его надо спасти, — испугавшись, что его не послушают, настойчиво проговорил Алёша. — Я очень прошу вас. Если вы его не вытащите, я убегу... Я останусь здесь. Мы вам заплатим... Папа вам заплатит на Земле.

— Не говори ерунды, парень, — спокойно ответил Зайцев. — Показывай, где утонул твой друг. — Командир спецгруппы обернулся и крикнул в люк: — Эй, ребята, приготовьте трос и лебёдку. Один из команды отдыхает на дне. Будем доставать.

ЭПИЛОГ

Обратно возвращались той же дорогой. Против течения вездеход шёл куда медленнее, и за несколько часов пути учёные и члены команды «Виктории» успели рассказать друг другу обо всех своих злоключениях. И только Алёша не принимал участия в общем разговоре. Он сидел рядом с Цицероном, смотрел на его потухший фотоэлемент и думал о том, увидит ли когда-нибудь ещё своего железного друга живым.

Со спецгруппой прощались долго. Каждый норовил пожать всем спасателям руки по нескольку раз и пожелать столько всего, что пережить всё это в течение одной жизни казалось невозможным. Спасатели терпеливо позволяли тискать свои ладони, снисходительно улыбались и на все приглашения погостить отвечали примерно одинаково: «Приедем. Это уж как водится. Обязательно приедем».

Конец затянувшемуся прощанию положил командир спецгруппы.

— Капитан, твои люди мне ребят испортят. Смотри, двое уже носами шмыгают, — усмехаясь, сказал Зайцев. Затем он взглянул на Даринду и добавил: — Нас ждут. Может быть, именно в этот момент кто-нибудь гибнет в зубах хищного зверя.

Когда грузились на корабль, всем было немножко грустно покидать Зелёную планету. И даже Фуго, прежде чем скрыться за дверью, на минуту остановился, чтобы бросить последний взгляд на зелёное море джунглей и потемневшее синее небо.

— Да, красиво, — остановившись рядом, сказал бородатый учёный. — Я прожил здесь больше года, но до сих пор не перестаю восхищаться этой планетой.

— Это всё лирика, — проходя мимо, проворчал Эдуард Вачаганович. — Долго не стойте. Через полчаса отправляемся.

— А кстати, вы знаете, как звучит на местном языке название этой планеты? — спросил бородач у капитана.

— Как? — из вежливости поинтересовался командир корабля.

— Нивашрам, — ответил учёный. — В переводе это означает Большая Земля.

— Ну правильно, — сказал Эдуард Вачаганович. — Странно было бы, если бы они её называли Буторком или Кочкой.

На джунгли опустился вечер, когда оба корабля поднялись в небо. Пламя осветило лес на много километров, и земляне даже не подозревали, что в этот момент по обе стороны горного хребта два племени, задрав головы, провожают взглядами две удаляющиеся звезды. И только после того, как корабли исчезли, мармуки и ваддаки вернулись к своим обычным занятиям — пляскам вокруг костра. Один Вотамолас всё ходил по берегу реки и никак не мог успокоиться.

— Эх! — ударив себя в грудь кулаком, воскликнул он. — А ведь где-то там... — Не закончив фразы, вождь махнул рукой и сунул в рот кусочек сахарного печенья.

Серия «Новые сказочные повести»

Саломатов Андрей Васильевич

ТАЙНА ЗЕЛЁНОЙ ПЛАНЕТЫ

Для среднего школьного возраста

Художник

Соколов Геннадий Валентинович

Главный редактор А. Алир

Литературный редактор И.Ф.Скороходова

Технический редактор М.В.Юдаева

Компьютерная вёрстка И.Я.Николаенко

Корректор С.П.Мосейчук

Ответственный за выпуск А.В.Сенюшов

Сертификат соответствия

РОСС RU. AE 51. H 15427 № 0305667 от 08.06.2011

Подписано в печать 22.11.2011. Формат 70х90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. п. л. 10,5. Гарнитура «Академия».

Тираж 18 000 экз. Заказ № 4550.

Издательство «Самовар»

125047, Москва, ул. Александра Невского, д.1.

Информация о книгах на сайте www.knigi.ru

Оптовая продажа: ООО «Атберг 98»

(495) 925-51-39 www.atberg.aha.ru

Интернет-магазин: www.books-land.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных
издательством материалов в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного
Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР».
170040, Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

ISBN 978-5-9781-0551-3

© А.В.Саломатов, текст.

© Издательство «Самовар»,
серийное оформление.

© РИО «Самовар 1990»,
иллюстрации.

Действие книги происходит в недалёком будущем, когда межпланетные полёты стали обычным делом для землян.

Космический корабль, на котором летели Алёша и его друзья, делает вынужденную посадку на одной из планет созвездия Орион. Когда экипаж корабля попадает в сложную ситуацию, друзья отправляются ему на помощь. В этой полной опасностей приключений экспедиции нашим героям пришлось познать коварство жителей Зелёной планеты, столкнуться с невиданными животными и необычными природными явлениями. Но, несмотря на все трудности, они вышли победителями, узнав цену настоящей дружбе.